

А.А. Нестеренко

**ЛЕВ ТОЛСТОЙ
И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

ЧАСТЬ II

Учебное пособие

УДК 882 (075)
ББК 83.3 (2Рос=Рус)5
Н56

Автор: доктор филологических наук, профессор кафедры литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Нестеренко А.А.

Рецензент: кандидат филологических наук, проректор Витебского государственного института повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов образования, доцент **Маханьков Ю.В.**

Учебное пособие представляет собой 2-ю часть задуманной автором серии пособий к историко-литературному спецкурсу «Творчество Л.Н.Толстого в контексте русской и мировой литературы». Автор анализирует толстовские размышления и творческие параллели Л.Н. Толстого и русских писателей XVIII – XIX (первая половина) веков: М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, А.И. Герцена.

В эту часть вошёл также материал и второй половины XIX века, её начала – огромного периода жизни и деятельности Л.Н. Толстого – с разделами о писателях-демократах 60-х годов и об И.С. Тургеневе.

УДК 882 (075)
ББК 83.3 (2Рос=Рус)5
Н56

© Нестеренко А.А.
© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2002

Г Л А В А I

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII века

Всего два свидетельства нам известны из наследия Л.Н. Толстого о **М.В. Ломоносове**.

Середина 70-х годов. Разгар одновременной работы писателя над «Новой азбукой» и романом «Анна Каренина» [1]. Толстой пишет А.А. Толстой, что, занявшись школьным делом (это уже 2-й этап; 1-й связан с созданием яснополянской школы для крестьянских ребят и журнала «Ясная Поляна» в конце 50-х годов) в своём уезде, он «полюбил опять, как четырнадцать лет тому назад», «эти тысячи ребятишек», и дело у него «идёт очень хорошо». «Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе». Как видим, авторитет Ломоносова как писателя, мыслителя, учёного, педагога для Толстого безусловен. Это, так сказать, к общей постановке вопроса.

Другое свидетельство касается проблемы народности, – во-первых, в широком смысле слова, в значении «любви к народу» и, во-вторых, относительно народности литературы, языка. Личный врач Толстых Д.П. Маковицкий передаёт слова Льва Николаевича: «Как Герцен прав, отзываясь с таким уважением о декабристах. Как они относились к народу! Они, как и мы (Л.Н. упомянул и Кропоткина), через нянек, кучеров, охотников полюбили народ... У французов этого чувства к народу – связи сердечной с прислугой, с народом – нет. Англичане, когда пишут о народе, передают язык народа исковерканным; то же самое и французы. У немцев народу надо учиться hochdeutsch (литературному языку), а не литераторам у народа его языку. А мы всё *учимся* (курсив А.Б. Голденвейзера) у народа. Ломоносов, Державин, Карамзин – до Пушкина, Гоголя, – и даже о Чехове можно это сказать, да и я».

Из истории русской литературы XVIII века известна большая роль журналистики в 1760 – первой половине 1770-х годов. Имеются в виду сатирические журналы **Н.И. Новикова**, которые не только будили русскую общественную мысль, но и способствовали формированию русской художественной литературы на пути к реализму.

В декабре 1853 года Толстому случайно попались номера журнала Новикова «Утренний свет» за 1777 год. Из предисловия Новикова к своему журналу Толстой узнаёт, что целью журнала издатель ставил «развитие человеческого ума, воли и чувств, направление их к добродетели». В журнале помещались философские рассуждения о бессмертии души и о назначении человека, переводы диалогов Платона, биография Сократа и т.п. Та-

кое содержание журнала нравится Толстому, хотя он и видит в этом крайность; по его мнению, «единственная цель литературы – нравственная». У него даже является мысль самому издавать журнал подобного направления. «Вот цель благородная и для меня посильная, – записывает он 20 декабря в дневник: издавать журнал, целью которого было бы единственно распространение полезных (морально) сочинений». Из журнала была бы исключена всякая полемика и «насмешка над чем бы то ни было».

Это был один из многих проектов молодого Толстого, к осуществлению которого он никогда не приступал. Для нас же важно даже в таком случае то, что из опыта Новикова Толстой хотел почерпнуть лишь морально-этическую сторону журнального проповедничества, опустив сатирическую направленность печатного органа [2].

К опыту Новикова Толстой обращается через 5 лет (в 1858 г.). Это связано с речью-воззванием Александра II к московскому дворянству об устройстве быта помещичьих крестьян (старт «реформы сверху» 1861 г.).

Эта царская речь, с одной стороны, была по-лисий лъстива, а с другой – выказывала крайнее беспокойство по поводу пассивности московского дворянства – форпоста российского престола – в деле «изменения крепостного права» в том смысле, что лучше «начать его сверху, нежели снизу».

Толстой был крайне возмущён и отозвался «Запиской о дворянском вопросе». Упрёки Александра II в адрес московского дворянства были квалифицированы им как хитрый ход с целью взять из огня каштаны чужими руками, то есть обелить правительство и обвинить дворянство. В пику Александру II Толстой говорит: «Только одно дворянство со времён Екатерины готовило этот вопрос и в литературе, и в тайных и не тайных обществах, и словом, и делом. Одно оно посылало в 25 и 48 годах и во всё царствование Николая за осуществление этой мысли своих мучеников в ссылки и на виселицы и, несмотря на всё противодействие правительства, поддерживало эту мысль в обществе и дало ей созреть так, что нынешнее слабое правительство не нашло возможным более подавлять её».

В этих словах Толстой впервые выразил вполне определённо своё сочувствие и декабристам, и петрашевцам в их борьбе с правительством Николая I за уничтожение крепостного права. Они-то, эти мученики, – говорит Толстой, – а не правительство, и поддерживали в обществе идею освобождения.

Толстой не говорит, что всё дворянство сочувствует освобождению крестьян: ему сочувствует только меньшинство; но это меньшинство является в то же время «большинством по образованию и влиянию».

Толстой и впоследствии твёрдо держался того взгляда, что инициатива освобождения крестьян принадлежала не правительству Александра II, а передовым просвещённым людям дворянского класса. В статье «Великий грех» (1905 г.) он писал: «Освобождение крестьян в России совершено не Александром II, а теми людьми, которые поняли грех крепост-

ного права и старались, независимо от своей выгоды, избавиться от него; преимущественно же совершено такими людьми, как Новиков, Радищев, декабристы, – теми людьми, которые готовы были страдать и страдали сами... ради верности тому, что они признавали правдой». Также и в очерке «Три дня в деревне» (1910 г.) Толстой писал: «В пятидесятых годах лучшие люди общества, преимущественно сами дворяне, владельцы крепостными, поняв преступность своего положения, разъяснили правительству необходимость отмены этого явно несвоевременного и безнравственного права, и крепостное право уничтожилось».

По отношению к личности **А.Н. Радищева** Толстой свою позицию выражал тоже в морально-политическом аспекте, уважительно отзываясь о гражданственности и просветительстве его творчества. Это видно из цитированных выше строк статьи «Великий грех» (1905 г.).

Кстати, незаконченная и необработанная «Записка о дворянском вопросе», о которой упоминалось выше в связи с Н.И. Новиковым, замечательна той резкостью, с которой Толстой критикует и речь царя, и самый образ действий правительства в крестьянском вопросе, и, главное, тем сочувствием к «мученикам» за дело освобождения крестьян, гонимым Екатериной – Радищеву и Новикову, декабристам и петрашевцам, которое впервые с полной определённой высказано Толстым в этой записке.

Интересна случайная (случайна ли?) перекличка толстовской «Записки...» об *освобождении* крестьян в России середины XIX века с его письмом к музыкальному критику и крупному общественному деятелю В.В. Стасову в 1902 году с просьбой содействовать *освобождению* тульского крестьянина М.П. Новикова, арестованного по распоряжению министра внутренних дел за поданную им в тульский комитет Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности докладную записку о тяжёлом положении крестьян. Толстой писал Стасову: «Новиков – замечательный по уму, образованию и горячности крестьянин, мне давно знакомый и близкий. Он подал в тульский комитет записку, которая для тульских консерваторов показалась, вероятно, такою же, как «Путешествие» Радищева Екатерине, и вот с ним хотят сделать то же, что и с Радищевым». Как видим, гражданский пафос «Путешествия из Петербурга в Москву» первого русского революционера А.Н. Радищева в сознании Л.Н. Толстого эхом откликнулся через 112 лет в судьбе другого честного гражданина России, смело, как и Радищев, вставшего на защиту обездоленного крестьянства.

Интерес Л.Н. Толстого к **Н.М. Карамзину** был разнопланов: как к историку, затем как к писателю, носителю русского литературного языка и, наконец, – как к знаковой личности своей эпохи.

Первое известное нам упоминание о Карамзине относится к концу 1853 года. С 18 ноября по 16 декабря Толстой читает «Историю государства Российского», при этом слог автора находит «очень хорошим», а предид-

словие Карамзина к своему труду вызывает у Толстого «пропасть хороших мыслей».

Имя Карамзина связано и с неосуществлённым замыслом конца 70-х годов произведения времён Николая I, действие которого должно было происходить осенью 1829 года в южном городе по окончании войны с турками 1828-1829 гг. (Адрианопольский мир).

Первоначально Толстой предполагал начать свой роман с 1816 года. В записной книжке намечены три круга действия: «В России – правительственное», «В России – общественное», «В России – литературное». Каждый круг обозначен сведениями по данной теме. Так, в «России – общественное» отмечены события из жизни Пушкина и Карамзина, упомянуты – с одной стороны – кружок императрицы Марии Фёдоровны, с другой – «разгар войны литературной» и приведена эпиграмма на противников Карамзина.

Затем план начатого романа подвергся существенным изменениям. Прежде всего сменилось время действия: не 1816 год, а «1824 год, весна». Далее перечисляются высшие должностные лица того времени: министр юстиции, председатель Государственного совета, министр народного просвещения, обер-прокурор и обер-секретарь Синода. Затем записываются данные о местопребывании в том же 1824 году Пушкина, Ермолова, Карамзина, Александра I. Во второй редакции этого нового плана отмечен выход 10 и 11 томов «Истории государства Российского» Карамзина.

Любопытна карамзинская реминисценция в повести Толстого «Отрочество». Здесь, как и в «Детстве», ещё нет принципиального отрицания крепостного права. Мы находим здесь лишь признание равенства людей из народа и людей привилегированных классов в отношении способности к глубоким и сильным чувствам. Свой рассказ о любви дворового Василия к горничной Маше автор предваряет следующим обращением к читателю: «Не гнушайтесь, читатель, обществом, в которое я ввожу вас! Ежели в душе вашей не ослабли струны любви и участия, то и в девичьей найдутся звуки, на которые они отзовутся». Как видим, Толстой повторяет здесь сентенцию, высказанную ещё Карамзиным в 1792 году в повести «Бедная Лиза» словами: «И крестьянки любить умеют».

Мы уже отмечали высокую оценку Толстым языкового стиля «Истории государства Российского» («очень хорошо»). Это – про научное сочинение. Но вот к художественному – повести «Бедная Лиза» – Толстой в этом плане более взыскателен, и тут проявилась его принципиальная позиция писателя-реалиста, далеко ушедшего вместе с русской литературой от времён русского сентиментализма, с которым мы связываем прежде всего творчество Карамзина.

История вопроса такова. В период работы над «Азбукой» (середина 70-х годов) Толстой увлёкся изучением русского народного творчества и фольклора других народов. Живое общение с крестьянскими детьми поставило перед Толстым во всей силе вопрос о народности литературы. По

этому поводу возник письменный диалог с публицистом и литературным критиком Н.Н. Страховым. Скорее всего, взыскательный писатель, каким всегда был Л.Н. Толстой, в своих письмах к Страхову слишком строго и несколько тенденциозно оценивает достижения новой литературы, считая, что «последняя волна поэтическая... была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывает, бог даст, а пушкинский период умер совсем, сошёл на нет». И ещё более резко: «Противен этот наш теперешний язык и приёмы, а к другому языку и приёмам (он же и случился народный) влекут мечты невольные». Более того, Толстой и себя заодно с русскими писателями-реалистами корит за «ложные приёмы, ложный язык».

И как пример искусственности содержания и языка Толстой приводит повесть Карамзина «Бедная Лиза» и противопоставляет ей народное творчество. ««Бедная Лиза», – говорит он, – выжимала слёзы, и её хвалили, а ведь никто никогда уж её не прочтёт, а песни, сказки, былины – всё простое будут читать, пока будет русский язык».

Мы можем шутливо воскликнуть: «Бедная «Бедная Лиза»!». А если серьёзно, то здесь явное «преувеличение от увлечения», типичный пример субъективного взгляда крупного таланта на состояние дел в компетентной для него области русской литературы.

Нам кажется, Толстой в этом случае спорил сам с собою. И крайность, в которую он явно впадал (народный языковой стиль лучше, вековечнее литературного), проистекала из постоянной работы мысли художника, мыслителя-проповедника, гражданина, человека. Какая-то составляющая в какой-то момент перевешивала – и высказывались односторонние, субъективные утверждения. Это естественно. Затем, по спокойной взвешенности аргументов «за» и «против», торжествовало объективное. Как, вот, и с Карамзиным... В сентябре 1885 года Толстой вёл оживлённую переписку и П.И. Бирюковым о содержании и языке предполагавшегося народного журнала. Опустим все перипетии, помешавшие осуществиться этой доброй затее. Отметим главное для нас. Очень озабочивал Толстого язык будущего народного журнала. В одном из писем он писал: «Язык надо бы по всем отделам (больше всего его смущал научный отдел, где скорее всего могла укрепиться языковая «пошлость». – А.Н.) держать в чистоте – не то, чтобы он был однообразен, а напротив – чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту. Пусть будет язык Карамзина, Филарета, попа Аввакума, но только не наш газетный. Если газетный язык будет в нашем журнале, то всё пропало».

Всё встало на свои места, а Карамзину Лев Николаевич отвёл первое...

ГЛАВА II

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX века (1-я половина)

1. До Пушкина

Знакомство с баснями **И.А. Крылова** у Толстого восходит к концу 30-х – началу 40-х годов, когда Лёвушке было 11-12 лет – пора ученичества. Сохранилась тетрадь ученических сочинений и переложений Толстого. Там всего 11 сочинений и переложений. По своему содержанию они разделяются таким образом: четыре рассказа на исторические темы, четыре описания различных времён дня и года, одно описание пожара в Туле и два переложения басен Крылова.

Наибольший интерес представляют именно переложения басен Крылова – «Фортуна и нищий» и «Собачья дружба». Изложение мальчика Толстого не только вполне передаёт содержание обеих басен, но и воспроизводит встречающиеся в них наиболее удачные в художественном отношении выражения, как например: нищий *«таскался»*, он *«расправил»* свою суму, *сума «тяжёленька»*, *«новые друзья к ней взапуски летят»* (у Крылова: *«несутся»*). Некоторые предложения, особенно запечатлевшиеся в художественной памяти мальчика Толстого, он поместил в своё изложение буквально, как, например: *«не треснула б»* (сума), *«это дело»*, *«фортуна скрылася»* и даже целиком два стиха: *«Тут нищему Фортуна вдруг престала и говорит ему»*. Но во многих других случаях маленький Толстой заменил выражения Крылова своими, более простыми. Так, у Крылова нищий расправил свой кошель – *«и щедрою рукой тут полился в него червонец дождь златой»*. У Толстого сказано просто: *«Нищий расправил свою суму, и в неё посыпались червонцы»*. Вместо крыловского: *«Ещё, ещё маленько, хоть горсточку прибавь»* – у Толстого кратко: *«Прибавь ещё немного»*. У Крылова новые друзья *«не знают с радости, к кому и приравняться»* – у Толстого: *«не знают, как себя назвать»*. Вместо стиха, которым у Крылова заканчивается басня и в котором баснописец употребляет несколько искусственный оборот: *«И нищий нищенским по-прежнему остался»* – у Толстого читаем: *«И удивлённый нищий пошёл по-прежнему скитаться»* [3].

Вообще изложение обеих крыловских басен мальчиком Толстым по своей простоте и сжатости напоминают те его пересказы басен Эзопа и других баснописцев, какие были написаны им, уже прославленным художником, тридцать лет спустя (в 1871-1872 гг.) в его «Азбуке» и «Книгах для чтения».

Следующая творческая «встреча» Толстого с Крыловым произошла уже в юности, в бытность его студентом Казанского университета. По предложенному ему профессором Д.И. Мейером заданию студент Толстой

написал небольшое исследование по сравнительному анализу «Наказа» Екатерины II и «Духа законов» Монтескьё.

Разбирая «Наказ», студент Толстой стоит на точке зрения интересов своего (дворянского) сословия. Он скорбит об упадке знатного дворянства. Причину этого он видит в том, что «благородные стыдились заниматься торговлею». «Высокое назначение» «благородных» в том, «чтобы усилиться». Однако он не считает, как Екатерина II, заслугой дворянства «одно только знатное происхождение». После басни Крылова о гусях, – замечает Толстой, – против этой ложной мысли ничего больше сказать нельзя».

Не мог Толстой обойти творчество Крылова, и работая над «Войной и миром». Эпизод в Вильне, где князь Андрей встречается с Николаем Ростовым, который уже получил согласие от княжны Марьи. Вечером того же дня в Вильну приезжает из партизанского отряда, жив и невредим, Петя Ростов. На другой день утром «оба новые родные», князь Андрей и Николай Ростов, отправляются к фельдмаршалу просить – Ростов об отпуске на 28 дней, а Болконский – о зачислении в действующую армию (не в штаб). Фельдмаршал соглашается на то и на другое. На другой день состоялся смотр, на котором после церемониального марша Кутузов поздравил войска с победой. Толстой присоединил сюда и эпизод с произнесением Кутузовым стиха из басни Крылова «Волк на псарне», в действительности происходивший в другое время (в окончательном тексте этого эпизода нет).

Как не сказать о творческой переключке Толстого и Крылова в момент его увлечённой работы в 70-е годы над «Азбукой»? Известно, что для этой книги Толстой переводил басни Эзопа. Известно также, что эзоповским наследием пользовались Лафонтен и Крылов.

Как творческая личность, Толстой «приспособил» опыт родоначальника басенного жанра к своим задачам создания учебно-воспитательной книги, какой виделась ему его «Азбука». Так, у Эзопа везде нравоучение, «мораль» дана в конце басни словами самого автора. У Толстого, напротив, во всех баснях нравоучение вовсе отсутствует. В педагогических целях он считал более целесообразным, чтобы ученики «передавали не только самое содержание басни, но и тот общий вывод, который, по их понятиям, вытекает из басни».

Но в то же время в баснях у Толстого, так же, как и у Эзопа, отсутствуют художественные детали, каких так много у Лафонтена и Крылова, пользовавшихся сюжетами Эзопа; нет даже эпитетов, характеризующих то или другое действующее лицо. Это объясняется стремлением обоих баснописцев (Эзопа и Толстого) сосредоточить всё внимание на основной идее басни и не направлять его на подробности, не имеющие существенного значения для смысла. Все басни начинаются не с характеристики действующих лиц, не с описания обстановки, а с действия: «Галка увидела, что голубей хорошо кормят», «Поймал рыбак рыбку», «Попалась лисица в кап-

кан», «Шли по лесу два товарища» и т.д. Басни Эзопа в «Азбуке» Толстого так же просты по содержанию и языку, как просты они в подлиннике.

И вот мы подошли к тому самому моменту, который выявляет неповторимую субъективность большого мастера при оценках других мастеров своего «цеха».

1878 год. Похороны Н.А. Некрасова [4]. Толстого там не было, но Н.Н. Страхов в письме к нему подробно рассказал об этом траурно-торжественном акте. Рассказ Страхова произвёл на Толстого тяжёлое впечатление, так как он считал кощунством хвалебные речи над могилой усопшего, ничего общего не имеющие, по его мнению, с великим таинством смерти.

Невольно (а точнее сказать, – по просьбе Страхова) Толстой высказал своё мнение на это время о поэзии Некрасова. Вот дословно эта субъективная оценка, идущая в параллели с мнением о творчестве русского баснописца Крылова: «О Некрасове я недавно думал. По-моему, его место в литературе будет место Крылова. То же фальшивое простонародничанье и та же счастливая карьера – потрафил по вкусу времени – и то же невыработанное и не могущее быть выработанным – настоящее присутствие золота, – хотя и в малой пропорции и в не подлежащей очищению смеси».

В одной из басен 1892 года (с Е.И. Раевской) Толстой делает лингвистический анализ языкового стиля басен Крылова – как бы в подтверждение сказанного Страхову 14 лет назад: «Не люблю я его *quasi* – народный язык». Толстой указывает, как на пример, на басню «Кот и Повар», в которой находит ряд неупотребительных в народе слов и неправильных оборотов: «*грамотей*» («К чему *грамотей*?»), «*тризна*», «*стеречи*»; а также на басню «Ворона и Лисица», где Крылов пишет: «Вороне где-то бог послал кусочек сыру» («Откуда вороне добыть сыра?»); у Эзопа – «*кусочек мяса*». Лафонтен, которого переводил Крылов, изменил «*мясо*» на «*сыр*» для рифмы: «*fromage*» и «*plumage*» [«сыр» и «перья»].

Невеликое по объёму, но яркое творчество **А.С. Грибоедова** Толстой также не обошёл вниманием.

Первое упоминание в дневнике о чтении комедии Грибоедова «Горе от ума» относится к февралю 1855 года (севастопольский период). После Севастополя Толстой отправился в Петербург, на литературный «Олимп» (журнал «Современник» во главе с Н.А. Некрасовым и целой плеядой уже знаменитых русских писателей). Из Петербурга по пути домой, в Ясную Поляну, Толстой остановился в Москве. В это время развивался его роман с Валерией Арсеньевой, семья которой жила в имении Судаково недалеко от Ясной Поляны. В Москве он испытал «невыразимую тоску» из-за отсутствия Валерии. В таком грустном состоянии он посетил Малый театр, где увидел спектакль по комедии Грибоедова «Горе от ума». Постановка ему очень понравилась: «Отлично», – записал он в дневнике.

В это время Толстой вообще увлёкся русской драматургией – благодаря первым пьесам А.Н. Островского. Особенно восхитила Толстого пье-

са «Доходное место». И характерно, что, говоря о ней, Толстой проводит генетическую линию от Грибоедова – к Островскому. В январе 1857 года он писал В.П. Боткину: «Комедия Островского («Доходное место». – А.Н.), по-моему, есть лучшее его произведение. Та же мрачная глубина, которая слышится в «Банкруте» («Свои люди – сочтёмся». – А.Н.), после него впервые раз слышится тут в мире взяточников, чиновников. Так же, как и в «Банкруте», слышится этот сильный протест против современного быта; и как там этот быт выразился в молодом приказчике (Подхалюзине. – А.Н.), как в «Горе от ума» в Фамусове, так здесь в старом взяточнике секретаре Юсове. Это лицо восхитительно. Вся комедия – чудо». «Протест против современного быта» есть в глазах Толстого великое достоинство комедий Грибоедова и Островского.

И тем не менее, признавая образцовыми произведениями комедии «Горе от ума» Грибоедова и «Ревизор» Гоголя, Толстой относит их к «самому мелкому, слабому роду» драматической литературы – сатирическому (дневник от 3 февраля 1870 года). В этом сказалось стойкое толстовское убеждение в приоритете пафосного звучания драмы над комедией вообще (см. его статью «О Шекспире и о драме»).

2. Пушкин и Толстой

Объяснить неизбежную генетическую связь творчества А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого [5] можно, наверное, какой-то всеобъемлющей формулой. К счастью, такая формула есть, и выработана она великим Пушкиным: «Слова поэта суть уже его дела». Если это утверждение Пушкина справедливо относительно всех писателей вообще, то тем более справедливо оно в отношении таких писателей, каким был Лев Толстой, который всегда, во всех своих произведениях, – пользуясь его собственным выражением, – «хотел сказать» нечто такое, что в данное время представлялось ему особенно важным и нужным. «Поэт лучшее своё отнимает от жизни и кладёт в своё сочинение», – записал Толстой в своей записной книжке 27 ноября 1866 года. Он же отметил в одном из писем жене: «Писанье моё есть весь я».

Пушкина Толстой читал ещё в раннем детстве. Это касается декламирования им двух стихотворений поэта в присутствии отца. Известны два рассказа Толстого об этом эпизоде. Первый записан с его слов его женой Софьей Андреевной в 1876 году: «Не было Льву Николаевичу восьми лет, как раз его отец застал его за какой-то хрестоматией, в которой маленький Лёвочка с большим увлечением и интонацией читал стихи Пушкина «На смерть Наполеона». Отца поразила, вероятно, верность интонации и увлечение ребёнка; он сказал: «Каков Лёвка! Как читает! Ну-ка, прочитай ещё раз» и, вызвав из другой комнаты крёстного отца Льва Николаевича С.И. Языкова, он при нём заставил сына читать стихи Пушкина».

Вторично рассказал Толстой о том же эпизоде в своих «Воспоминаниях» (1902): «Помню, как он (отец. – *А.Н.*) раз заставил меня прочесть ему полублюбившиеся мне и выученные мною наизусть стихи Пушкина: «К морю» («Прощай, свободная стихия!») и «Наполеон» («Чудесный жребий совершился: угас великий человек» и т.д.). Его поразило, очевидно, тот пафос, с которым я произносил эти стихи, и он, прослушав меня, как-то значительно переглянулся с бывшим тут Языковым. Я понял, что он что-то хорошее видит в этом моём чтении, и был очень счастлив этим».

Отец почувствовал в своём младшем сыне одарённость, какой он не замечал в старших сыновьях, и это подействовало на маленького Толстого ободряюще. Конечно, мальчику не всё было понятно в этих стихотворениях Пушкина. Ему было неведомо отношение Пушкина к Наполеону (хотя самого Наполеона он представлял по рассказам старших), так же, как упоминание о «могучей страсти» Байрона. Но своим природным художественным чутьём мальчик почувствовал, хотя и смутно, всю силу и красоту пушкинских образов и пушкинского стиха и усвоил основной тон обоих стихотворений, что и позволило ему «с пафосом», как писал он уже глубоким стариком, их декламировать. Это было первое известное нам проявление художественной одарённости будущего гениального писателя. Лучи поэзии Пушкина освещали сознание Льва Толстого ещё на утренней заре его жизни...

К лету 1846 года относится первое чтение Толстым «Евгения Онегина». Произошло это чтение при следующих обстоятельствах. Толстой приехал к соседнему помещику князю Гагарину в его имение Сергиевское покупать тирольских телят, остался ночевать у управляющего и на сон грядущий взял первую попавшуюся книгу, стал читать и прочёл всю до конца; потом стал читать вторично с начала и так и не заснул всю ночь до самого утра. Это и был «Евгений Онегин». Кстати, в 1848 году Толстой составил список книг, произведших на него большое впечатление от 14 до 20 лет – то есть с 1842 по 1848 годы. Роман Пушкина помечен оценкой «очень большое» (впечатление).

1852 год. Кавказ... Толстой по-новому взглянул на его живописную природу и человека в ней (прежде всего – военного человека). Замышлялись «Очерки Кавказа» для некрасовского «Современника». Начинались они «Записками о Кавказе. Поездкой в Мамакай Юрт». Автор начинает «Записки...» с воспоминаний о том, как он в детстве или ранней юности читал Марлинского, «и, разумеется, с восторгом, читал тоже не с меньшим наслаждением кавказские сочинения Лермонтова». Из чтения Марлинского и Лермонтова, а также Пушкина у Толстого составилось поэтическое представление о Кавказе. В его воображении сложились «поэтические образы воинственных черкесов, голубоглазых черкешенок, гор, скал, снегов, быстрых потоков, чинар... Бурка, кинжал и шашка занимали в них не последнее место». Кавказ был для него «поэмой на незнакомом языке». Когда же он сам увидел Кавказ, то он «во многих случаях пожалел о вымыш-

ленной поэме», но в других случаях «убедился, что действительность была лучше воображаемого».

Приступая к «Запискам...», автор предупреждает своих читателей, что, читая его, им придётся отказаться «от многих звучных слов и поэтических образов». Но автор выражает желание, чтобы для читателя «взамен погибших» «возникли новые образы, которые бы были ближе к действительности и не менее поэтичны». Он считает, что хотя и «воображаемое» нелегко выразить словом, но «выразить действительность ещё труднее». «Верная передача действительности есть камень преткновения для слова» [6].

Изучение опыта Пушкина углубляется. Большое значение в этом смысле имеет дневниковая запись от 1 ноября 1853 года там же, на Кавказе, в которой Толстой выражает своё отношение к художественной прозе Пушкина. «Я читал «Капитанскую дочку», – пишет он, – и увы! должен сознаться, что теперь уже проза Пушкина стара – не слогом, но манерой изложения. Теперь справедливо в новом направлении интерес подробностей чувства заменяет интерес самих событий. Повести Пушкина голы как-то». В этой записи Толстой указывает на самое существенное отличие своего творческого метода от творческого метода Пушкина – на чрезвычайно существенную особенность своей манеры, которую Н.Г. Чернышевский в 1856 году определит как изумительную способность к раскрытию «диалектики души» героев толстовских произведений.

Но с течением времени отношение Толстого к прозе Пушкина совершенно изменилось.

В год начала работы над «Анной Карениной» (1873) Толстой усиленно перечитывает Пушкина и своим восторгом от чтения прозаических произведений гениального поэта делится со своим другом Н.Н. Страховым, которому писал 25 марта 1873 года: «Не только Пушкиным прежде, но ничем я, кажется, никогда я так не восхищался. «Выстрел», «Египетские ночи», «Капитанская дочка»!!!» Как видим, через 20 лет после замечания о том, что «повести Пушкина голы как-то», Толстой вновь перечитал «Капитанскую дочку», и теперь это перечитывание ничего не вызвало в нём, кроме восторга. 30 марта того же года в письме к П.Д. Голохвастову Толстой писал относительно «Повестей Белкина», что «писателю надо не переставать изучать это сокровище», и что недавнее перечитывание в седьмой раз «Повестей Белкина» произвело на него «сильное действие». А до этих признаний, а именно 19 марта 1873 года Толстой сказал Софье Андреевне: «Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться».

Весной и летом 1854 года во время служебной поездки по Молдавии, Валахии и Бессарабии Толстой много читает (больше, чем сам пишет). В частности, Пушкина. Его в этот раз поразили «Цыганы», «которых, странно, – пишет он, – я не понимал до сих пор» (дневник, 9 июля). Совершенно понятно, почему именно «Цыганы» особенно понравились Толстому: ему близка была идея этой поэмы – противопоставление простых, цельных,

живущих естественной общей жизнью людей изломанному, испорченному ложной цивилизацией эгоисту Алеко.

О глубоком интересе Толстого к творчеству Пушкина свидетельствует и тот факт, что он с восторгом прочитал все 11 статей В.Г. Белинского о Пушкине (в январе 1857 года). (Кстати, именно статьи о Пушкине привели Толстого к восторженному восприятию таланта их автора – Белинского).

Толстой то и дело цитирует Пушкина. Так, работая над повестью «Повреждённый» (в будущем – «Альберт»), эпиграфом делает строки Пушкина:

...Не для корысти, не для битв, –
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв [7].

После поездок в Москву и Петербург летом 1857 года Толстой истосковался по родной тульской земле. Было радостно вновь увидеть дорогую сердцу природу. В начале августа, возвратившись из Петербурга в Ясную Поляну, он в дневнике приветствовал родное гнездо стихом Пушкина:

Приветствую тебя, пустынный уголок!

Постепенно для Толстого становится обычным, работая над своими произведениями, сверять их идею, а то и форму с опытом Пушкина. Например, во время работы над повестью «Казачья» (точнее, над первым её вариантом – «Беглецом») Толстой, не довольствуясь, как Гомер, поэтическими красотами и раскрытием психологии («диалектики души») своих героев, хочет показать проявление добра в сфере близкой к природе казацкой жизни; хочет, как Пушкин в «Цыганах», показать, что и в этой сфере жизни, как и во всякой другой, «те же страсти»; хочет, наконец, провести мысль, что «дикое состояние», то есть близкая к природе, первобытная жизнь имеет преимущества перед жизнью цивилизованной. Это переключка-диалог с Пушкиным.

И вот мы подошли к 60-м годам, а именно к роману «Война и мир». Откуда такое название? Сочетание понятий «война» и «мир» ещё до Толстого неоднократно встречалось в русской литературе. Так, у Ломоносова в его трагедии «Томира и Селим» (1750) находим стих: «Война и мир против моей любви воюет». У С. Раича есть стихотворение «Война и мир» (1854); так же называется одно из стихотворений В. Бенедиктова (1857). В записках С. Глинки, которые Толстой усердно изучал, сказано, что в 1812 году «мир и война шли рядом».

Упомянем ещё о том, что в 1864 году вышло в русском переводе теоретическое сочинение Прудона под заглавием «Война и мир», по своим основным положениям не имеющее, впрочем, ничего общего с романом Толстого.

Но вероятнее всего заглавие романа появилось у Толстого как реминисценция выражения, употреблённого Пушкиным в обращении летописца Пимена к Григорию:

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Всё то, чему свидетель в жизни будешь:
Войну и мир, управу государей...[8].

Интересно, как всплыло имя Пушкина в восприятии романа «Война и мир» историком М.П. Погодиным. Он восторженно приветствовал выход первых четырёх томов «Войны и мира». 3 апреля 1868 года он писал Толстому: «Читаю, читаю – изменяю и Мстиславу, и Всеволоду, и Ярополку, вижу, что они морщатся на меня, досадно мне, – а вот сию минуту дочитал до 149 страницы третьего тома и просто растаял, плачу, радуюсь». Перефразируя то, что Толстой писал про Наташу Ростову, Погодин далее пишет о самом Толстом: «Где, как, когда всосал он в себя из этого воздуха, которым дышал в разных гостиных и холостых военных компаниях, этот дух и проч. Славный вы человек, прекрасный талант!...».

На другой день 4 апреля:

«Послушайте – да что же это такое! Вы меня измучили. Принялся опять читать ... и дошёл... И что же я за дурак! Вы из меня сделали Наташу на старости лет, и прощай все Ярополки! Присылайте же, по крайней мере, скорее Марью Дмитриевну какую-нибудь, которая отняла бы у меня ваши книги, посадила бы меня за мою работу...

Ах – нет Пушкина! Как бы он был весел, как бы он был счастлив и как бы стал потирать себе руки. – Целую вас за него и за всех наших стариков. Пушкин – и его я понял теперь из вашей книги яснее, его смерть, его жизнь. Он из той же среды – и что это за лаборатория, что за мельница – святая Русь, которая всё перемалывает. Кстати – любимое его (Пушкина. – А.Н.) выражение: всё перемелется, мука будет ...» [9].

Как известно, роман «Война и мир» был встречен в литературных кругах неоднозначно. И.С. Тургенев, например, который был на 10 лет старше Л.Н. Толстого и желавший стать своеобразным патроном начинающего молодого писателя (чему воспротивился самодостаточный характер Толстого), в письмах к П.В. Анненкову даёт высокую оценку роману «Война и мир» («теперь Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями»); однако упрекает романиста в том, что в «Войне и мире» характеры развиваются «прыжками» и что Толстому свойственно «преднамеренное, упорное повторение одного и того же штриха». Но Толстой не согласился бы здесь с Тургеневым, потому что этот приём весьма существенен для его художественной манеры. Такое повторение характерных внешних подробностей в портретах действующих лиц мы находим и в позднейших произведениях Толстого (косящие глаза Катюши

Масловой, детская улыбка Хаджи – Мурата и т.д.). В этом приёме Толстой усматривал одно из своих отличий от Пушкина. Шури́н Толстого С.А. Берс в своих воспоминаниях приводит замечание Толстого о том, что «Пушкин, описывая художественную подробность, делает это легко и не заботится о том, будет ли она замечена и понята читателем; он же как бы пристанет к читателю с этою художественною подробностью, пока ясно не растолкует её».

...В июне-июле 1856 года Толстой отдыхал в деревне и много читал Пушкина и Гоголя. В дневнике: «Прочёл Дон Жуана Пушкина. Восхитительно. Правда и сила, мною никогда не предвиденная в Пушкине». Сильное впечатление произвела на него и «маленькая трагедия» «Каменный гость».

Из поэм Пушкина «Цыганы» показались Толстому «прелестны, как и в первый раз» (то есть, при первом чтении); о других же поэмах Пушкина в дневнике Толстого от 7 июня записан суровый отзыв: «Остальные поэмы, исключая «Онегина», – ужасная дрянь».

Этот преувеличенно резкий (как это бывало у Толстого) отзыв, по-видимому, касается главным образом содержания и лишь в малой степени художественной стороны поэм Пушкина. Он становится понятен в свете общих воззрений Толстого того времени. Сказочный сюжет «Руслана и Людмилы», романтический элемент в южных поэмах, восхваление Петра I и описание Полтавского боя в классическом духе (что должно было быть особенно неприятно Толстому) в «Полтаве», несерьёзное содержание «Графа Нулина» и «Домика в Коломне», идея приоритета государства над личностью в «Медном всаднике» – всё это не могло вызвать сочувствия Толстого. Известно, однако, что Толстой высоко ценил художественную сторону отдельных частей пушкинских поэм. Так, в своих «Воспоминаниях», рассказывая об отце, Толстой писал, что ему «всегда казалось, что Пушкин писал с него свой выезд на охоту мужа в «Графе Нулине», – таким типически верным находил Толстой это описание.

Что же касается «Евгения Онегина», то высокое мнение Толстого об этом произведении оставалось неизменным до самого конца его жизни. Толстой много раз в своих произведениях, письмах и дневниках цитировал отдельные стихи из «Евгения Онегина»: в последний раз он перечитывал это произведение в 1908 году. В Яснополянской библиотеке сохранился первый том сочинений Пушкина под редакцией Анненкова, содержащий «Материалы» к биографии поэта. В этом томе имеются на полях отчёркивания некоторых мест, почему-либо обративших на себя внимание Толстого. В частности, Толстой хвалил Пушкина за то, что в «Евгении Онегине» он выказал «удивительное мастерство двумя – тремя штрихами обрисовать особенности быта того времени».

Пушкин всегда будоражил творческое воображение Толстого. Вот случай с «Кавказским пленником» (1872). Название рассказа Толстого, совпадающее с названием романтических поэм Пушкина и Лермонтова, наводит на мысль, что Толстой имел в виду написать свой рассказ совер-

шенно иначе, чем написаны эти поэмы. В этом предположении укрепляет резко отрицательный отзыв Толстого о пушкинских поэмах (за исключением «Цыган»), записанный им в дневнике ещё 7 июня 1856 года.

И действительно, ни в характерах персонажей толстовского рассказа, ни в описании обстановки, ни в изображении природы ничто не напоминает романтическую поэму. В этом рассказе Толстой нигде не переступает строгих границ реализма. Он выступил «со своим «Кавказским пленником», опирающимся на широкую базу мирового эпоса и обращённым к читателям всех классов и возрастов». Но результат получился неожиданный: «рассказ, как будто направленный против Пушкина, оказался стоящим гораздо ближе к пушкинской прозе, чем прежние вещи Толстого. Это совершенно естественно: принципы «простоты и ясности рисунка и штриха» должны были привести Толстого к прозе Пушкина» [10]. Не случайно известный деятель народной школы профессор С.А. Рачинский в 1891 году писал, что детские книги Толстого (в «Азбуке» и четыре «Русские книги для чтения») «следует знать всякому образованному человеку... Его детские книги (для детей всех сословий) – не плод художественной прихоти, а жизненное дело, совершённое с глубочайшим вниманием ко всем его практическим подробностям, с высокой простотой и смирением. Во многих своих очерках и мелких рассказах он доходит до чисто пушкинской трезвости и силы».

Широко известно в литературоведении, как набросок Пушкина «Гости съезжались на дачу» дал Толстому толчок к уже задуманному сюжету будущего романа «Анна Каренина». В письме к Страхову от 11 мая 1873 г. Толстой писал, что занят романом, который «пришёл» ему «невольно и благодаря божественному Пушкину», которого он «случайно взял в руки и с новым восторгом перечёл всего». Двухдесятилетней давности заявление Толстого (от 1 ноября 1853 года) о том, что проза Пушкина устарела «не слогом, но манерой изложения», что «повести Пушкина голы как-то» (речь шла о «Капитанской дочке») – в 1873 году дезавуировано. Это заявлял автор «Детства», «Набега» и «Записок маркёра» – складывающийся замечательный мастер раскрытия «диалектики души». Естественно, что в период своего творческого становления Толстой-художник особенное значение придавал этой стороне своего дарования.

Теперь, через 20 лет, после создания гениального романа-эпопеи «Война и мир», в творческом сознании и в художественной практике великого писателя заняли подобающее им место как «интерес подробностей чувства», так и интерес изображения событий. Этим была вызвана перемена его отношения к прозе Пушкина.

Герои «Анны Карениной» тоже сопричастны к творчеству Пушкина. В характеристике Константина Левина, данной в одной из черновых редакций начала романа устами Кити Щербацкой, сказано, что он «поэтичен и музыкален». Правда, единственное поэтическое произведение, которое с

глубоким чувством вспоминает Левин в разговоре с Облонским, это «Воспоминание» Пушкина – любимое стихотворение и самого Толстого. (В беседе с писательницей В.Д. Малахией-Мирович в ноябре 1909 года Толстой отозвался об этом стихотворении Пушкина в таких словах: «Таких стихов пять, много десять на всём свете»...) .

Пушкин и Толстой... Каждому из них принадлежит почётное место в русской литературе. Толстой как «младший брат» (или даже «сын», ибо однажды назвал Пушкина «наш отец») на протяжении всей творческой деятельности находился в поле притяжения пушкинского писательского таланта и опыта – то отталкиваясь от него, то испытывая благотворное влияние. Его привлекали то содержание, то форма пушкинских созданий. Это был своеобразный творческий диалог двух великих мастеров.

За несколько месяцев до смерти Л.Н. Толстой обронил в случайной беседе: «Какой удивительный мастер красоты ваш Пушкин!»...

3. Лермонтов и Толстой

Начать можно с уже упоминавшегося нами списка книг, произведших на Толстого большое впечатление в возрасте от 14 до 20 лет, то есть с 1842 по 1848 годы. «Герой нашего времени: Тамань» помечены оценкой «оч. большое». Весь роман Лермонтова, а особенно его часть «Тамань» Толстой считал верхом художественного совершенства. В воспоминаниях С.Н. Дурылина, видевшегося с Толстым 20 октября 1909 года, рассказывается, что на его вопрос о том, какое произведение русской литературы он в художественном отношении считает выше всех других, Толстой «не задумываясь» ответил: «Тамань» Лермонтова. Это совершенство... В повести нет ни одного лишнего слова, ничего нельзя ни прибавить, ни убавить». Более 60 лет разделяют эти два одинаковых, слово в слово, отзыва! Мнение юноши Толстого подтвердил преклонный старец Толстой...

...Кавказ и Лермонтов в сознании Толстого соединились естественно. В незаконченной очерке «Поездка в Мамакай-юрт» (1852), описывая настроение, с каким он ехал на Кавказ, Толстой рассказывал: «Когда-то в детстве или первой юности я читал Марлинского и, разумеется, с восторгом; читал тоже не с меньшим наслаждением кавказские сочинения Лермонтова... Но это было так давно, что я помнил только то чувство, которое испытывал при чтении, и возникшие поэтические образы воинственных черкесов, голубоглазых черкешенок, гор, скал, снегов, быстрых потоков, чинар... Бурка, кинжал и шашка занимали в них не последнее место. Эти образы, украшенные воспоминанием, необыкновенно поэтически сложились в моём воображении».

Приехав на Кавказ, Толстой очень скоро убедился в нереальности изображений Кавказа у Марлинского. В первом своём военном рассказе «Набег», описывая одного из сослуживцев-офицеров, Толстой писал:

«Этот офицер был один из довольно часто встречающихся здесь типов удальцов, образовавшихся по рецепту героев Марлинского и Лермонтова. Эти люди в жизни своей на Кавказе принимают за основание не собственные наклонности, а поступки этих героев, и смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь противоречащую действительности призму героев нашего времени, Бэл, Амалат-Беков и Мулла Нуров...».

Имя Лермонтова ввёл в толстоведение Н.Г. Чернышевский в своей знаменитой рецензии-статье о «Детстве», «Отрочестве» и военных рассказах Толстого. Речь шла о психологизме прозы того и другого. И если первым психологистом в русской литературе Чернышевский считал Лермонтова («Герой нашего времени»), то психологизм толстовской прозы существенно отличается от лермонтовской одним важным качеством: если у Лермонтова психологизм статичен (мы не наблюдаем психологического развития характера Печорина при всей глубине его разработки), то у Толстого видна эволюция психологического состояния героев «от» и «до» (так называемая «диалектика души»).

Но интересна не только антиномичность психологического рисунка в прозе Лермонтова и Толстого. Любопытны также и моменты сходства в использовании психологических приёмов у того и другого.

В первой редакции «Детства» находим целый ряд примеров очень удачного раскрытия внутреннего значения внешних проявлений душевных движений. Так, неоднократно раскрывается различное внутреннее значение улыбки. Давая портрет матери, автор говорит, что губы её «беспрестанно переменяли выражение: то улыбка веселия, то улыбка горести, но всегда была улыбка». И далее: «Матан с улыбкой, которая употребляется тогда, когда смеются над вашими добрыми качествами, отвечала...». Ещё пример: «Я заметил эту полуулыбку de la belle Flamande, которая значила: «хотя и грустное теперь время, но всё я вам рада». Толстой пытается разгадать внутренний смысл разных видов смеха. «Есть люди, – говорит он, – у которых одни глаза смеются, – это люди хитрые и эгоисты. Есть люди, у которых рот смеётся без глаз, – это люди слабые, нерешительные».

Лермонтов также обращал внимание на эту особенность смеха у некоторых людей, но объяснял её иначе, чем Толстой. Рассказав о том, что у Печорина глаза «не смеялись, когда он смеялся», Лермонтов прибавляет: «Это признак или злого нрава или глубокой постоянной грусти» («Герой нашего времени» – «Максим Максимыч») [11].

В рассказе «Набег» Толстой вывел новый тип поручика Розенкранца (списанного со знакомого поручика Пистолькорса), играющего заметную роль в ходе рассказа. «Этот офицер, – повествует Толстой про Розенкранца, – был один из довольно часто встречающихся здесь типов удальцов, образовавшихся по рецепту героев Марлинского и Лермонтова. Эти люди в жизни своей на Кавказе принимают за основание не собственные наклонности, а поступки этих героев и смотрят на Кавказ не иначе, как

сквозь противоречащую действительности призму «героев нашего времени», Бэл, Амалат-Беков и Мулла Нуров. Поручик всегда ходил в азиатском платье, имел тысячи кунаков не только во всех мирных аулах, но даже в горских, по самым опасным местам ездил без оказии, ходил с мирными татарами по ночам засиживаться на дороге подкарауливать, грабить и убирать попадавшихся горцев, имел татарку любовницу и писал свои записки. Этим-то он и заслужил репутацию джигита в кругу большей части офицеров».

Летом 1854 года в Бухаресте, отдыхая после перенесённых двух операций под хлороформом, Толстой мало занимался собственной творческой работой, а больше читал. Он перечитывает Пушкина и Лермонтова, из иностранных писателей читает Беранже, Шиллера, Гёте, Диккенса, Лафонтена, Альфонса Карра, Евгения Сю. У Пушкина и Лермонтова Толстой «открыл поэтические вещи»: у Пушкина – стихотворение «Янко Марнавич» (из «Песен западных славян»), у Лермонтова стихотворение «Умиравший гладиатор», по поводу которого Толстой замечает: «Эта предсмертная мечта о доме удивительно хороша». Быть может, и ему самому приходила мечта «о доме» во время не раз угрожавшей ему в те годы опасности. Прочитав драму Лермонтова «Маскарад», Толстой нашёл в ней «много нового, хорошего». Также «весьма хорошим» показалось ему начало поэмы Лермонтова «Измаил-бей», напомнившее ему его кавказские впечатления.

Считая И.С. Тургенева «художественно очень умным», Толстой охотно делился с ним своими размышлениями по литературным вопросам.

В 1902 году Толстой вспоминал, как в бытность свою в Париже (1857 г) они с Тургеневым, возвращаясь из театра, беседовали о форме и содержании художественных произведений. Толстой высказал мысль, что «каждый большой художник должен создавать и свои формы», и что «если содержание художественных произведений может быть бесконечно разнообразно, то также и их форма». Тургенев, по словам Толстого, совершенно согласился с ним в этом вопросе. Друзья-писатели стали вспоминать лучшие произведения русской литературы – такие, как «Герой нашего времени», «Мёртвые души», «Записки охотника», «Детство» и пришли к единодушному заключению, что во всех этих произведениях «форма совершенно оригинальна».

Работая над «Азбукой» для крестьянских детей (70-е годы), Толстой активно изучал русское народное творчество и размышлял вообще о народности в литературе. В марте 1872 года Толстой делился со Страховым о том, что, по его мнению, в России, с одной стороны, наблюдается «упадок поэтического творчества всякого рода», а с другой – «стремление к изучению русской народной поэзии». В этом он видел «залог возрождения народности». «Последняя волна, – писал он Страхову, – поэтическая – параболла была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы грешные и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывет, бог даст...».

Рассказ «Кавказский пленник», написанный специально для «Азбуки», уже упоминался нами в разделе о Пушкине. Напомним только, что название рассказа Толстого, совпадающее с названием романтических поэм Пушкина и Лермонтова, наводит на мысль, что Толстой имел в виду написать свой рассказ совершенно иначе, чем написаны эти поэмы – снять романтическую экзотику описаний, поступков героев и наполнить произведение реальной жизнью людей.

Интересно, что имя Лермонтова было свято и для Софьи Андреевны Толстой, которая в 1878 году (запись в дневнике) «взялась составить краткую биографию Лёвочки для нового издания Русской библиотеки, кратко составленного из произведений его по выбору Страхова... Оказалось, писать биографию дело нелёгкое». «Я написала немного, – продолжает Софья Андреевна, – но плохо. Мешали дети, кормление, шум и незнание жизни Лёвочки до моего замужества достаточно подробно для биографии. Взяла в образцы биографии Лермонтова, Пушкина и Гоголя».

В 1882 году о Лермонтове Толстой говорил: «–Вот кого жаль, что рано так умер! Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу как власть имеющий. У него нет шуточек... Шуточки не трудно писать, но каждое слово его было словом человека, власть имеющего». К этой характеристике Лермонтова Толстой прибавил ещё: «– Тургенев – литератор. Пушкин был тоже им. Гончаров – ещё больше литератор, чем Тургенев. Лермонтов и я не литераторы». Это несколько неожиданное, парадоксальное заключение Толстого следует понимать так.

«*Литераторами*» он здесь считает тех, кто своим творчеством «укладывается» в рамки «традиции-новаторство». Посмотрим, Тургенев, начавший писать в середине – конце 30-х годов как романтик (его стихотворения) затем преодолевал эту традицию и «вышел» на реализм – частично в поэме «Помещик» и полностью – в «Записках охотника». Пушкин «пробивался» к реализму через романтизм и даже классицизм (некоторые лицейские стихи). Гончаров – конечно, реалист, но его реализм литературный овеян романтическим восприятием действительности – в образах и Адуева-младшего, и Обломова, и Бориса Райского. Вот эти «подвижки» от одних литературных направлений, течений и методов к другим Толстой называет «*литературой*».

Возникает вопрос о Лермонтове. Ведь он тоже, отдав дань романтизму, «продвинулся» к реализму в «Герое нашего времени». Да, но в его эволюции эта градация не такая чёткая: и в романтическом «Парусе» есть твёрдые приметы реалистического восприятия жизни («увы, он счастья не ищет и не от счастья бежит» – человек не мечты, а дела!), и в реалистическом образе Печорина есть остатки «дежурного», «показного» романтизма. Иначе говоря, Лермонтов – где романтик, где реалист – идёт от жизни, а не от литературы. Ну, и, наконец, Толстой, писательским лозунгом которого с самого начала стала «*правда*» (во втором «Севастопольском рассказе» чи-

таем: «герой моей повести ... – правда»), считает себя не «штатным» *литератором*, а правдивым и порой суровым летописцем быстротекущей сложной жизни людей.

1884 год. Обострение семейного разлада, толчком к которому явились частые выезды Софьи Андреевны Толстой в свет («Пришла Таня – отвратительно»). Даже весёлость Татьяны Львовны, к которой она была очень склонна по натуре, не радовала отца. Он, который в своих наставлениях крестьянам вопреки церковному учению утверждал, что «веселье богу приятно», который вместе с Лермонтовым был –

Готов до полночи смотреть
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков;

который отмечает в дневнике относительно меньших детей: «Дети очень шумели весело-глупо. Хорошо», – теперь в том же дневнике записывает: «Дома обед. Ужасно то, что весёлость их, особенно Тани – весёлость, наступающая не после труда – его нет, а после злости, весёлость незаконная, – это мне больно»... Думается, что, вникнув в ситуацию, в которой находился в 1884 году Толстой, Лермонтов, с его серьёзным взглядом на жизнь, поддержал бы своего младшего собрата по литературе и жизни...

Думается, к толстовской теории деления писателей на «литераторов» и «не-литераторов» относится и высказывание в беседе Толстого с редактором петербургского журнала «Мир искусства» С. Дягилевым и его двоюродным братом, сотрудником журнала Д.В. Философовым (весной 1892 года). В беседе Толстой заметил, что Пушкин «всегда был искренен», что «Цыганы» – «хорошая вещь», и сравнил Пушкина с Лермонтовым, у которого «гораздо больше недовольства существующим строем»: «Пушкин в общем ведь вполне примирился с этим строем»...

И завершить раздел о Лермонтове будет справедливо свидетельством Толстого в разговоре с Анри де Вогюэ (Вогюэ – сын) в феврале 1905 года: Пушкин, Лермонтов, Тютчев – «три одинаково больших поэта».

4. Гоголь и Толстой

В бытность студентом Казанского университета Толстой, как и все студенты того времени, политикой не занимались, газет не читали, да их и негде было взять, – свидетельствует бывший казанский студент Э.П. Янушевский в своих воспоминаниях 1893 года. – «Публичных или частных библиотек для чтения тогда не было... Журналы и газеты, которые получал университет, поступали прямо в университетскую библиотеку, где ими и пользовались профессора, студенты же ходили в библиотеку только для получения источников к диссертациям, но это было уже только в последнем курсе. Беллетристические журналы попадали в руки студентов изредка только от городских знакомых. Однако же все выдающиеся в литературе

студенты всячески доставали и с жадностью читали, а тогда было что почитать: писали Гоголь, Лермонтов, Соллогуб и другие...».

Мы можем приблизительно датировать зарождение первого нам известного художественного замысла Толстого – «Очерк русских нравов». Его нужно отнести к маю-июню 1846 года. Выбор темы показывает, что Толстой находился в то время под влиянием Гоголя и «натуральной школы», начавшей быстро развиваться с половины 1840-х годов.

Характерен читательский выбор студента Толстого. Из журнала, который он завёл в последние полгода своего студенчества, видно, что Толстой делил своё время главным образом между университетскими занятиями, изучением языков – английского, немецкого и латинского и чтением (указаны только «Фауст» Гёте и Гоголь – без названия произведений).

В составленном самим Толстым списке книг (о котором мы уже упоминали), произведших на него большое впечатление в возрасте от 14 до 20 лет (с 1842 по 1848 годы) значатся произведения Гоголя: «Шинель», «Иван Иванович и Иван Никифорович», «Невский проспект» – «большое»; «Вий» – «огромное»; «Мёртвые души» – «оч. большое».

Как часто бывало (и это говорит о глубочайшем интересе Толстого к отечественной литературе), какие-то эстетические, профессиональные умозаключения, убеждения вырабатывались под влиянием писателей-предшественников, а порой и современников (в согласии или полемике с ними). Например, замечательны мысли Толстого, будоражившие его в 1851 году – время интенсивного самообразования и начала литературного развития. В частности, мысли о народной литературе. Выписав мнение Ламартина о том, что писатели пишут только для своего круга и не пишут для народа, «в котором есть лица, жаждущие просвещения», Толстой излагает свои собственные соображения по этому вопросу. «Все сочинения, – говорит он, – чтобы быть хорошими, должны, как говорит Гоголь о своей прощальной повести («она выпелась из души моей») выпеться из души сочинителя». Здесь Толстой использовал выражение, употреблённое Гоголем в его «Завещании», которым открываются «Выбранные места из переписки с друзьями». Приведённая цитата доказывает, что Толстой в то время уже был знаком с книгой Гоголя. Это гоголевское положение, так сильно и образно выраженное, навсегда осталось одним из основных принципов толстовской эстетики. Через 45 лет Толстой утверждал то же самое: «В художественном произведении главное – душа автора» (1896).

К этому же ряду относится и цитированная уже дневниковая запись от 1 ноября 1853 года о том, что «проза Пушкина стара, – не слоном, но манерой изложения» и что поэтому повести Пушкина «голы как-то». На эту новую манеру толстовского повествования указал Чернышевский в рецензии-статье на первые произведения Толстого, назвав эту манеру «диалектикой души». Сам Толстой находил, что не он один, а всё «новое направление» русской художественной литературы первенствующее значе-

ние придаёт именно изображению «подробностей чувства». Представителями этого «нового направления» Толстой, очевидно, считал тех русских писателей, произведения которых производили на него в те годы особенно сильное впечатление: Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Григоровича, Гончарова.

Другую сторону творчества Гоголя – юмор, которым произведения Толстого почти не отмечены, он ценил наряду с «подробностями чувства», то есть, психологизмом. В этом плане он высоко ставил ещё двух русских писателей – Слепцова и Чехова.

Толстого беспокоило то, что ряд русских писателей, по крайней мере, к 1851 году, был не оценен в должной мере литературной критикой: это Дружнин, Григорович, Тургенев, Гоголь, Гончаров.

Не случайно в отзывах на первые произведения Толстого зазвучали из разных уст дружные оценки его как продолжателя реализма Гоголя. О второй части автобиографической трилогии «Отрочество» (1854) восторженно писали: Некрасов – Тургеневу, Боткин – Некрасову, Панаев – Лонгинову, Тургенев – Колбасину.

За два года до этого умер Гоголь. Русская литература осиротела, и людям, преданным литературе, естественно, представлялся вопрос: кто теперь будет преемником Гоголя? Вопрос этот заинтересовал и Тургенева, и вот что он писал Л.Н. Вакселею в октябре 1854 года: «Прочтите «Отрочество» в 10 книге «Современника». Вот наконец преемник Гоголя». То же самое писал Тургенев И.Ф. Миницкому в ноябре того же года: «В 10 № «Современника» вы найдёте повесть Толстого, автора «Детства» – перед которою все попытки кажутся вздором. – Вот наконец преемник Гоголя, несколько на него не похожий, как оно и следовало». Очень тонкая характеристика реализма Толстого: он продолжает реалистическую традицию Гоголя, но в новом качестве.

Замечательное письмо Некрасова к Толстому от 2 сентября 1855 года имеет очень важное значение для уяснения отношения Некрасова к молодому писателю (Толстой на 7 лет моложе редактора «Современника»). Упомянув вкратце о том «возмутительном безобразии», которое было произведено цензурой над рассказом «Севастополь в мае», Некрасов далее переходит к общей оценке творчества Толстого. «Не хочу говорить, – пишет он, – как высоко я ставлю эту статью и вообще направление вашего таланта и то, чем он вообще силен и нов. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда – правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе». Этими словами Некрасов, как раньше Тургенев, признавал Толстого преемником Гоголя в русской литературе, – того Гоголя, которого так высоко ставила вся редакция «Современника», на смерть которого Некрасов написал свои проникновенные стихи...

В июне-июле 1856 года в дневнике Толстого отмечено чтение Пушкина и Гоголя. После Пушкина Толстой «с наслаждением» перечитывает «Мёртвые души» Гоголя, находя в них «много своих мыслей».

И вот на фоне такого повышенного внимания к творчеству Гоголя Толстой втягивается в горячий спор литературной общественности о двух внешне противостоящих направлениях в русской литературе – «*пушкинском*» и «*гоголевском*». Этот вопрос был поставлен ещё Белинским в 1842 году в его статье «О русской повести и повестях Гоголя». К середине 50-х годов спор этот достиг крайних своих полюсов: под «*пушкинским*» направлением мыслилось так называемое «чистое искусство», не вмешивающееся в социально-политическую сферу жизни России, а под «*гоголевским*» подразумевалось направление общественно-воспитательное, затрагивающее самые негативные стороны государственного устройства России, и поэтому предполагающее сатирические, обличительные средства изображения («Ревизор» и «Мёртвые души» Гоголя). На стороне «пушкинского» направления был, в частности, А.В. Дружинин (идейный противник Н.Г. Чернышевского). В.П. Боткин, поддерживая Дружинина, предостерегал его от односторонности взгляда. «*Гоголевское*» направление, конечно, поддерживали Н.Г. Чернышевский и Н.А. Некрасов, борясь за союзничество Л.Н. Толстого. Сам Толстой весьма твёрдо стоял за «пушкинское» направление (письменный диалог по этому поводу с Некрасовым). В дневнике Толстой записывает: «Да, лучшее средство к истинному счастью в жизни – это без всяких законов пускать из себя во все стороны, как паук, цепкую паутину любви и ловить туда всё, что попало: и старушку, и ребёнка, и женщину, и квартального».

В этой новой формулировке своего мирозерцания Толстой впервые употребляет понятие «любовь», которому впоследствии суждено будет играть такую решающую роль в мирозерцании позднего Толстого. Раньше он говорил только о «добре». Из этого общего принципа у него складывался также определённый взгляд на назначение и задачи литературы. «Всё то, на что нужно негодовать, лучше обходить, – пишет он в записной книжке 29 мая 1856 года. – Для жизни довольно будет и тех вещей, которые не возбуждают негодования, – любви. А у нас негодование, сатира, желчь сделались качествами».

В письме от 2 июля 1856 года Некрасову Толстой высказывает своё принципиальное отношение к обличительной («от Гоголя») литературе: «У нас не только в критике, но в литературе, даже просто в обществе утвердилось мнение, что быть *возмущённым, желчным, злым* (курсив Толстого. – А.Н.) – очень мило». В доказательство справедливости этого наблюдения Толстой приводит следующие факты: «Гоголя любят больше Пушкина. Критика Белинского – верх совершенства, ваши стихи любимы из всех теперешних поэтов». Толстой не соглашается с этим утвердившимся мнением; по его убеждению, напротив, «быть *возмущённым, желчным, злым*... очень скверно». Думает он так потому, что, по его мнению, «человек желчный, злой – не в нормальном положении; человек любящий – напротив; и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи».

Этими спорами о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях навеяна запись Толстого в записной книжке 26 мая 1856 года. В этой записи Гоголь вместе с Теккереем противопоставляется Диккенсу. «Диккенсовские лица, – пишет Толстой, – общие друзья всего мира, они служат связью между человеком Америки и Петербурга; а Теккереи и Гоголи верны, злы, художественны, но не любезны».

Вообще же, Некрасов ещё в сентябре 1855 года в письме к Боткину даёт замечательную формулу, правильно разрешающую возникший спор. Он пишет: «Мне кажется, в этом деле верна одна только теория: люби истину бескорыстно и страстно, больше всего и, между прочим, больше самого себя, и служи ей, тогда всё выйдет ладно: станешь ли служить искусству («чистому». – А.Н.) – послужишь и обществу, и наоборот, станешь служить обществу – послужишь и искусству».

В 1857 году Толстой читает второй том «Мёртвых душ» и находит, что написано «аляповато». Тем не менее чтение это вызвало в нём ряд мыслей относительно начатого им «Отъезжего поля». Он решает, что ему следует писать одну только эту повесть, «и тётеньку туды», то есть, он предполагал ввести в свою повесть персонаж с основными чертами тётушки Татьяны Александровны Ергольской. Очевидно, под влиянием чтения Гоголя, у Толстого появилась мысль о большой повести широкого бытового охвата со многими и разнообразными характерами, но замысел этот не осуществился.

Читает Толстой осенью 1857 года и письма Гоголя к разным лицам, впервые вышедшие тогда в собрании его сочинений, и составляет себе очень невыгодное представление о его личности. «Он просто был дрянный человек. Ужасная дрянь», – пишет Толстой о Гоголе в дневнике. Это впечатление от прочитанных им писем Гоголя было у Толстого так твёрдо, что он в тех же и даже ещё более сильных выражениях писал об этом спустя четыре дня своему брату Сергею Николаевичу: «Получил я новое издание Гоголя, его письма. Что это был за дрянный человек – себе представить нельзя».

Не может быть никакого сомнения в том, что Толстой впоследствии не повторил бы такой убийственной характеристики личности Гоголя. В 1909 году в статье, написанной по поводу 100-летней годовщины со дня рождения Гоголя, Толстой отметил в Гоголе «прекрасное сердце», но вместе с тем «небольшой, несмелый, редкий ум», чем Толстой и объяснил ту «ужасную, отвратительную чепуху», какую он находил во второй части «Мёртвых душ», в заключительной сцене к «Ревизору» и во многих письмах, входящих в состав «Выбранных мест из переписки с друзьями».

В феврале 1860 года Толстой переписывается с А.А. Фетом по поводу романа Тургенева «Накануне». В частности, Толстой осуждает Тургенева за то, что у него «нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет». И это не сходится «с тоном и смыслом либерализма всего остального». Такой приём в обрисовке дейст-

вующих лиц Толстой называет банальным и считает, что приём этот напоминает Гоголя. Толстой, однако, тут же оговаривается, что возможно резко критическое отношение к изображаемым лицам, но тогда – «ежели не жалеть своих самых ничтожных лиц, надо их уж ругать так, чтобы небу жарко было, или смеяться над ними так, чтобы животики подвело». Но ни на то, ни на другое не способен, по мнению Толстого, Тургенев, «одержимый хондрою и диспепсией»...

Надо сказать, И.С. Тургенев оказался более объективным критиком Толстого, когда был напечатан полностью роман-эпопея «Война и мир». Так, окончательное суждение об этой великой книге и о Толстом вообще, сложившееся у него к тому времени, Тургенев высказал в двух письмах к Фету от 2 июля и 16 августа 1871 года. В первом письме, написанном в ответ на письмо Фета о болезни Толстого, Тургенев называет Толстого преемником Пушкина, Лермонтова и Гоголя и признаёт его «единственной надеждой нашей осиротевшей литературы».

В предисловии к французскому переводу «Двух гусаров», напечатанном в Париже в 1875 году, Тургенев, после краткого очерка литературной деятельности Толстого, определяет тот жанр, к которому следует отнести «Войну и мир». Тургенев характеризует Толстого как «самого замечательного» представителя «новой русской литературной школы», ведущей своё начало от Пушкина и Гоголя.

...Написана «Анна Каренина». По поводу последних глав 7-й части романа, напечатанной в апрельской книжке «Русского вестника», Н.Н. Страхов 18 мая 1877 года писал Толстому: «Последняя часть «Анны Карениной» произвела особенно сильное впечатление, настоящий взрыв. Достоевский машет руками и называет Вас богом искусства. Это меня удивило и порадовало – он так упрямо восставал против Вас. Стасов написал под псевдонимом статью в «Новом времени», в которой провозглашает Вас великим писателем, наравне с Гоголем и Шекспиром и пророчит Вам вечную славу... Выходит, что другие хвалят Вас не меньше моего».

А вот что писал упомянутый Страховым В.В. Стасов: «Граф Лев Толстой поднялся до такой высокой ноты, какой ещё никогда не брала русская литература. Даже у самих Пушкина и Гоголя любовь и страсть не были выражены с такой глубокой и поразительной правдой, как теперь у Толстого. Он решительно идёт вперёд...».

Конец 70-х – начало 80-х годов ознаменован переменой во взглядах Толстого на жизнь и художественное творчество. Сформировался религиозный кодекс Толстого, по которому бог не есть телесное нечто, а присутствует в душе человека как сознание высоких нравственных чувств и потребности делать людям добро, любя их. И примером возможности такого перерождения для него становится трагический опыт Гоголя, создавшего «Выбранные места из переписки с друзьями».

18 сентября 1881 года, зайдя в Москве в частную гимназию Л.И. Поливанова по вопросу устройства сыновей Ильи и Льва, Толстой встретил кроме директора ещё трёх учителей той же гимназии и своего старого знакомого, бывшего учителя тульской гимназии Е.Л. Маркова, с которым Толстой полемизировал ещё в 1862 году в статье «Прогресс и определение образования». Марков же в 1875 году в либеральном «Вестнике Европы» напечатал очень грубый отзыв на статью Толстого «О народном образовании». Несмотря на это, Толстой и Марков встретились как старые знакомые, и состоялась интересная беседа. Основной смысл её заключался в настойчивом призыве Маркова продолжать Толстому художественное творчество, на что Толстой так же настойчиво убеждал собеседника в бесполезности для народа этого дела, которое он считал теперь безнравственным.

– Ваше требование этической подкладки, – говорил Марков, – ведь убивает художественное творчество, которое знает, что творит. Неужели нам придётся увидеть вновь падение Гоголя – «Переписку с друзьями»? Но ведь Гоголь был больной человек, а вы – человек здоровый, полный сил.

– Вот бы уж не следовало приводить Гоголя, – возразил Толстой, – пора бы этот взгляд на перемену, совершившуюся в душе Гоголя, пущенный Белинским, оставить.

К мнению Толстого присоединился Поливанов, заметив, что подобное объяснение душевного процесса Гоголя слишком лёгкие.

– Именно лёгкое, – подтвердил Толстой. – Нет, Гоголь почувствовал потребность собственного душевного подъёма. Правда, ему не удалось пережить этот процесс, он не успел, но из этого не следует, что это было падение: это был шаг, который пресекла смерть».

Одним из первых произведений, написанных Толстым после «перелома» в мировоззрении, был рассказ «Чем люди живы». Он вызвал ряд отзывов в периодической печати и откликов в частной переписке. В.В. Стасов, горячий поклонник художественного таланта Толстого и, в частности, его мастерства создавать «внутренние монологи», в письме к Толстому от 20 января 1882 года откликнулся на появление «Чем люди живы» следующим восторженным отзывом: «Мне до старости хотелось сказать вам, до какой степени я пришёл в восхищение от вашей легенды «Чем люди живы»... Уже один язык выработался у вас до такой степени простоты, правды и совершенства, какую я находил «ещё только в лучших изданиях Гоголя...».

В январе 1884 года вышла в свет книга, рекомендованная Толстым под названием «Что читать народу?». Подзаголовок гласит: «Критический указатель книг для народного и детского чтения». Этот огромный труд в 785 страниц мелкой печати разделялся на отделы: духовно-нравственный, литературный, естествознание, сельское хозяйство и медицина, история, биографии, география и путешествия, земское дело и народное хозяйство. Всего по всем отделам было прорецензировано 1007 книжек. В литературный отдел входили рецензии на произведения Жуковского, Пушкина,

Шевченко, Кольцова, Гоголя, Лермонтова, Марко Вовчка, Тургенева, Некрасова, Л.Н. Толстого, Островского и других, а также на ряд сочинений зарубежных писателей...

Интересна параллель с Гоголем по поводу рассказа Толстого 1885 года «Упустишь огонь, не потушишь». Этот рассказ мог служить своеобразной литературной параллелью к повести Гоголя «Как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», но отношение авторов к изображённым ими двум поссорившимся лицам различно: Гоголь описывает своих Иванов с чувством жалости к ним самим и с чувством сожаления к тем мелким обидам, которые сделали их врагами; Толстой описывает ссору соседей как грубое нарушение нравственного закона, влекущее за собой самые пагубные последствия для всей деревни. Вместе с тем для Толстого это печальное происшествие не что иное, как нарушение спокойного трудового уклада крестьянской жизни. Это не правило, а исключение [12].

Гоголь понадобился Толстому и в критический момент его семейной жизни. Зимой 1885 года он пишет большое письмо жене, в котором пробует объяснить ей, почему он чувствует себя чужим в своей семье. В частности, он признаётся: «Случалось так, что, когда совершался во мне душевный переворот, и внутренняя жизнь моя изменилась, ты не приписала этому значения и важности, не вникая в то, что происходило во мне, по несчастной случайности поддаваясь общему мнению, что писателю-художнику, как Гоголю, надо писать художественные произведения, а не думать о своей жизни и не исправлять её, что это есть что-то вроде дури или душевной болезни; поддаваясь этому настроению, ты сразу стала в враждебное отношение к тому, что было для меня спасением от отчаяния и возвращением к жизни.

Случилось так, что вся моя деятельность на этом новом пути, всё, что поддерживало меня на нём, тебе стало представляться вредным, опасным для меня и для детей».

Ясно, что Толстой ссылался здесь на Гоголя, имея в виду его «перелом» в мировоззрении после ужаснувшей самого автора панорамы российской действительности, ярко – сатирически показанной в I томе «Мёртвых душ», и последовавшими за этим, вслед за неудавшимся II-м томом «поэмы», «Выбранными местами из переписки с друзьями».

...А вот чисто творческий импульс от Гоголя. Написана Толстым пьеса «Власть тьмы» и опубликована в феврале 1887 года. Разрешение на постановку последовало лишь осенью 1895 года, когда вступил на престол новый царь – Николай II. 16 октября этого года пьеса была поставлена в Петербурге в театре Литературно-артистического кружка, 18 октября – в Александринском театре, 25 октября – в московском общедоступном театре М.В. Лентовского «Скоморох», 29 ноября – в Московском Малом театре.

На обороте листа со вторым планом трёх действий комедии «Исхитрились!» (будущие «Плоды просвещения») рукой дочери Толстого Т.Л. Толстой проставлена дата «1886, 16 января, Ясная» и помечено: «I-ое

действие, 4 раза переправлено» (пометка относится к контексту первого действия).

Таким образом, комедию «Плоды просвещения» Толстой начал сразу же, как была закончена «Власть тьмы». Но работал над нею недолго: в тетради, где находится первое действие «Власти тьмы», был написан черновик действия I и начало действия II. История создания пьесы развёрнута в статье Н.К. Гудзия (т. 27 Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого) и книге В.А. Жданова «От «Анны Карениной» к «Воскресению» (М., 1968). Н.К. Гудзий высказывает мнение, что подтолкнуло Толстого к началу комедии чтение А.А. Стаховичем в Ясной Поляне (в октябре 1886 года) пьес Гоголя. С.Н. Дурылин отметил сходство первого действия «Плодов просвещения» с драматической сценой Гоголя «Лакейская», представляющей собою отрывок незаконченной комедии «Владимир 3-й степени» (см. сб.: Творчество Л.Н. Толстого. – М., 1954. – С. 325-329) [13].

В октябре 1887 года была задумана статья о Гоголе. Биография великого писателя-сатирика и лирика закончилась, по мнению Толстого, нравственным прозрением, духовным воскресением. В судьбе Гоголя он увидел подтверждение вечного закона жизни, если эта жизнь стремится к благу – от тьмы к свету: «Различие между людьми лишь в том, что один очунается в молодости, другой в зрелых летах, третий в старости, четвёртый на одре смерти».

Волновало отречение Гоголя от своих прежних сочинений (Толстой сам пережил то же), его покаяние (подобное тому, какое звучит в «Исповеди» Толстого), непонимание и насмешки окружающих.

16 октября 1887 года в письме к Н.Н. Страхову, рассказав о своём открытии «Критики практического разума» Канта, Толстой приписал: «Ещё сильное впечатление у меня было, подобное Канту, – недели три тому назад при перечитывании в 3-й раз в моей жизни переписки Гоголя. Ведь я опять относительно значения истинного искусства открываю Америку, открытую Гоголем 35 лет тому назад. Значение писателя вообще определено там... так, что лучше сказать нельзя. Да и вся переписка (если исключить немногое частное) полна самых существенных, глубоких мыслей».

О значении писателя у Гоголя говорится в письме XV «Выбранных мест из переписки с друзьями» – «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (письма обращены к Н.М. Языкову, дотированы 1844 годом).

Гоголь излагает здесь программу нравственно возвышающего и очищающего искусства.

«Попрекни же прежде всего сильным лирическим упрёком умных, но унывших людей...

Воззови, в виде лирического сильного воззвания, к прекрасному, но дремлющему человеку... Брось ему с берега доску и закричи во весь голос, чтобы спасал свою бедную душу...

Опозорь в гневном дифирамбе новейшего лихоимца нынешних времён и его проклятую роскошь, и скверную жену его...

Возвеличь в торжественном гимне незаметного труженика...

Ублажи гимном того исполина, который выходит только из русской земли, который вдруг пробуждается от позорного сна, становится вдруг другим; плюнувши в виду всех на свою мерзость и гнуснейшие пороки, становится первым ратником добра...

На колени перед богом, и проси у него Гнева и Любви. Гнева – противу того, что губит человека, любви – к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам».

Гневом и любовью проникнуты также все сочинения позднего Толстого.

Страхову Толстой написал, что мечтает издать избранные места из «Переписки» с биографией Гоголя: «Это будет чудесное житие для народа. Хоть они поймут».

О том же, конечно, было написано и руководителю «Посредника» В.Г. Черткову и его помощнику П.И. Бирюкову: «Перечёл я его (Гоголя. – А.Н.) переписку 3-й раз в жизни. Всякий раз, когда я её читал, она производила на меня сильное впечатление, а теперь сильнее всех... 40 лет тому назад человек, имевший право это говорить, сказал, что наша литература на ложном пути – ничтожна и с необыкновенной силой показал, растолковал, чем она должна быть, и в знак своей искренности сжёг свои прежние писанья. Но многое и сказал в своих письмах, по его выражению, что важнее всех его повестей. Пошлость, обличённая им, закричала: он сумасшедший, и 40 лет литература продолжает идти по тому пути, ложность которого он показал с такой силой, и Гоголь, наш Паскаль, – лежит под спудом. Пошлость царствует, и я всеми силами стараюсь, как новость, сказать то, что чудно сказано Гоголем. Надо издать выбранные места из его переписки и его краткую биографию – в «Посреднике». Это удивительное житие».

24 января 1888 года Толстой начал свою статью о Гоголе. Предполагалось, что это будет предисловие к книге о Гоголе в «Посреднике». Но в письмах к Черткову от 2 и 7 февраля Толстой попросил «не дожидаться» его со статьёй: «Предисловие остановилось». 9 февраля 1888 года – последнее соображение о статье: «Начатые статьи о пьянстве и о Гоголе лежат, и принимаюсь продолжать и останавливаюсь – не идёт».

В написанном тексте изложены мысли о нравственном перевороте, случившемся с Гоголем. Обрывается рукопись на полемике с Белинским, вернее, – на пересказе точки зрения Белинского: «Белинский первый осудил «Переписку» и сказал: Проповедник кнута, апостол невежества и мракобесия, панегирист татарских нравов и т.п. Белинский сказал: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире. Ложь. В русском народе много суеверий, но нет и следа религиозности. Русский народ скорее можно похвалить за его образцовый индифферентизм в деле веры; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме; вот этим-то может быть огромность исторических судеб его в мире...».

Одному из своих знакомых, литератору Н.И. Тимковскому (участнику московского кружка, снабжавшего сельские школы бесплатными библиотеками), Толстой сказал, что ему «не хотелось вступать в полемику с Белинским», и потому статья о Гоголе не была закончена.

Очевидно, вместе с тем, что мысли Белинского о нерелигиозности русского народа (в церковном смысле) были чрезвычайно близки к тому, что писал в эти годы и сам Толстой. (В 1909 году к 100-летию со дня рождения Гоголя, Толстой и напечатал о нём статью. Она начинается словами: «Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце, и небольшой, несмелый робкий ум». Это была статья о Гоголе – великом художнике. Составляя тогда же своё завещание, Толстой отдал во всеобщее достояние все свои сочинения, то есть отказался от мысли, что его творчество до перелома – «духовного рождения», как он говорил, – не нужно народу). Охладило пыл полемики с Белинским, чрезвычайно резкой в письмах 1887 года к друзьям, чтение как раз в феврале 1887 года сочинений Герцена.

Изложением философских мыслей, близких к рассуждениям трактата «О жизни» и к письмам о Гоголе, начал Толстой в ноябре-декабре 1887 года статью «Благо только для всех». Но и она осталась неоконченной.

17 и 19 декабря 1889 года Толстой дважды посетил Н.Н. Златовратского, приглашая его стать редактором народного журнала, затеянного И.Д. Сытиным. Но Сытину так и не удалось издание. Приобретённое им право на журнал вскоре было передано В.Н. Маракуеву. С сентября 1890 по декабрь 1891 года Маракуев издал 12 выпусков – без участия Толстого.

Сам Маракуев, известный деятель книжной торговли (в числе других в 1884 году он обсуждал с Толстым программу народных изданий) 16 марта 1889 года попросил составить список ста лучших книг для чтения.

Составленный Толстым список не разыскан. Некоторое представление о нём даёт дневниковая запись И.М. Ивакина, посетившего Толстого как раз 16 марта 1889 года: «У него сидели Озмидов, Львов и какой-то студент и по английскому каталогу отбирали сто книг для чтения, «чтобы человек мог рассеять окружающий его мрак». Были отобраны: Эпиктет, Кант, Шопенгауэр, Гольдсмит («Надо, непременно надо: это прелестно!»), а из русских Гоголь («больше некого!»).

...25 марта – 1 апреля 1889 года Толстой окончил черновую редакцию комедии «Плоды просвещения». Недовольство первым черновиком обычно у Толстого, как обычен и дальнейший напряжённый труд художественного совершенствования. Закончив «Плоды просвещения», он записал в дневнике 21 января 1890 года: «Странное дело эта забота о совершенстве формы. Не даром она. Но не даром тогда, когда содержание доброе. – Напиши Гоголь свою комедию грубо, слабо, её бы не читали и одна миллионная тех, которые читали её теперь. Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить и значит сделать её со-

вершенной художественно – тогда она пройдёт через равнодушие и повторением возьмёт своё».

... Пришло время «возвращения» той бескомпромиссной критики в адрес русской «критической» литературы, возглавляемой Гоголем (а затем – Салтыковым – Щедриным), которую Толстой запальчиво высказывал в последнее время. Выходит в свет повесть «Крейцерова соната» (1890) и вскоре авторское «Послесловие» к ней. Повесть горячо обсуждалась в литературных кругах. 15 февраля 1890 года А.П. Чехов писал в Петербург старому литератору и редактору А.Н. Плещееву: «Неужели вам не понравилась «Крейцерова соната»? Я не скажу, чтобы эта была вещь гениальная, вечная – тут я не судья, но, по моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполнения. Не говоря уж о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль. Читая её, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: «Это правда!» или «Это нелепо!»».

Однако после поездки на Сахалин у Чехова мнение изменилось. А.С. Суворину («спровадившему» Чехова на Сахалин) он написал 17 декабря 1890 года: «До поездки «Крейцерова соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошёл – чёрт меня знает». О «Послесловии» к повести Толстого чрезвычайно резкий отзыв: Чехов сравнивал «Послесловие» с «Выбранными местами из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: «Убейте меня, но это глупее и душнее, чем «Письма к губернаторше», которые я презираю. Чёрт бы побрал философию великих мира сего! Диоген плевал в бороды, зная, что ему за это ничего не будет; Толстой ругает докторов мерзавцами и невежничает с великими вопросами, потому что он тот же Диоген, которого в участок не поведёшь и в газетах не выругаешь. Итак, к чёрту философию великих мира сего. Она вся, со всеми юродивыми послесловиями и письмами к губернаторше, не стоит одной кобылки из «Холстомера»...».

Однажды в 1893 году попросил Толстой у А.А. Корнилова (автора книги «Семь месяцев среди голодающих крестьян Тамбовской губернии в 1891 – 1892 гг.») «Былое и думы» А.И. Герцена, чтобы прочесть вслух своим детям. Разговор зашёл о литературе. Из десяти баллов по три было отдано Гоголю, Герцену, Достоевскому, а оставшийся один балл – Тургеневу...

Два вечера, 27 и 28 марта 1896 года, в Хамовниках в доме Толстых провёл В.В. Стасов. В письме к брату Д.В. Стасову он, в частности, писал: «Тоже перебирали наших всех писателей, Герцена – которого и он, как и я, ставит выше всех, и Пушкина, и Лермонтова, у которых есть столько хорошего и чудесного при полном почти отсутствии головы, и Гоголя, и Грибоедова и т.д.»...

В августе 1901 года, по свидетельству А.Б. Гольденвейзера, в разговоре о русских писателях Толстой, в частности, сказал: «Если бы меня

спросили, кого из русских писателей я считаю наиболее значительными, я назвал бы: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена..., Достоевского. Ну, а затем: Грибоедова, Островского, Тютчева...». «Из произведений Гоголя, – продолжает Гольденвейзер, – Лев Николаевич совсем не любит «Тараса Бульбу». Очень высоко ставит «Ревизора», «Мёртвые души», «Шинель», «Коляску» («игрушечка – *ch f d'oeuvres*»), «Невский проспект» ».

В марте 1909 года в записной книжке Толстой делает попытку объективной оценки всего творческого пути Гоголя: «Гоголь – огромный талант, прекрасное сердце и слабый, т.е. несмелый, робкий ум. Лучшее произведения его таланта – «Коляска»; лучшее произведение его сердца – некоторые из писем. Главное несчастье его всей деятельности – это его покорность установившемуся лжерелигиозному учению и церкви и государства, какое есть. Хорошо бы, если бы он просто признавал всё существующее, а то он это оправдывал, и не сам, а с помощью софистов славянофилов, и был софистом и очень плохим софистом своих детских верований. Ухудшало, запутывало ещё больше склад его мысли его желание придать своей художественной деятельности религиозное значение. «Письмо о Ревизоре», 2-я часть «Мёртвых душ» и др. Отдаётся он своему таланту – и выходят прекрасные, истинно художественные произведения; отдаётся он нравственно-религиозному – и выходит хорошее, полезное; но как только хочет он внести в свои художественные произведения религиозное значение, выходит ужасная, отвратительная чепуха. Так это во 2-й части «Мёртвых душ» и др.».

В эти же дни, по свидетельству Д.П. Маковицкого, в разговоре о Гоголе Толстой сказал: «Много у него прекрасного, но самое прекрасное для меня – это «Коляска», вещь: нет ничего лишнего и ничего не недостаёт, добродушная сатира и смешно – до невозможности!».

В письме к писателю В.Ф. Краснову в январе 1910 года Толстой дал отзыв на его рассказ «Ходынка»: «Рассказ написан так странно, с такими ненужными преувеличениями, сравнениями, так застилающими самую интересную сущность дела, которая слишком мало рассказана, что рассказ не может быть принят». Толстой советует «в писании» «не брать за образец новых, а Пушкина и Гоголя».

По воспоминаниям В.Ф. Булгакова, в октябре 1910 года (за месяц до смерти) зашёл разговор о Мопассане. Толстой сказал: «У него были задатки глубокой мысли, наряду с этой распушенностью половой. Он удивительно умел изображать пустоту жизни, а уметь это может только тот, кто знает нечто, вследствие чего жизнь не должна быть пустой. Вот, как Гоголь, например. Удивительный писатель!»

5. Белинский и Толстой

Со статьями В.Г. Белинского Толстой познакомился во время учёбы в Казанском университете. Студенты сначала ничего не знали об авторе критических статей, печатавшихся в «Отечественных записках» безымянно. Впервые о Белинском они услышали от профессора Мейера. «Тогдашние «Отечественные записки», – вспоминает бывший студент Казанского университета Пекарский, – читались с большою охотою студентами, которые были в восторге от Гоголя и осыпали насмешками «Москвитянина», силившегося тогда в критическом отделе восставать против «Отечественных записок». Критики последнего журнала, напротив, находили такое одобрение, что целые страницы разборов многим известны были почти наизусть. Однако студенты не знали автора и в провинциальной наивности уверены были, что нравившиеся им критические статьи писаны самим редактором «Отечественных записок». Мейер вывел из заблуждения студентов, рассказав с большим увлечением, что за человек был Белинский, автор неподписанных критик, и какое значение имеет он для нашей литературы. Заметить надобно, что в 40-х годах в провинции все люди средних лет и известные своей солидностью, все, кто был с весом по своей должности по владеемым ими душам, находили статьи Белинского или головолomными или еретическими, а потому студенты очень удивлялись, что их профессор, читавший в аудитории такую мудрость, какой они ещё и не раскусили хорошенько, достаивает разделять их мнение касательно Белинского».

Хотя Толстой сам не принадлежал к кругу студентов, посещавших Мейера, но был знаком с некоторыми из этих студентов. В числе их был Н.Н. Булич, который через много лет так вспоминал о чтении студентами 1840-х годов статей Белинского: «Главнейшим органом тогдашней литературы да можно сказать и умственного движения были «Отечественные записки» с того времени, как отдел критики поступил в распоряжение Белинского. С нетерпением ожидалась каждая новая книжка журнала, и тогдашний студент после бесцветных, скучных по своей риторике или по очень видным уступкам господствующей действительности лекций с страстным молодым трепетом погружался в чтение новой статьи критика, казавшейся откровением. Горячие слова наполняли душу честными стремлениями, звали к честной деятельности».

Идеи Белинского, хотя косвенно, через посредство некоторых товарищей студентов, доходили и до Толстого.

Созвучно Белинскому мнение Толстого о популярной тогда ныне забытой повести А.В. Дружинина «Полинька Сакс» (1847). Естественно, она представляется ему второстепенной по сравнению с «Таманью» Лермонтова, «Шинелью», «Иваном Ивановичем с Иваном Никифоровичем» и «Мёртвыми душами» Гоголя, о чём мы уже упоминали. Хотя и об этой по-

вести мы имели следующий отзыв Белинского, который наверняка был знаком Толстому: «Многое в этой повести отзывается незрелостью мысли, преувеличением, лицо Сакса немножко идеально; несмотря на то, в повести так много истины, так много душевной теплоты и верного, сознательного понимания действительности, так много таланта, и в таланте так много самобытности, что повесть тотчас же обратила на себя общее внимание. Особенно хорошо в ней выдержан характер героини повести; видно, что автор хорошо знает русскую женщину». В.П. Боткину (с которым Толстой был в дружеских отношениях) Белинский в декабре 1847 года писал о «Полиньке Сакс»: «Эта повесть мне очень понравилась. Герой чересчур идеализирован и уж слишком напоминает сандовского Жака; есть положения довольно натянутые, местами пахнет мелодрамою, всё юно и незрело и, несмотря на то, хорошо, дельно, да ещё как!».

Кроме известных художественных достоинств, повесть Дружинина, несомненно, вызвала сочувствие Толстого и своей основной идеей, которая выражалась в возвеличении чувств любви и самопожертвования. Муж, узнав о том, что его жена полюбила другого, не только даёт ей полную свободу, но ещё обещает её второму мужу, что будет следить за тем, чтобы она была счастлива, чтобы не пролила ни одной слезы, не проронила ни одного вздоха. Несомненно, трогала Толстого и сама история Полиньки, которая, только оставив своего Сакса, начинает понимать всю силу его любви к ней и от сознания своей ошибки чахнет и преждевременно сходит в могилу.

До глубокой старости помнил Толстой «Полиньку Сакс». В 1906 году он однажды рассказал в семейном кругу содержание этой повести, назвав её при этом «прекрасной», что не расходилось с мнением Белинского.

Солидарен с *великим критиком* был Толстой и в оценке повести Д.В. Григоровича «Антон Горемыка». Белинский в своём «завещании» – статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» писал: ««Антон Горемыка» больше, чем повесть: это роман, в котором всё верно основной идее, всё относится к ней, завязка и развязка свободно выходит из самой сущности дела. Несмотря на то, что внешняя сторона рассказа (то есть – повествования. – *А.Н.*) вся вертится на пропаже мужицкой лошадки, несмотря на то, что Антон мужик простой, вовсе не из бойких и хитрых, он – лицо трагическое в полном значении этого слова. Это повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли грустные и важные».

Впечатление, произведённое повестью Григоровича на читателей, было огромно. В письме к В.П. Боткину в декабре 1847 года Белинский более подробно рассказывает, как лично на него подействовала повесть Григоровича. «Ни одна русская повесть, – писал он, – не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удручающего впечатления: читая её, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязает целую вотчину – законное наследие его благородных предков».

Известны более чем похвальные отклики на произведение Григоровича М.Е. Салтыкова – Щедрина и П.А. Кропоткина.

Такое же сильное впечатление произвёл «Антон Горемыка» и на Толстого. 27 октября 1893 года в поздравительном письме Григоровичу по случаю 50-летия его литературной деятельности Толстой писал: «Вы мне дороги... в особенности по тем незабвенным впечатлениям, которые произвели на меня, вместе с «Записками охотника» Тургенева, ваши первые повести. Помню умиление и восторг, произведённые на меня, тогда шестнадцатилетнего мальчика [14], не смевшего верить себе, «Антоном Горемыкой», бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика, нашего кормильца и – хочется сказать – нашего учителя, можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом».

Во время работы над второй редакцией «Детства» (1853) Толстой много размышляет о художественном методе в литературе и склоняется к реализму. Так, он протестует против всего неестественного, фальшивого в искусстве, против деланных, искусственных сравнений. Он вспоминает, как Бальзак в своём романе «История величия и падения Цезаря Биротто», описывая действие «Пятой симфонии» Бетховена, говорит, что, слушая её, он «видит ангелов с лазурными крыльями, дворцы с золотыми колоннами, мраморные фонтаны, блеск и свет» и пр. «Это описание, – говорит Толстой, – не напомнило мне «симфонии Бетховена не только потому, что «никогда я не видал не ангелов с лазурными крыльями, ни дворцов с золотыми колоннами», но и потому, что «ежели бы даже, – не без иронии прибавляет Толстой, – что очень трудно предположить, я бы видел всё это, картина эта не возбудила бы во мне воспоминания о симфонии».

Далее Толстой столь же решительно восстаёт против обыкновения французских писателей передавать свои впечатления от явлений жизни сравнениями с произведениями искусства. Чтобы описать прекрасное лицо, французы говорят, что оно «было похоже на такую-то статую»; чтобы описать прекрасную природу, говорят, что она «напоминала такую-то картину»; красивую группу – что она «напоминала сцену из балета или оперы». Против такого приёма Толстой возражает самым решительным образом. «Прекрасное лицо, – говорит он, – природа, живая группа всегда лучше всех возможных статуй, панорам, картин и декораций».

Толстой приводит и другие приёмы искусственных и фальшивых сравнений. Искусственные сравнения с драгоценными камнями, говорит далее Толстой, встречаются у поэтов разных народов, но больше всего у французских. «Бирюзовые и бриллиантовые глаза, – перечисляет Толстой подобного рода искусственные сравнения: – золотые и серебряные волосы, коралловые губы, золотое солнце, серебряная луна, яхонтовое море, бирюзовое небо и т.д.». И Толстой задаёт вопрос: «Скажите по правде, бывает ли что-нибудь подобное? Капли воды, при лунном свете падающие в море,

горят лучше жемчужин, падающих в таз, и ни капли не похожи на жемчужины, ни таз – на море... Я никогда не видал губ кораллового цвета, – продолжает Толстой, – но видал кирпичного, глаз – бирюзового, но видал цвета распушенной синьки и писчей бумаги...».

Так, Толстой ещё в черновой редакции своего первого большого произведения определённо и решительно провозглашает принципы реализма, ставшие его знаменем на всю жизнь. Действительность богаче и прекраснее искусства. Искусство должно быть отражением жизни. Достоинство произведения искусства определяется тем, «бывает ли что-нибудь подобное» в жизни тому, что изображено искусством. В этих своих утверждениях Толстой близко подходит к принципам реалистической эстетики, провозглашённым В.Г. Белинским и развитым Н.Г. Чернышевским.

Имя Белинского приходится вспомнить и когда говорим о кавказской тематике произведений Толстого. Ведь и здесь и Белинский, и Толстой отстаивали реалистическое видение красот Кавказа, а не его романтический антураж. Романтическая манера изображения Кавказа, применявшаяся Марлинским и его многочисленными подражателями, была осуждена именно Белинским и журналом «Современник».

Но Толстой ставил перед собой цель соединить правдивое описание Кавказа с художественным, поэтическим его изображением. Его задача, следовательно, включая в себя задачу авторов кавказских очерков, печатавшихся в «Современнике», была в то же время гораздо сложнее. И, оставив незаконченным очерк «Поездка в Мамакай Юрт», Толстой не отказался от замысла поэтического изображения настоящего Кавказа, что он вскоре и выполнил. Некоторые отдельные выражения из очерка «Поездка в Мамакай Юрт» впоследствии перешли в «Набег» и «Рубку леса». Жаль, что их уже не мог прочитать В.Г. Белинский. На смену ему пришёл Н.Г. Чернышевский, написавший лучшую в толстоведении статью-рецензию о первых двух автобиографических повестях и военных рассказах (в том числе и «Севастопольских») Л.Н. Толстого. В этом же ключе сочетания суровой правды о человеке и поэтического восприятия природы Кавказа будут изданы впоследствии повести «Казачи» и «Хаджи-Мурат».

Конечно же, в годы сотрудничества Толстого в некрасовском «Современнике» частенько вспыхивали споры о Белинском, который для Некрасова был открывателем новой русской литературы в её демократическом русле. Что касается в целом принципиальных разногласий Толстого с членами редакции «Современника», то мы узнаём о них из переписки Толстого с Некрасовым 1856-1857 годов. Нередко предметом таких споров бывал Белинский, и Толстому случалось, быть может, иногда в резких и преувеличенных выражениях, высказывать свои сомнения в том значении, какое приписывали Белинскому сотрудники «Современника». Упоминание о спорах относительно Белинского находим в следующих словах письма Толстого к Некрасову от 2 июля 1856 года, написанного уже из Ясной По-

ланы: «Не думайте, что я говорю о Белинском, чтобы спорить. Я убеждён, хладнокровно рассуждая, что он был как человек прелестный и как писатель замечательно полезный».

Из этих слов письма Толстого видно, что споры о Белинском в редакции «Современника» у него действительно бывали, что споры эти должны были остаться в памяти у Некрасова, что Толстой, по его собственному признанию, не всегда «хладнокровно рассуждал» в этих спорах. Возможно, что и в данном случае, как и во многих других, Толстой отдавался своей склонности отыскивать «фразу» в речах своих собеседников, и восхваление Белинского в устах некоторых писателей представлялось ему не вполне искренним.

Обеды в память Белинского бывали в редакции «Современника»; один из таких обедов в 1858 году вызвал со стороны Н.А. Добролюбова известное сатирическое стихотворение. Возможно, что в данном случае самое поминовение вкусным и сытным обедом с дорогими винами и красноречивыми разговорами того, кого писатели считали своим учителем, раздражало Толстого и вызвало в нём неудержимую потребность высказать своё резко отрицательное отношение к такой странной форме чествования учениками своего учителя.

Белинского уже не было в живых. После его смерти в течение семи лет с 1849 по 1855 годы литературная критика находилась в состоянии упадка, и вопросы о задачах и целях художественной литературы в печати не обсуждались. Появление в 1855 году нового издания сочинений Пушкина под редакцией Анненкова и диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» вновь привлекло внимание критики к постановке вопросов о назначении и задачах литературы. Среди писателей начинаются споры о пушкинском («чистое искусство») и гоголевском (обличение социальных и моральных нравов) направлениях в литературе – вопрос, поставленный ещё Белинским в 1842 году в его статье «О русской повести и повестях Гоголя».

Характерно при этом, что Белинского Толстой чтит как огромную личность в литературной критике, а вот Чернышевского, прямого продолжателя дела Белинского, как и некоторые либеральные писатели (в частности, Григорович, Тургенев), недолюбливал. Он считал Чернышевского плохим продолжателем Белинского. О самом же Белинском Толстой, имея в виду, по-видимому, главным образом его письмо к Гоголю, говорит с уважением (1856): «Белинский-то говорил, что говорил, во всеуслышание говорил возмущённым тоном, потому что бывал возмущён». Белинский «выступал из ряда обыкновенных людей». Толстой признаёт, что Белинский «был, как человек, прелестный и, как писатель, замечательно полезный»; но он «породил подражателей, которые отвратительны». В этих словах Толстой несомненно имел в виду Чернышевского. Толстому казалось, что возмущение Чернышевского не искренне и что он «возмущается в сво-

ём уголке, покуда никто не сказал «цыц!» и не посмотрел в глаза». (На основании записей в дневнике о его встречах с Чернышевским в декабре 1856 года и в январе 1857 года можно сказать с уверенностью, что высказанный здесь несправедливый взгляд на личность Чернышевского исчез у Толстого при ближайшем знакомстве с ним: «Пришёл Чернышевский. Умён и горяч»).

Постоянным корреспондентом Толстого в конце 1856 – начале 1857 годов был Тургенев, живший в то время в Париже.

По письмам как самого Толстого, так и их общих знакомых, Тургенев видел сближение с А.В. Дружининым, но, хорошо изучив натуру Толстого, зная, что он, как сам Тургенев писал ему в одном из предыдущих писем, слишком твёрдо стоит на своих ногах, «чтобы сделаться чьим-нибудь последователем». Тургенев очень сомневался в прочности этого сближения.

По-видимому, Толстой в одном из своих писем выражал недовольство редакцией «Современника», в чём Тургенев с ним соглашался. (Руководили тогда «Современником» Панаев и Чернышевский; Некрасов был в то время за границей).

В письме от 16 декабря Тургенев отвечал на письмо Толстого начала декабря. Толстой в этом письме опять выражал своё недовольство редакцией «Современника» и заключённым с нею «союзом». Особенно он нападал на Чернышевского за его «Очерки гоголевского периода русской литературы», в которых он, повторяя Дружинина, видел «фетишизм» в отношении автора к Белинскому и даже упрекал Чернышевского в том, что он преподносит своим читателям «тухлые яйца» вместо здоровой пищи.

В своём ответном письме Тургенев соглашался с тем, что «обязательное соглашение» с редакцией «Современника» имеет некоторые «неудобства», «но отступать теперь, – писал он, – было бы и нечестно, и неловко – даже смешно». Но Тургенев горячо встал на защиту статьи Чернышевского о Белинском и самого Белинского. «Белинский, – писал Тургенев, – был человек, «который и радовался, и страдал, и жил в силу своих убеждений»; «в него за высказывание тех самых мыслей, которые стали теперь общими местами, со всех сторон бросали грязью, камнями, эпиграммами, доносами»; «он смертью избежал судьбы может быть очень горькой». Говоря о нападках Дружинина на Белинского за его резкую статью о Марлинском, Тургенев говорит, что вопрос здесь шёл не о Марлинском: «дело шло о ниспровержении целого направления, ложного и пустого, дело шло об разрушении авторитета мнимой силы и величавости». И только благодаря статьям Белинского о Марлинском, Бенедиктове и других ложных авторитетах «мы пошли вперёд», – говорит Тургенев.

Наконец, в последнем письме к Толстому перед его отъездом за границу, написанном 3 января 1857 года, Тургенев писал, что письма Толстого его «утешают», что в Толстом, «очевидно, происходит перемена – весь-

ма хорошая». «Вы утихаете, светлеете и – главное, становитесь свободны от собственных воззрений и предрассудков», – писал Тургенев. И заканчивал письмо словами: «Ну, прощайте, милый Толстой. – Разрастайтесь в ширину, как Вы до сих пор в глубину росли – а мы со временем будем сидеть под Вашей тенью – да похваливать её красоту и прохладу».

Последнее письмо Тургеневу перед отъездом в Москву было написано Толстым 4 января 1857 года, – в тот самый день, когда он с восторгом читал статьи Белинского о Пушкине. На это письмо Тургенев уже не успел ответить из-за отъезда Толстого за границу.

...И вот появляется в декабрьском номере «Современника» за 1856 год статья-рецензия Чернышевского по поводу «Детства» и «Отрочества» и «Военных рассказов». В этой статье Чернышевский ставил своей задачей определить основные особенности «прекрасного таланта» Толстого (коротко говоря: «чистоту нравственного чувства» героев Толстого и глубину психологического анализа – «диалектику души» как неповторимое, новаторское качество писательской эстетики автора).

Ни в дневнике, ни в письмах Толстого чтение статьи Чернышевского не отмечено; но не может быть никакого сомнения в том, что Чернышевский был прав, ожидая, что статья его понравится Толстому.

Всегда до тонкости разбираясь в себе самом, Толстой 14 ноября 1856 года занёс в свой дневник: «Я страшно восприимчив к похвале и порицанию». Но на основании замечания не вполне расположенного к Толстому Е.Я. Колбасина мы должны в это самонаблюдение Толстого внести существенную поправку. 15 января 1857 года Колбасин писал Тургеневу про Толстого: «Он, как я заметил, страшно любит похвалы, да дело в том, что каждую он потом подвергает критике, и так спокойно и строго, как будто разбирает прочитанную книгу». И Толстой, конечно, вполне разобрался в тех похвалах себе, какие он прочёл в статье-рецензии Чернышевского, и не мог не признать, что похвалы эти справедливы. Из этой статьи-рецензии он увидел с полной очевидностью, что критик обличительного направления, последователь Белинского, несравненно глубже и тоньше понял сущность его дарования, чем критики «эстетической» школы.

Таким образом, лёд был сломлен; открылась возможность дружеского личного общения...

Последние дни 1856 и первые дни 1857-го годов Толстой переживал состояние особенно большого умственного и нравственного подъёма. Подъём этот подтверждается как дневником и письмами самого Толстого, так и письмами близких к нему лиц.

Так, Дружинин 26 декабря 1856 года писал Тургеневу: «Лев Толстой, говоря без всякого пристрастия, становится превосходным литератором, умнея и образуясь с каждым часом. Уж он понимает «Лира» («Король Лир» Шекспира. – А.Н.) и пил за здоровье Шекспира, читает Илиаду, а для

того, чтобы понять всё наше литературное движение, собирается прочесть все статьи Белинского...».

В.П. Боткин не только, как Дружинин, видел напряжённые умственные искания Толстого, но и тот моральный подъём, который происходил в нём в то время. «Теперь настал для него период *Lehr-Jahre*, и он весь исполнен жажды знания и учения, — писал Боткин Тургеневу 3 января 1857 года. — Ты удивился бы, сколько цепкости и твёрдости в этом уме и сколько идеальности в душе его. Великий нравственный процесс происходит в нём, и он всё больше и больше возвращается к основным началам своей природы, которые в прошлом году так затемнены были разными житейскими дразгами прежнего кружка и прежней колеи жизни».

Весь поглощённый происходящей в нём напряжённой работой, Толстой приходит к выводу, что «истина в движении — только».

Только теперь приступает Толстой к выполнению того совета, который Дружинин давал ему ещё в письме от 5 октября 1856 года — «ознакомиться с ходом журналистики» и для того прочесть основные статьи Белинского. Вероятно, Дружинин и устно повторял Толстому это совет, — тем более после двух своих статей, посвящённых выяснению отношения к Белинскому.

2 января 1857 года Толстой записывает в дневник: «Утром читал Белинского, и он начинает мне нравиться». Статья, которую читал Толстой в этот день, им не названа. Быть может, это была статья о Марлинском, о которой Тургенев писал ему в письме от 16 декабря 1856 года. По крайней мере, в 1907 году Толстой говорил, что он читал Белинского для того, чтобы «с Тургеневым мог говорить про него».

На следующий день, 3 января, Толстой прочёл одну из статей Белинского о Пушкине, которую нашёл «прелестной». Запись следующего дня, 4 января, говорит уже о восторженном отношении к Белинскому. «Статья о Пушкине — чудо, — пишет Толстой. — Я только теперь понял Пушкина». По-видимому, здесь говорится уже о другой статье Белинского о Пушкине, а не о той, которая отмечена в записи предыдущего дня. Какие именно из восьми статей Белинского о Пушкине читал Толстой, остаётся неизвестным.

Необходимо отметить, что чтение Белинского вызвало в Толстом не только умственный, но и моральный подъём. Далее в записи того же числа читаем: «Обедал у Боткина с одним Панаевым, он читал мне Пушкина, я пошёл в комнату Боткина и там написал письмо Тургеневу, потом сел на диван и зарыдал беспричинными, но блаженными, поэтическими слезами. Я решительно счастлив всё это время. Упиваюсь быстротой морального движения вперёд и вперёд».

Чтение Белинского продолжалось и после 4 января, хотя в дневнике это позднейшее чтение не было отмечено. Это видно из письма к Тургеневу от 15 января 1857 года его постоянного петербургского корреспондента Е.Я. Колбасина. В этом письме Колбасин писал, что, зайдя к Толстому «дней десять тому назад», он увидел, что перед Толстым лежат статьи Бе-

линского о Пушкине. «По поводу этого, – писал далее Колбасин, – завязался между нами разговор, и боже! Какая славная перемена. Самолубивый и упрямый оригинал растаял, говоря о Белинском, торжественно сознался, что он армейский офицер, дикарь, что Вы задели его страшно своею – по его выражению – «непростительною для литератора громадностью сведений» и т.д.».

Свое общее впечатление от Толстого Колбасин в этом письме выразил в следующих словах: «Он восхитил меня и порадовал, я подивился этой крепкой натуре, которая ничего не хочет принять на слово и всё добывает посредством собственной критики. В добрый час, благословите этого сильного и развивающегося человека».

В то же время отношение Толстого к «бесценному триумvirату» (Боткин – Анненков – Дружинин) начинает колебаться.

Дружинин тем временем продолжает «бороться» за Толстого «в свою пользу». В одной из своих статей, обозревая современную русскую литературу, он выделяет трёх писателей – Островского, Писемского и Толстого как «молодых и независимых прозаиков», «достойных зваться новейшими представителями школы чистого, независимого творчества». далее поясняется, что под «независимостью» названных писателей автор разумеет их «независимость» от критики гоголевского периода, то есть от *Белинского*.

Собственно о Толстом Дружинин говорит: «Граф Толстой начинает своё дело как человек, твёрдо держащийся за свою самостоятельность на зло всем недавним авторитетам». Такой отзыв об общем характере его литературной деятельности, разумеется, не мог не быть приятен Толстому. Но тому взгляду на назначение искусства, который развивал Дружинин в своей статье, Толстой сочувствовать не мог. Дружинин и здесь повторяет свой излюбленный тезис о необходимости «примирения с жизнью», «светлого взгляда на вещи», «беззлобного отношения к действительности» и восстаёт против «бесплодного недовольства той средой жизни, которую мы должны любить и изучать с любовью».

Консерватизм миросозерцания Дружинина выступает здесь с полной очевидностью. «Независимость» Островского Дружинин (тогда ещё не знакомый с «Доходным местом») видит в том, что он «полагает предел бесплодному отрицанию и создаёт идеалы положительной русской жизни». Как видим, характеристика Островского, сделанная Дружининым, совершенно противоположна той, какую даёт ему Толстой, высоко ценивший в этом писателе именно его «протест против современного быта». Толстой не мог сочувствовать тому взгляду на Островского, который высказывал в этой статье Дружинин; как не мог сочувствовать и выраженному в ней общему миросозерцанию Дружинина.

Проницательный Некрасов не верил в то, что Толстой может быть единомышленником Дружинина. «Вы не можете разделять убеждений

г.г. Гончарова и Дружинина, – писал он Толстому 31 марта 1857 года, – хотя меня в том и уверяли как в несомненном».

В главе о Гоголе мы уже упоминали о задуманной Толстым статье, посвящённой Гоголю (1888). Она не была закончена, и причиной тому были размышления о взглядах Белинского на литературу и жизнь. В написанном тексте изложены мысли о нравственном перерождении, случившемся с Гоголем. Обрывается рукопись на полемике с Белинским, вернее, – на пересказе точки зрения Белинского: «Белинский первый осудил «Переписку» и сказал: Проповедник кнута, апостол невежества и мракобесия, панегирист татарских нравов и т.п. Белинский сказал: «По-вашему, русский народ самый религиозный в мире. Ложь. В русском народе много суеверий, но нет и следа религиозности. Русский народ скорее можно похвалить за его образцовый индифферентизм в деле веры; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме; вот этим-то может быть огромность исторических судеб его в мире...».

Одному из своих знакомых, литератору Н.И. Тимковскому (участнику московского кружка, снабжавшего сельские школы бесплатными библиотеками), Толстой сказал, что ему «не хотелось вступать в полемику с Белинским», и потому статья о Гоголе не была закончена.

Очевидно, вместе с тем, что мысли Белинского о нерелигиозности русского народа (в церковном смысле) были чрезвычайно близки к тому, что писал в эти годы и сам Толстой. Охладило пыл полемики с Белинским, чрезвычайно резкой в письмах 1887 года к друзьям, чтение как раз в феврале 1888 года сочинений Герцена.

Изложением философских мыслей, близких к рассуждениям трактата «О жизни» и к письмам о Гоголе, начал Толстой в ноябре – декабре 1887 года статью «Благо только для всех». Но и она осталась неоконченной.

До последних лет жизни Толстой продолжал осмысливать наследие Белинского, чаще всего – в связи с его «Выбранными местами из переписки с друзьями». Так, в марте 1909 года Толстой просил семейного врача Д.П. Маковицкого «поискать» в Яснополянской библиотеке «Письмо к Гоголю» Белинского. Тогда же он много думает о Гоголе и Белинском и в сопоставлении их отношения к вере видит «тему для нужной статьи» (дневник от 7 марта 1909 года).

Такая статья не была написана...

* * *

В соответствии с программой филологических факультетов история русской литературы 1-й половины XIX века включает и творчество **А.И. Герцена**. Тема «Герцен и Толстой» разработана и напечатана в 1-й части данного пособия: Глава 2. «...человек выдающийся по силе, уму, искренности»: Л.Н. Толстой и А.И. Герцен [16].

Г Л А В А III

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА (2-я половина)

Следующий раздел части 2-й данного монографического учебного пособия посвящён анализу творческих взаимосвязей и перекличек Льва Николаевича Толстого с русскими писателями второй половины XIX века, когда развился и утвердился метод социально-психологического («критического») реализма в русской литературе, особенностью которого стало не просто описать, а *исследовать* всё, что писатели видят, наблюдают и что выражает общий закон наступившей в это время в России жизни.

1. Толстой и писатели-демократы 60-х годов

Л.Н. Толстой не обошёл вниманием писателей-разночинцев демократического направления 60-х годов, пришедших на смену корифеям 30-х – 40-х – 50-х годов. Для В. А. Слепцова, Ф.М. Решетникова, Н.Г. Помяловского и других из этой молодой плеяды правдивое отображение жизни было всё равно что просвещение русского народа и его освобождение, как и для их более знаменитых современников – Ф.М. Достоевского, А.И. Герцена, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Н.Г. Чернышевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и, естественно, Л.Н. Толстого. Конечно, общественно-политические взгляды тех и других были не одинаковы, но единственным был для всех их глубокий *социальный* интерес к происходящим в России после 1861 года изменениям, когда феодально-помещичья страна должна была «въезжать» в буржуазно-капиталистические «ворота».

* *

*

Интересна своей неожиданностью творческая перекличка **В.А. Слепцова**, автора известной повести «Трудное время», и Л.Н. Толстого, относящаяся к первому послереформенному периоду российской истории.

В декабре 1863-го и в январе 1864 года Толстой отвлёкся от романа «Война и мир» работой над комедией, впоследствии получившей название «Заражённое семейство». 24 февраля 1864 года Толстой извещал свою сестру, что «между прочим» он написал комедию, которая «вся написана в насмешку эмансипации женщин и так называемых нигилистов».

Толстому хотелось узнать мнение Островского о своей пьесе, он пригласил его к себе и прочитал ему пьесу. Островскому комедия не по-

направлялась. Толстому он высказал своё мнение в смягчённой форме, сказав, что в пьесе «мало действия, надо переделать». В письме к Некрасову Островский более откровенно высказался о «Заражённом семействе»: «Когда я ещё только расхварывался, утащил меня к себе Л.Н. Толстой и прочёл мне свою новую комедию; это такое безобразие, что у меня положительно за-
вяли уши от его чтения».

Мнение Островского, очевидно, произвело впечатление на Толстого, ибо, извещая сестру Марию Николаевну о том, что он не успел поставить комедию до окончания театрального сезона, Толстой прибавлял: «Да и комедия, кажется, плоха».

Когда в августе 1864 года А.А. Фет вместе с В.П. Боткиным, по дороге из своего имения в Петербург, заехал в Ясную Поляну, Толстой прочёл им «Заражённое семейство».

Боткин нашёл, что комедия «вовсе не так дурна, как говорили». К числу недостатков комедии Боткин относил то, что «первый и второй акты растянуты, и вообще нет комической струи». Несомненно, что, работая над комедией, Толстой особенно старался усиливать комизм положений и рассуждений героев. Но Боткину, не разделявшему идей революционно-демократического движения, очевидно, хотелось, чтобы «нигилисты» были выставлены в комедии Толстого в ещё более смешном и нелепом виде. Вообще же Боткин находил, что комедия Толстого «имеет значение в общественном отношении и бьёт прямо в жилу современного общества. Если он поработает над двумя первыми актами, то всё-таки выйдет весьма верная и современная вещь».

Но Толстой в то время уже до такой степени был поглощён работой над будущей «Войной и миром», что не мог и думать ни о какой переработке написанной им комедии.

И хотя самому Толстому его комедия с художественной стороны нравилась, серьёзного значения ей он не придавал.

«Так при чём же здесь творчество Слепцова?» – спросят нас.

Действие комедии Толстого происходит в 1862-1863 годах, то есть, после отмены крепостного права – как и в повести Слепцова «Трудное время». Кстати говоря, «Заражённое семейство» первоначально было озаглавлено «Современные люди», затем заглавие было изменено на «Новые люди». Это первоначальное заглавие ясно указывает на то, что комедия полемически была направлена против романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», имевшего подзаголовок «Из рассказов о новых людях».

В пьесе изображена растерянность помещиков, с трудом приспособляющихся к новым порядкам.

Герои комедии сделали себе из либерализма доходную статью – это и типичный консерватор-крепостник Иван Михайлович Прибышев, и жёны Любоми Ивановны. Анатолий Дмитриевич Венеровский (!), акцизный

чиновник, читающий ... «Полярную звезду» Герцена; под стать Венеровскому и его приятель Беклешов.

Студент Твердынский настроен внешне критически к Венеровскому, резко отзывается о самом Прибышеве. Но все «крайние» фразы Твердынского не соответствуют его духовному облику. Он называет себя «тружеником и борцом», а в действительности бездельник и трус. У Прибышева он пристаёт к горничным, назойливо ухаживает за его дочерью, делает грубые предложения «нигилистке» Катерине Матвеевне. Его изломанный язык вызывает презрительное отношение к нему старосты ямщиков на почтовой станции, который на его кривляния пренебрежительно отвечает: «Будет баловаться-то, барин, ну вас к богу». Он уговаривает племянницу помещика отправиться вместе с ним в петербургскую коммуну, где «супружества не существует, а совершенно свободные отношения». Как известно, после появления романа Чернышевского «Что делать?» в Петербурге было основано несколько коммун, из которых наибольшей известностью пользовалась коммуна, устроенная В.А. Слепцовым. Как видно из комедии Толстого, неясные и явно извращённые слухи об этих коммунах дошли и до Ясной Поляны.

В своей повести «Трудное время», которую Толстой прочёл в 1865 году, о петербургских коммунах Слепцов говорит в совершенно ином тоне. Мария Николаевна Щетинина, увлечённая «новыми» идеями разночинца журналиста Рязанова, в котором больше умеренности, чем порыва, оставляет своего мужа, чтобы пойти – надо думать – революционным путём. Причём, она действует решительнее самого Рязанова, когда заявляет ему (фактически идя на разрыв), что «едет туда», то есть, в одну из петербургских коммун.

(До какой степени были распространены сплетни и вздорные слухи относительно коммуны Слепцова (не в повести «Трудное время», а в жизни), видно из того, что даже жена самого устроителя обращалась к жившим в коммуне женщинам с вопросом, правда ли, что у них всех общие мужья) [15].

Как видим, авторские позиции Толстого и Слепцова противоположны в оценке революционно-демократических средств изменения жизни в России: Слепцов движется в русле идей Чернышевского – Толстой высмеивает эти идеи, Впрочем, не оставляя в покое и либералов, наивно веривших в реформы сверху.

И в тогдашней литературной критике «разводили» Толстого и Слепцова. Вот характерный пример. Критик народнического направления П.Н. Ткачёв написал в 1875 году разгромную рецензию под названием «Салонное художество» на роман Толстого «Анна Каренина». На эту статью откликнулся Е. Марков. Автор статьи «Салонное художество» (то есть Ткачёв), писал Марков, «стоит на том, что граф Л. Толстой не художник, а фотограф, что он не умеет создавать типы, писать портреты, что его герои

выходят не живыми людьми и т.д.». «Читатель, читавший Толстого, знающий Толстого, конечно, рассмеётся без всякой церемонии в глаза чересчур уже хитроумному критику», который не понял Толстого «ни в общем характере его творчества, ни в его частностях. А так как в его голове уже были готовые суждения о фотографичности искусства, то он вместо Успенского или Слепцова бойко навязал их на шею гр. Толстому».

В 1889 году Толстой был занят хлопотами по подготовке домашнего спектакля по своей новой комедии «Плоды просвещения». Дав согласие на постановку, Толстой принялся исправлять её, испытывая то стыд оттого, что и сам участвует в «барской затее», то радуясь каждой удачно найденной детали и слову. 17 декабря в дневнике отмечено: «Пять дней ничего не писал и не делал. Только читал и терпел боль. Пробовал поправлять комедию, остановился на середине 1-го акта. Читал «Revue des 2 Mondes» и Слепцова. В Revue очень замечательный роман «Chantepleure», замечательный описанием бедности и унижения бедности по деревням (это роман Эмиля Пувилона. – А.Н.). Эйфелева башня и это». Повесть Слепцова «Трудное время» (Толстой читал её в журнале «Современник», 1865, № 4-8) вызвала спустя два дня важное размышление и запись: «Да, требования были другие в 60-х годах. И оттого, что с требованиями этими связалось убийство 1-го марта, люди вообразили, что требования эти неправильны. Напрасно. Они будут до тех пор, пока не будут исполнены».

О том, как читал Толстой вслух рассказы Слепцова, А.М. Новиков вспоминал: «Особенно любил он читать Слепцова, и из Слепцова у него было два любимых произведения: «На постоялом дворе» – и глаза его оживлялись, в голосе появлялись вибрирующие интонации, его самая простая, обыкновенная дикция была полна естественного юмора, и он сам и слушатели покатывались со смеха, и «Шпитонка», которую Толстой никогда не мог дочитать до конца. Вначале его чтения этого рассказа по обыкновению было очень выразительно, но под конец глаза заволакивались, черты лица заострялись, он начинал останавливаться, старался преодолеть своё волнение, всхлипывал, совал кому-нибудь книгу, вынимал платок и поспешно уходил в будуар графини...».

* *
*

Не сам Толстой, а его литературный современник И.С. Тургенев совместил его имя с одним из талантливых писателей-разночинцев 60-х годов **Ф.М. Решетниковым**.

... Л.Н. Толстой уже знаменитый писатель. Он завершает свой роман-эпопею «Война и мир». Вся литературная общественность следит за его успехами. Одним из самых заинтересованных собратьев Толстого по перу был именно Тургенев. Он с нетерпением ждёт выхода очередного то-

ма «Войны и мира». «После *правды* (курсив автора. – *А.Н.*) Л.Н. Толстого, – пишет Тургенев И.П.Борисову, – вся эта старенькая чиновничья литература (имелось в виду, в частности, творчество И.А. Гончарова. – *А.Н.*) отдаёт фальшью».

В том же 1869 году Тургенев впервые высказался о Толстом в печати. В «Воспоминаниях о Белинском», перечисляя лучшие художественные произведения, появившиеся после смерти Белинского, Тургенев прежде всего упомянул о Толстом. «Как бы порадовался он (Белинский. – *А.Н.*), – писал Тургенев, – поэтическому дару Л.Н. Толстого, силе Островского, юмору Писемского, сатире Салтыкова, *трезвой правде Решетникова!* (курсив наш. – *А.Н.*)». Славный ряд!..

Иногда имена Толстого и Решетникова совмещались критиками по каким-то субъективным соображениям.

В 1872 году была напечатана «Азбука» Толстого. Посыпались в печати обвинения; потому что его новаторская педагогика раздражала традиционалистов и консерваторов от воспитания и образования. Кампанию против «Азбуки» начал П.Н. Полевой, сын Николая Полевого, бывший профессор в Варшавском университете. Вся рецензия Полевого, кстати, написана без малейшего недоброжелательства к автору разбираемой книги. Просто привыкнув к установившемуся в то время типу учебных книг для чтения, он не понял новизны и своеобразия толстовской «Азбуки».

Иным характером отличалась рецензия, появившаяся в либеральном журнале «Вестник Европы». Автором, по всей вероятности, был знакомый Толстого, бывший преподаватель тульской гимназии Е.Л. Марков, против которого Толстым в 1862 году была написана статья «Прогресс и определение образования». Вся рецензия написана в издевательском тоне по отношению к Толстому и к его книге, которая иронически называется «четырёхактной мистерией для возвращения любознательности молодёжи».

Чтобы окончательно «убить» Толстого, рецензент советует ему не писать ничего своего, а составить хрестоматию из русских песен и былин, из летописей, из «наших образцовых писателей: Гоголя, Тургенева, Аксакова, Решетникова ... и многих других, более или менее удачно схватывавших заветную жизнь народа и всего общества».

Тенденциозность, если не злопыхательство Маркова, здесь очевидны. Для нас же важно то, что близорукий критик Толстого невольно оказал услугу менее знаменитому писателю Решетникову, когда хотел унижить своего великого оппонента, а возвысил второстепенного автора. Что ж, от Толстого не убыло, а за Решетникова – спасибо...

Н.Г. Помяловский, автор пронзительной по жалости к работному человеку повести «Подлиповцы» и глубоко правдивых «Очерков бурсы», не был близок Толстому своими разночинно-демократическими идеями. Но заметим при этом, что полемическая заострённость противостояния Толстого – Помяловскому здесь тоже, как и в случае с Решетниковым,

проистекает от излишней идеологической нетерпимости (в прежнем случае – критика Маркова, здесь же – самого Льва Николаевича).

Речь пойдёт о черновой редакции начала будущего романа «Война и мир» – его первой части «1805 год». Там описывается вечер у фрейлины Анет Б. и сцена душевного разговора князя Андрея с Пьером. Затем – сцена ночного кутежа у Анатоля, в которой автор пытается дать объяснение необузданному кутежу Долохова и его товарищей. Он пишет в том смысле, что, «несмотря на пьяное их состояние, все они были разнообразны, но все в своём роде хороши собой и преисполнены силы, которую не знали куда девать...».

К описанию кутежа у Анатоля в черновой редакции присоединена вводная глава, цель которой – объяснить причины, по которой автор выбирает своих героев исключительно из аристократического общества.

Объяснение это содержит шесть пунктов.

Первое обоснование вытекает из характера начатого Толстым произведения: источниками той исторической эпохи, которую взялся представить писатель в своём романе, являются «только переписки и записки людей высшего круга».

Второй пункт – личного и отчасти литературного порядка.

«Жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков для меня представляется однообразною, скучною, и все действия этих людей, как мне представляется, вытекающими большей частью из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и матерьяльных страстей».

Этот второй пункт совершенно определённо направлен против демократической (в том числе – разночинно-демократической) литературы 1860-х годов; нетрудно назвать тех писателей, которых имел здесь в виду Толстой. Это Островский («жизнь купцов»), Помяловский («жизнь каторжников»), Николай и Глеб Успенские («жизнь мужиков») – те самые Островский и Достоевский, о которых Толстой ещё недавно с такой похвалой отзывался в своих письмах, и те самые Глеб и Николай Успенские, рассказы которых он печатал в «Книжках» журнала «Ясная Поляна».

Следующие четыре причины мы опускаем. В них апологетизируется своё аристократическое происхождение и его преимущества.

Какие причины могли вызвать появление, хотя бы в черновой редакции романа, такой странной декларации, в которой мы никак не можем узнать автора «Севастопольских рассказов», «Утра помещика», «Поликушки», «Тихона и Маланыи» и «Кому у кого учиться писать – крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят» (последнее, утверждал Толстой, имея в виду искренность и правдивость сочинений деревенских детей)?

Причин было несколько [15, с.714].

Во-первых, Толстой, хорошо знавший направление критики того времени, не сомневался в том, что его роман подвергнется нападкам уже за

одно то, что действующие в нём лица взяты из аристократической среды (в этом Толстой не ошибся). Зная это, он поспешил сразу перейти от обороны к нападению – сам ополчился против современной литературы (в том числе и разночинно-демократической) и сделал это в преувеличенных, резких, вызывающих выражениях.

Но не всё в этой декларации объясняется одной резкостью и запальчивостью полемики. В одном из писем конца 1863 года к тётушке Александре Андреевне он признавался в ослаблении любви к народу. Одновременно с этим в нём заговорили ещё не изжитые до конца унаследованные им аристократические предрассудки.

Но Толстой в своём объяснении сгустил краски. Даже и в этой черновой редакции романа «1805 год» изображены в числе других и такие представители аристократии, «любить» которых он никак не мог. О министре князе Василии Пьере Безухов (а вместе с ним – чувствуется – и сам автор) говорит: «Вся эта семья, такая *comme il faut* u *grand seigneur* (порядочная и барственная. – *А.Н.*), вся эта семья грязнее грязи». Уже одно сочетание в этой характеристике светской порядочности и крайней моральной низости показывает, что для Толстого того времени (как и раньше) светский лоск и изысканность манер представителей высшей аристократии отнюдь не совпадали с чистотой нравственной.

Вся эта вдруг загоревшаяся в Толстом вспышка полемического задора в соединении с сословной гордостью, в которой он был воспитан, быстро погасла. Глава была переписана, но в следующую редакцию романа Толстой её не ввёл.

* *
*

Последующие две главы в задуманной нами цельной монографии «Творчество Л.Н. Толстого в контексте русской и всемирной литературы» должны быть посвящены сопоставительному анализу взаимосвязей и творческих переключек творчества Л.Н. Толстого – с одной стороны и **Н.Г. Чернышевского** и **Н.А. Некрасова** – с другой. И они напечатаны в 1-й части данного пособия:

Глава 4. Л.Н. Толстой и Н.А. Некрасов: опыт анализа творческой переключки прозаика и поэта;

Глава 6. «...всё нравственное – разумно, разумное – нравственно»: Л.Н. Толстой и Н.Г. Чернышевский [16].

2. Толстой и Тургенев

Параллели между этими двумя крупнейшими творческими личностями и их биографиями начинаются с самого раннего детства того и другого.

Учебные занятия маленького Лёвочки проходили под руководством немца-гувернёра и тётушки Александры Ильиничны. Своего гувернёра Фридриха Рёсселя, которого Толстые звали Фёдором Ивановичем, Лев Николаевич обессмертил в повестях «Детство» и «Отрочество» под именем Карла Ивановича Мауэра.

Фёдору Ивановичу было строго приказано никогда не бить детей; однако он всё-таки прибегал к некоторым видам телесных наказаний – ставил провинившегося мальчика в угол на колени, а «в минуту досады» даже «лично расправлялся линейкой или помочами». Надо думать, что при жизни Марии Николаевны, матери Толстого, рано умершей, ему не было бы позволено прибегать к таким мерам воздействия. Во всяком случае детство Толстого в этом отношении протекало совсем в иных условиях, чем, например, детство Тургенева, который рассказывал про своё детство: «Драли меня за всякие пустяки чуть не каждый день». Ничего подобного не было в детстве Толстого.

Также и отношение к крепостным крестьянам в помещичьих домах Тургеневых и Толстых было разным. В Ясной Поляне в годы детства Толстого оно было, очевидно, сравнительно гуманным. Толстому не приходилось видеть около себя тех ужасов крепостничества, какие видели в домах своих отцов Герцен, Некрасов, Тургенев, Салтыков-Щедрин, и потому Толстой, противник крепостного права, *по личным впечатлениям* не мог написать ничего, подобного ни хватающим за душу первым главам «Былого и дум» Герцена, ни скорбному стихотворению Некрасова «Родина», ни трогательному рассказу Тургенева «Муму», ни потрясающей «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина.

Это социальное различие семейных укладов Толстого и Тургенева не помешало быть сходным литературным пристрастиям в их юные годы (Тургенев на 10 лет старше Толстого). Примером может служить восторженное отношение будущих реалистов русской литературы к творчеству пламенного романтика Марлинского. В списке произведений, произведших на него впечатление в возрасте от 14 до 20 лет, Толстой первоначально пометил повести Марлинского «Мулла-Нур» и «Фрегат Надежда». Знал он хорошо также и повесть Марлинского «Аммалат бек». Мы можем представить себе, что поражало его у Марлинского: его поражали необыкновенные характеры, фантастичность сюжетов и грандиозные картины природы. Все персонажи Марлинского сильно действовали на воображение юного мечтателя. Преувеличенность выражений чувств этих героев, свойственный Марлинскому «яркий блеск завитой формы» (выражение из по-

вести «Юность»), изобилующий цветистыми метафорами, гиперболами, остроумными каламбурами, – не казались недостатком юноше Толстому.

Вообще Марлинский считался многими (особенно до появления убийственной статьи о нём В.Г. Белинского) «царём прозаиков», как Пушкин – «царём поэтов». Тот же Тургенев писал Толстому в декабре 1856 года, что он когда-то «целовал имя Марлинского на обёртке журнала» и сначала пришёл в ужасное негодование, услышав о дерзости Белинского, поднявшего руку на Марлинского. Он же в повести «Стук...стук...стук» писал о Марлинском: «Марлинский теперь (конец 40-х годов. – *А.Н.*) устарел – никто его не читает – и даже над именем его глумятся; но в тридцатых годах он гремел, как никто, – и Пушкин, по понятию тогдашней молодёжи, не мог идти в сравнение с ним. Он не только пользовался славой первого русского писателя; он даже – что гораздо труднее и реже встречается – до некоторой степени наложил свою печать на современное ему поколение. Герои à la Марлинский попадались везде, особенно в провинции, и особенно между армейцами и артиллеристами. Они разговаривали, переписывались его языком, в обществе держались сумрачно, сдержанно, «с бурей в душе и пламенем в крови», как лейтенант Белозор «Фрегата Надежды». Женские сердца «пожирались» ими. Про них сложилось тогда прозвище – «фатальный».

Из составленного Толстым списка видно, что в 1847 году он был усердным читателем «Современника». Именно в этом прогрессивном журнале за этот год появились и «Полинька Сакс» Дружинина, и «Антон Горемыка» Григоровича, и первые шесть рассказов из «Записок охотника» Тургенева. Повесть Григоровича и рассказы Тургенева имели огромное значение для выработки мирозерцания молодого Толстого. В октябре 1893 года в поздравительном письме Григоровичу по случаю 50-летия его литературной деятельности Толстой писал: «Вы мне дороги... в особенности по тем незабвенным впечатлениям, которые произвели на меня, вместе с «Записками охотника» Тургенева, ваши первые повести. Помню умиление и восторг, произведённые на меня, тогда шестнадцатилетнего мальчика, не смевшего верить себе, «Антоном Горемыкой», бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика, нашего кормильца и – хочется сказать – нашего учителя, можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом».

И о повести Григоровича, и о рассказах Тургенева Толстой вспомнил ещё раз в 1900 году, когда писал трактат «Рабство нашего времени». В одной из черновых редакций этого трактата Толстой упоминает о том, что в то время, когда существовали «рабовладельцы прежнего рабства» (то есть, до реформы 1861 года – *А.Н.*), «явились люди, которые... прямо показали людям рабовладельцам всю жестокость их жизни, как это показали у нас

«Записки охотника», Григорович и др., и в Америке Бичер-Стоу, и люди рабовладельцы поняли, почувствовали, что они виноваты».

Именем Тургенева («старшего собрата» Толстого по литературе) поверяется его «вес», оригинальность в русской литературе. Это проявилось в оценках критики уже первого произведения Толстого – повести «Детство» – вполне самобытного, авторского. Н.Г. Чернышевский в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы» относил Толстого, вместе с Гончаровым, Григоровичем, Тургеневым и Островским, к числу тех писателей, произведения которых «не наводят на мысль о заимствовании, не напоминают что-либо чужое».

Ну, а дальше идут обычные «хлопоты» по выпестыванию литературных талантов. О своём впечатлении от «Детства» Некрасов, напечатавший в своём «Современнике» этот дебют Толстого, писал не только автору, но и Тургеневу, который находился тогда в ссылке в своём имении Спасское. «Обрати внимание, – писал он в сентябре 1852 года, – на повесть «Детство» в IX номере – это талант новый и, кажется, надёжный». В мае 1853 года Тургенев в одном из писем назвал «Детство» «прелестной повестью».

Тогда же в журналах появилось несколько повестей из жизни детей: «Неточка Незванова» и «Маленький герой» Достоевского, «Адам Адамыч» М. Михайлова, «История Ульяны Терентьевны» и «Яков Яковлич» П. Кулиша. И все эти произведения ни в какое сравнение не могут идти с повестью Толстого. Тургенев в ноябре 1852 года писал Некрасову: «Я прочёл «Якова Яковлича». В авторе есть талант, но не большой и не надёжный. Но всё-таки «Яков Яковлич» – повесть не дюжинная, и если автор молод – выработается. Только от него до Толстого (Льва Николаевича. – А.Н.), как от земли до неба...». Сам Толстой, прочитав «Историю Ульяны Терентьевны», записал в дневнике 29 сентября 1852 года: «Читал новый «Современник». Одна хорошая повесть, похожая на моё «Детство», но – он было написал: «хуже», а затем поправил: «неосновательная».

В хоре похвал Толстому за его первую повесть голос Тургенева выделяется многократно. Сестра Толстого Мария Николаевна писала ему в апреле 1852 года, что написанное им «очень мило» и что это не только её личное мнение (которое может быть пристрастно в силу любви к брату), но что это общий голос. Она прибавляла, что от невестки И.С. Тургенева, её соседа по имению, она слышала: «Иван Сергеевич прочёл эту статью (повесть «Детство» – А.Н.) и очень её хвалит, и очень желал бы с тобой познакомиться, он даже посылал к нам узнать, правда ли, что ты будто приехал с Кавказа. Каким образом все узнали, что ты писал, я не знаю, но мне все знакомые твердят: «Как ваш брат мило пишет!».

Толстой, со своей стороны, ревностно следит за творчеством Тургенева. Летом 1853 года на Кавказе (в Пятигорске) Толстой страдал от одиночества. В эти поры он обычно усиленно работает (здесь – над второй повестью трилогии «Отрочество») и читает. Так, перечитывание «Записок

охотника» вызывает у него в дневнике следующую выразительную запись (27 июля): «Читал «Записки охотника» Тургенева, и как-то трудно писать после него». Идейную сторону «Записок охотника» Толстой оценил ещё гораздо раньше; теперь его внимание останавливает художественное мастерство Тургенева.

Но более, чем художественная сторона произведений Тургенева, Толстого волновала идейная направленность его творчества, прежде всего в «Записках охотника», где представлены были «живые души» крестьян, с симпатией изображённых автором. Именно эта, социально-нравственная авторская, оценка в «Записках охотника» импонировала Толстому. В октябре 1853 года Толстой делает запись, имеющую очень большое значение для раскрытия эволюции его идейно-творческих взглядов. Запись была вызвана чтением романа Григоровича «Рыбаки», печатавшегося в «Современнике» за 1853 год. Толстой пишет: «Простой народ так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишений жизнью, что как-то нехорошо нашему брату искать и описывать в нём дурное. Оно есть в нём, но лучше говорить про него... одно хорошее. Это достоинство Тургенева и недостаток Григоровича и его «Рыбаков». Кого могут занять пороки этого жалкого и достойного класса? В нём больше доброго, чем дурного; поэтому естественнее и благороднее искать причины первого, чем второго».

Запись эта служит одновременно и выражением отношения Толстого того времени к «простому народу», и изложением того принципа, которым, по его мнению, должен руководиться писатель при изображении людей из «простого народа».

Взаимные симпатии Толстого и Тургенева крепили год от года. Этому споспешествовало появление в «Современнике» в 1854 году «Отрочества» Толстого, которое, по словам Некрасова, «произвело в читающем мире то, что называется эффект». И ряд хвалебных отзывов об «Отрочестве» находим в письмах Тургенева. В частности, Е.Я. Колбасину он писал в октябре 1854 года: «Очень рад я успеху отрочества». Дай только бог Толстому пожить, а он, я твёрдо уверен, ещё удивит нас всех – это талант первостепенный».

Другие высказывания Тургенева о Толстом, вызванные появлением «Отрочества», ещё более значительны.

За два года до этого умер Гоголь. Русская литература осиротела, и людям, преданным литературе, естественно, представлялся вопрос: кто теперь будет преемником Гоголя? Вопрос этот занимал и Тургенева, и вот что писал он Л.Н. Вакселю в октябре 1854 года: «Прочёл «Отрочество» в 10 книге «Современника». Вот наконец преемник Гоголя». То же самое писал Тургенев И.Ф. Миницкому месяц спустя: «В 10 № «Современника» вы найдёте повесть Толстого, автора «Детства», – перед которою все попытки кажутся вздором. – Вот наконец преемник Гоголя, нисколько на него не похожий, как оно и следовало».

Предвидя будущую славу Толстого, Тургенев в октябре 1854 года писал П.В. Анненкову: «Я на днях познакомлюсь с сестрой Толстого (автора «Отрочества», – скоро не нужно будет прибавлять этого эпитета – только одного Толстого и будут знать в России)».

24 октября 1854 года в Покровском состоялось знакомство Тургенева с М.Н. Толстой. Инициатива знакомства исходила от Тургенева. 17 октября он писал В.П. Толстому: «Милостивый государь, посылаю Вам № «Современника», в котором помещена повесть брата Вашей супруги – «Отрочество» – думая, что это будет интересно для Вас. – Я давно имел желание с Вами познакомиться; если и Вы с Вашей стороны не прочь от этого, то назначьте мне день, когда мне к Вам приехать, начиная со вторника. – Я чрезвычайно ценю талант Льва Николаевича и весьма желал бы знать о нём, где он и что с ним». Сестре Толстого Тургенев писал в декабре: «Отрочество» произвело здесь глубокое впечатление – Лев Николаевич стал во мнении всех в ряду наших лучших писателей – и теперь остаётся ему написать ещё такую же вещь, чтобы занять первое место, которое принадлежит ему по праву – и ждёт его. – Извещайте меня о нём, пожалуйста».

О знакомстве Тургенева с Марьей Николаевной первым известил Толстого его брат Николай Николаевич. Лев Николаевич в январе 1855 года писал тётушке Ергольской, что он «в восторге от этого знакомства и просит сказать Тургеневу, что хотя он знаком с ним только по его сочинениям, он многое хотел бы сказать ему».

21 марта 1855 года Толстой записывает, что получил «восхитительное» письмо от сестры, в котором она описывала своё знакомство с Тургеневым. В этом письме, к сожалению, не сохранившемся, М.Н. Толстая передавала какое-то очень сочувственное мнение Тургенева о Толстом, на что указывает запись Толстого от 27 марта, где он выражает согласие с мнением Тургенева о том, что «нашему брату, литератору, нужно одним чем-нибудь заниматься». Тургенев, очевидно, говорил сестре Толстого, что, по его мнению, Льву Николаевичу, как одарённому несомненным и большим художественным талантом, следует оставить военную службу и заняться исключительно литературой. Вполне понятна запись Толстого в дневнике относительно письма сестры с отзывом Тургенева: «Милое, славное письмо, возвысившее меня в собственном мнении и побуждающее к деятельности».

Симпатии Толстого к Тургеневу нашли своё воплощение в следующем факте. 1 июня 1855 года Толстой взялся за работу над окончанием «Записок юнкера» и закончил их через 17 дней. В тот же день рассказ был отправлен в редакцию «Современника». Он появился в 9-м номере за 1855 год. В конце рассказа стояла обычная в то время подпись Толстого – Л.Н.Т. Рассказ назывался «Рубка леса. Рассказ юнкера», с посвящением И.С. Тургеневу.

В основу сюжета рассказа положен эпизод похода против горцев зимою 1853 года, в котором Толстой принимал участие.

Рассказ начинается с описания ночного выступления колонны войск на рубку леса. Рассказчик, юнкер, за отсутствием офицера, командует взводом, как и было в действительности с Толстым. Дойдя до описания начала стрельбы, Толстой не упускает случая, как он делал это всегда при описании сражений, упомянуть о том, что звуки первых винтовочных выстрелов «как и всегда, особенно возбuditельно подействовали на всех».

Далее даётся сцена разговора солдат-артиллеристов у костра в то время, как пехота занята рубкой леса. По-видимому, именно эта сцена и заключительная глава рассказа, где также приводится разговор солдат у костра с участием самого рассказчика, дали повод Толстому заметить в рассказе какое-то воздействие «Записок охотника» Тургенева. В письме к редактору «Современника» Некрасову от 14 июня 1855 года Толстой, обещая в ближайшие дни послать «Записки юнкера», вместе с тем просил узнать у Тургенева, разрешит ли он посвятить ему этот рассказ. «Эта мысль, – писал Толстой, – пришла мне потому, что когда я прочёл статью, я нашёл в ней много невольного подражания его (Тургенева. – А.Н.) рассказам». (Как известно, в центре рассказа Тургенева «Бежин луг» – ночной разговор мальчиков у костра).

В сентябрьской книжке «Современника» 1855 года Некрасов писал по поводу «Рубки леса»: «Дельное, так сказать, практическое направление, принятое нашей литературой в последние пятнадцать или двадцать лет и состоящее в стремлении к изучению своего, национального, во всех его проявлениях и сословиях, почти не коснулось сословия военного. Со времени фразистых повестей Марлинского, в которых и офицеры, и солдаты являлись в несвойственной им мантии средневековых воинов, мы не имели ничего о русском солдате. И вот является писатель, который вводит нас в этот совершенно новый для нас мир. Подобно г. Тургеневу, который девять лет тому назад начал свои очерки народных характеров (в «Записках охотника». – А.Н.) и постепенно представил перед нами ряд оригинальных, живых и действительных лиц, о которых мы до него не имели понятия, г. Л.Н.Т. в своей «Рубке леса» представляет нам несколько типов, которые могут служить ключом к уразумению духа, понятий, привычек и вообще составных элементов военного сословия. Ещё несколько таких очерков – и военный быт перестанет быть тёмною загадкою. Мастерство рассказа, полное знание изображаемого быта, глубокая истина в понимании и представлении характеров, замечания, исполненные тонкого и проницательно-го ума, – вот достоинства рассказа г. Л.Н.Т.».

Дальше – больше. В июньской книжке «Современника» появляется рассказ Толстого «Севастополь в декабре месяце», который имел большой успех в письмах разных лиц, а также в отзывах журналов и газет. Тургенев из своего Спасского писал И.И. Панаеву в июле 1855 года: «Статья Тол-

стого о Севастополе – чудо! Я прослезился, читая её и кричал ура!.. Статья Толстого произвела здесь фурор всеобщий».

Следующий рассказ севастопольского цикла «Севастополь в мае» взбудоражил редакцию «Современника». И.И. Панаев, прочитав рукопись рассказа Толстого (Некрасова в это время не было в Петербурге), утверждал в письме Толстому от 18 июля 1855 года, что новый рассказ Толстого «несравненно лучше» его первого севастопольского очерка («Севастополь в декабре месяце»), но что, несмотря на это, рассказ этот «меньше понравится по той причине, что героем его – *правда* (курсив наш. – А.Н.), а правда колет глаза, голой правды не любят, к правде без украшений не привыкли».

Сходную с робкой панаевской оценкой «Севастополя в мае» высказал эпикуреец Боткин: «Вторая статья Толстого о Севастополе необыкновенно хороша, но она напечатается с большими изменениями или, лучше сказать, с переменою духа её». Отдавая должное «большому тонкому таланту» Толстого, Боткин в то же время находил, что «статья унылая; она непременно произвела бы самое дурное впечатление».

Не так отнёсся к рассказу Толстого в его не тронутом редакцией и цензурой виде Тургенев. Извещая сестру Толстого о том, что он достал рассказ её брата «в целости» и заказал для неё копию этого рассказа, прибавил: «Страшная вещь».

Во второй половине 1855 года встал вопрос об уходе Толстого с военной службы. Решению оставить её немало способствовали полученные Толстым письма от Панаева, Некрасова и позднее – Тургенева.

Именно об этом он писал Толстому в своём первом письме от 9 октября 1855 года, направленном из имения сестры Толстого Покровского. Начав с выражения горячей благодарности за посвящение ему «Рубки леса» («ничего ещё во всей моей литературной карьере так не польстило моему самолюбию...»), далее Тургенев писал: «Жутко мне думать о том, где вы находитесь. – Хотя с другой стороны я и рад для Вас всем этим новым ощущениям и испытаниям – но всему есть мера – и не нужно вводить судьбу в соблазн – она и так рада повредить нам на каждом шагу. – Очень было бы хорошо, если б Вам удалось выбраться из Крыма – Вы достаточно доказали, что Вы не трус – а военная карьера всё-таки не Ваша – Ваше назначение – быть литератором, художником мысли и слова... Повторяю Вам – Ваше оружие – перо – а не сабля – а Музы не только не терпят суеты (перефразированные слова из стихотворения А.С. Пушкина: «Служенье Муз не терпит суеты». – А.Н.) – но и ревнивы». Тургенев прибавлял, что если бы Толстому удалось приехать хотя бы на время в отпуск в Тульскую губернию, он нарочно приехал бы туда из Петербурга, чтобы познакомиться с ним лично. «Мне кажется, мы бы сошлись – и наговорились – вдоволь, и может быть наше знакомство не было бы бесполезным для обоих».

...С отъездом Толстого из Севастополя и с приездом его 19 ноября 1855 года в Петербург началась новая полоса в его жизни и творчестве.

Толстой сразу вошёл в круг самых известных русских писателей. Тургенев взял на себя роль гостеприимного хозяина, гида и... немножко ментора, от роли которого Толстой мягко заставил Тургенева постепенно отказаться.

Остановившись в гостинице, он сейчас же отправился к Тургеневу. Встретившись с ним, они, как на другой день писал Толстой сестре, «сейчас же изо всех сил расцеловались». «Он очень хороший», – писал Толстой про Тургенева.

Тургенев уговорил Толстого из гостиницы переехать к нему на квартиру, на что Толстой согласился. Переехав к Тургеневу, Толстой сразу же вошёл в курс всех событий дня среди сотрудников «Современника». У Тургенева и Некрасова Толстой знакомится со многими другими петербургскими писателями: Дружининым, Тютчевым, Гончаровым, Майковым, Писемским, Огарёвым, Жемчужниковым, Анненковым, Боткиным, Фетом...

Тургенев в письмах к разным лицам продолжает отзываться о Толстом с большим сочувствием. «Ты уже знаешь от Некрасова, – писал он В.П. Боткину, что Толстой здесь и живёт у меня. – Очень бы я хотел, чтобы ты с ним познакомился. – Человек он в высшей степени симпатичный и оригинальный». Затем – П.В. Анненкову: «Вообразите: вот уже более двух недель у меня живёт Толстой (Л.Н.Т.) – и что бы я дал, чтобы представить, что это за милый и замечательный человек – хоть он за дикую реальность и упорство буйволообразное получил от меня название Троглодита. Я его полюбил каким-то странным чувством, похожим на отеческое».

Пояснением письма Тургенева может служить запись в дневнике Дружинина в декабре 1855 года. Дружинин пишет, что накануне за обедом у Некрасова, где были также Панаев с женой и цензор «Современника» Бекетов, «Толстой вёл себя милейшим троглодитом, башибузуком и редифом. Он не знал, например, что значит цензурный комитет и какого он министерства, затем объявил, что не считает себя литератором и т.д.». От Некрасова поехали к больному Тургеневу, и там Толстой «объявил, что удивляться Шекспиру и Гомеру может лишь человек, пропитанный фразой». Такое суждение о Шекспире должно было сильно задеть за живое членов редакции «Современника», преклонявшихся перед Шекспиром. Дружинин и в дальнейших записях своего дневника отмечает жаркие споры Толстого с Тургеневым. Так, 26 декабря у Тургенева «Толстой и Тургенев спорили чуть не до слёз»; 1 января нового 1856 года у Боткина «Тургенев спорил с Толстым по обыкновению».

Вероятно, к этому же времени относится и воспоминание Гончарова о спорах Толстого с писателями, о которых он напоминал Толстому в письме от 22 июля 1887 года: «Помню Ваши иронические споры всего больше с Тургеневым, Дружининым, Анненковым и Боткиным о безусловном, отчасти напускном или слепом их поклонении разным литературным авторитетам; помню комическое негодование их на Вас за непризна-

ние за «гениями» установленного критикой величия и за Ваши своеобразные мнения и взгляды на них. Помню тогдашнюю Вашу насмешливо-добродушную улыбку, когда Вы опровергали их зазорный натиск».

Однако на первых порах все споры Толстого с писателями протекали в дружелюбной и благодушной атмосфере. Тургенев, руководимый «отеческим чувством», старался внушить «троглодиту», бывшему моложе его на десять лет, все те литературные взгляды, которые разделял он сам.

Одно время «отеческое чувство» Тургенева возмущалось тем образом жизни, который Толстой вёл в Петербурге. 14 декабря Дружинин записывает в своём дневнике: «Тургенев в великом озлоблении на башибузука за его мотовство и нравственное безобразие». О том же рассказывает Фет в своих воспоминаниях. Придя раз к Тургеневу, он узнал, что у него живёт приехавший из Севастополя Толстой. Было десять часов утра, но Толстой ещё не просыпался. «Вот всё время так, – с усмешкой сказал Фету Тургенев. – Вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во все тяжкие. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь; а затем до двух часов спит как убитый. Старался удерживать его, но теперь махнул рукой».

В декабре Толстой присутствует на чтении Тургеневым только что законченного им романа «Рудин». Новый роман Тургенева не произвёл на Толстого большого впечатления. В 1894 году Толстой рассказывал: «Я помню... слушал «Рудина»; Тургенев читал у Некрасова. Были тут Анненков, Боткин; все глубокомысленно обсуждали; я был моложе их всех; я был удивлён, как это Тургенев – и мог написать такую фальшивую, придуманную вещь».

9 декабря Тургенев писал Анненкову, что Толстой читал «начало своей «Юности» и начало другого романа – есть вещи великолепные!». «Другой роман» – это, конечно, «Беглец» (первая редакция «Казаков»).

31 января 1856 года Толстой вместе с Майковым, Анненковым, Гончаровым, Фетом, Панаевым и Григоровичем слушает у Некрасова новый перевод «Короля Лира» Шекспира, сделанный Дружининым. «Вечером, – пишет в этот день в дневнике Дружинин, – я и Тургенев сидели у Толстого, вразумляя его насчёт Шекспира». 3 февраля Дружинин уже сообщает Боткину, что «Толстой покупает себе Шекспира и хочет с сим великим мужем примириться».

6 февраля 1856 года у Толстого произошло первое нам известное принципиальное столкновение с сотрудниками «Современника». В этот день, как записано у него в дневнике, он «поссорился с Тургеневым». Об этом столкновении сохранились рассказы Тургенева и Некрасова в письмах к В.П. Боткину.

Тургенев писал Боткину 8 февраля: «С Толстым я едва ли не рассорился, – нет, брат, невозможно, чтоб необразованность не отозвалась так или иначе. Третьего дня за обедом у Некрасова он по поводу Ж. Занд высказал столько пошлостей и грубостей, что передать нельзя. – Спор зашёл

очень далеко – словом – он возмутил всех и показал себя в весьма невыгодном свете. – Когда-нибудь расскажу тебе, а писать неловко».

Первое серьёзное столкновение Толстого с сотрудниками «Современника» и в особенности с Тургеневым не надолго отделили их друг от друга. Уже 19 февраля Толстой записывает в дневнике: «Обедал у Тургенева, мы снова сходимся».

В мартовской книжке «Современника» за 1856 год появился рассказ Толстого «Метель». Знатоки литературы оценили его очень высоко. Тургенев в письме к С.Т. Аксакову называет рассказ Толстого «превосходным».

14 апреля была закончена новая повесть Толстого «Отец и сын». По совету Некрасова ей дано было название «Два гусара». А днём раньше повесть была прочитана автором Тургеневу, который «хлопал себя по ляжке и говорил, что прелестно».

Отношения Толстого с Тургеневым в последние месяцы его пребывания в Петербурге весной 1856 года были очень неровные. «С Тургеневым я, кажется, окончательно разошёлся», – записывает Толстой 12 марта. Но уже 13 апреля Толстой читал Тургеневу своих «Двух гусаров», а 20 апреля «очень весело болтал» с ним. 25 апреля Толстой был у Тургенева и провёл у него время «с удовольствием». После отъезда Тургенева из Петербурга в своё Спасское 10 мая Толстой пишет тётушке Т.А. Ергольской, что ему очень хочется поскорее уехать из Петербурга. «Тургенев уехал, которого я чувствую теперь, что очень полюбил, несмотря на то, что мы всё ссорились. Так что мне бывает ужасно скучно», – писал Толстой.

Очень переживал по поводу ссор Толстого и Тургенева Н.А. Некрасов, который убеждал Толстого: «Эта душа (Тургенев. – А.Н.), вся раскрывающаяся, – при Вас сжалась и как-то упорно не размыкается. Грустно вас видеть вместе. Вы должны бы быть друзьями, а вы что?».

А.А. Фет совершенно был прав, когда утверждал, что общественно-политические воззрения Тургенева не отличались большой определённо-стью. Но он не улавливал основной причины, вызывавшей столкновения Толстого с Тургеневым. Основная же причина столкновения лежала не только в разногласиях по политическим вопросам, но также и в том, что Толстой не верил в искренность и глубину литературных воззрений Тургенева. По мнению Толстого, суждения, которые высказывал Тургенев, не были тем кровным убеждением, которое человек готов отстаивать ценою жизни, а были лишь «праздными разговорами», «фразой» (Толстой в то время любил употреблять это слово) [15, с.42-43].

Следует сказать, что присутствие «фразы» в речах Тургенева признавал не только Толстой, но и его брат Николай Николаевич, которого так любил и ценил Тургенев. 19 июля 1860 года он писал Фету, что любит его за то, что в нём «нет фразы, как например, в милейшем и пр. Иване Сергеевиче». Заметим, однако, что столь напряжённые и неровные отношения

складывались у Толстого из всех старых сотрудников «Современника» с одним только Тургеневым.

Разумеется, было бы большой ошибкой думать, будто каждая встреча Толстого с членами редакции «Современника» непременно приводила к спору или даже к ссоре. Вспоминая это время, Гончаров рассказывает, что когда он в 1855 году приехал в Петербург, он сблизился с кружком писателей, в который входили Тургенев, Анненков, Боткин, Некрасов, Панаев, Григорович и к которому позднее присоединился и Толстой. «Лев Николаевич, — пишет Гончаров, — сходил с нами почти ежедневно у тех же лиц — Тургенева, Панаева и пр. Говорили много о литературе, обедали шумно, весело, словом, было хорошо».

В мае 1856 года Толстой навестил Тургенева в его имении Спасское. «Дом его, — записал Толстой в дневнике про Тургенева, — показал мне его корни и много объяснил, поэтому примирил с ним». То же самое писал Толстой о Тургеневе Некрасову 12 июня: «Его надо показывать в деревне. Он там совсем другой, более мне близкий, хороший человек». «Поболтавши» с Тургеневым «очень приятно», Толстой 1 июня увёз его с собой в имение Покровское своей сестры Марии Николаевны. Дорогой тоже «понятно болтали»; в Покровском опять «очень хорошо болтали» с Тургеневым.

В середине июня Толстой написал Тургеневу не дошедшее до нас письмо, в котором извещал о неудачах своих переговоров с крестьянами и вспоминал об «овраге», их разделяющем, как он называл свои недоразумения с Тургеневым. Вероятно, Толстой писал о своём желании уничтожить этот «овраг». Тургенев отвечал на это письмо в примирительном тоне: «Что касается до «оврага», — писал он, — то между нами осталось только воспоминание недоразумения, которое исчезает или даже уже исчезло давно».

А вот уже чисто творческая взаимосвязь этих двух литературных талантов. Можно сказать, что Тургенев имеет прямое отношение к замыслу Толстого «писать историю лошади» (дневник от 31 мая 1856 года). В 1881 году Тургенев рассказывал, как они с Толстым летом в деревне на выгоне увидели старую лошадь жалкого обличия: ноги погнулись, кости выступили от худобы, она даже травы не щипала и лишь отмахивалась от мух. Толстой погладил жалкое животное, приговаривая, что старый мерин, по его мнению, должен был чувствовать и думать. Тургенев даже заслушался. Толстой не только вошёл сам, но и Тургенева ввёл в положение этого несчастного существа. Он не выдержал и сказал: «Послушайте, Лев Николаевич, право, вы когда-нибудь были лошадью».

А вот в июле 1856 года произошла очередная встреча Толстого с Тургеневым в Покровском, произведшая на Толстого совершенно противоположное впечатление. В дневнике Толстой записывает: Тургенев «решительно несообразный, холодный и тяжёлый человек, и мне жалко его. Я никогда с ним не сойду». И через три дня: «Тургенев глупо устроил себе

жизнь. Нельзя устроить необыкновенно. У него вся жизнь притворство простоты. И он мне решительно неприятен».

Со своей стороны, Тургенев пытается честно объяснить с Толстым в письме от 13 сентября из предместья Парижа Куртавнеля. В нём сквозит уже большая доля скептицизма: «Я никогда не перестану любить вас и дорожить вашей дружбой, – писал Тургенев, – хотя – вероятно по моей вине – каждый из нас в присутствии другого будет ещё долго чувствовать небольшую неловкость». Тургенев пытается определить, в чём заключается причина этой неловкости. «Вы единственный человек, – пишет он, – с которым у меня произошли недоразумения; это случилось именно оттого, что я не хотел ограничиться с Вами одними простыми дружескими сношениями – я хотел пойти далее и глубже; но я сделал это неосторожно, зацепил, потревожил Вас и, заметивши свою ошибку, отступил, может быть, слишком поспешно; вот отчего и образовался этот «овраг» между нами». Тургенев говорит далее, что между ним и Толстым, кроме собственно литературных интересов, мало точек соприкосновения. Каждый идёт своей дорогой. Толстой, по мнению Тургенева, и не может быть ничьим последователем. «Вы слишком сами крепки на своих ногах, чтобы сделаться чьим-нибудь последователем», – пишет Тургенев. С большой прозорливостью устанавливает Тургенев, что они с Толстым никогда не будут друзьями «в Руссовском смысле» (то есть, в смысле душевной близости и откровенности), «но каждый из нас будет любить другого, радоваться его успехам».

Это письмо не понравилось Толстому.

14 октября Толстой у своей сестры в её Покровском беседовал с вольноотпущенным Тургенева Кудряшовым, заведовавшим больницей в Спасском, который, как записал Толстой, «с наслаждением часа два» ругал дядю Тургенева, управлявшего его имением. Но Толстой в этом случае не принял сторону Ивана Сергеевича. «Тургенев кругом виноват, – записал он в дневнике. – Никакая художническая струя не увольняет от участия в общественной жизни». (Ещё раньше Толстой записал: «Тургенев ничем не хочет заниматься под предлогом, что художник неспособен»). Этими словами Толстой, повидимому, хотел сказать, что он не оправдывает того, что Тургенев, считая себя исключительно художником, совершенно отстранялся от всякого участия в жизни своих крепостных, всецело предоставив устройство их быта своему управляющему.

Из последующего обмена письмами взаимоотношения Толстого и Тургенева не претерпели существенного изменения. Толстой вновь пытался уяснить свои отношения с литературным собратом. Тургенев опять повторяет, что не может быть совершенно откровенен с Толстым и хотя и любит его как человека («об авторе и говорить нечего»), но многое в нём его корбит, и он счёл «удобнее» держаться от него подальше (!). «В отдалении, – признаётся Тургенев, – (хотя это звучит довольно странно. – А.Н.) сердце моё к Вам лежит как к брату, – и я даже чувствую нежность к вам».

Не сомневаясь в том, что он любит Толстого, Тургенев надеется, что «со временем» из этого «выйдет всё хорошее».

В сентябре 1856 года А.В. Дружинин пишет почти провокационное письмо Толстому, которого подталкивает в союзе с Тургеневым и Островским взять «контроль» над «Современником» Некрасова и Чернышевского. «Спешите же, – писал он далее, – ознакомиться с ходом журналистики, изучить теории Белинского, потому что на этом пункте будет у вас огромное разногласие [17], и з г о т о в и т ь с я (разрядка наша. – А.Н.) к делу и посредством взаимного соглашения и где можно уступок, принять голос, вам подобающий. Не принимайтесь за дело круто и до времени терпите безобразие Чернышевского, хотя теперь вы все некоторым образом за него отвечаете. Зато высмотревши всё и решившись, поднимайте голос и стойте за свои мнения».

В ответном письме Дружинину Толстой на последнюю часть его письма отозвался только такими словами: «Безобразие Чернышевского, как вы называете, всё лето тошнит меня». Что же касается предложения Дружинина «изготовится» (военный термин!) к тому, чтобы взять контроль над «Современником» и быть вместе с Тургеневым и Островским его представителями, то это предложение, повидимому, не встретило в Толстом никакого сочувствия. Он ни одним словом не ответил на него в своём письме и к чтению статей Белинского не приступил. Всё, что сделал Толстой по этому пункту письма Дружинина, состояло в том, что он в тот же день написал письмо Тургеневу, в котором, обсуждая свои с ним отношения, сообщая о нездоровье сестры и об окончании первой половины «Юности», что-то неодобрительное (письмо до нас не дошло) писал о статьях Чернышевского. Тургенев согласился с ним лишь отчасти. «Теперь о статьях Чернышевского, – писал он в ответном письме. – Мне в них не нравится их бесцеремонный и сухой тон, выражение чёрствой души; но я радуюсь возможности их появления, радуюсь воспоминаниям о Белинском – выпискам из его статей, – радуюсь тому, что, наконец, произносится с уважением это имя. – Впрочем, вы этой моей радости сочувствовать не можете», – с грустью прибавлял Тургенев, вспоминая резкие отзывы Толстого о Белинском.

Весь ноябрь и большую часть декабря 1856 года Толстой проводит в усиленной литературной работе. Он ведёт замкнутый, уединённый образ жизни, не бывает в свете, видится главным образом с литераторами, слушает музыку и сам занимается музыкой, ежедневно делает гимнастику, читает и пишет. Все писатели, видевшиеся и переписывавшиеся с Толстым в то время, замечали большую перемену, происшедшую с ним за время пятидесятидневного пребывания в деревне. Он уже не держался с литераторами так вызывающе, как в первые месяцы после Севастополя. Боткин 6 декабря писал Тургеневу в Париж: «Толстой делается решительно милым, простым и восхитительным». «Толстой делается проще и легче для меня», – писал в

тот же день Тургеневу Панаев. На это письмо Тургенев ответил Панаеву: «Радуюсь появлению «Юности» и умиротворению самого Толстого – это очень хорошо». Самому Толстому в ответ на его письмо Тургенев 8 декабря писал: «Ото всего письма веяло чем-то кротким и ясным, какой-то дружелюбной тишиной».

В ноябрьской книжке «Отечественных записок» Толстой прочитал рецензию С.С. Дудышкина на отдельное издание его «Детства и Отрочества» и «Военных рассказов». Рецензия была неблагоприятная. Однако Толстой, всегда склонный умалять достоинства своих произведений, не только не заметил вопиющей несправедливости рецензии «Отечественных записок», но, напротив, нашёл её «умной и дельной» (запись в дневнике от 11 ноября). И тут за Толстого возмутился не кто-нибудь, а Тургенев, который 13 января 1857 года писал Дружинину из Парижа: «Каков однако бесовестный Андриас (Дудышкин – *А.Н.*)! Какую статейку он об «Детстве» и «Отрочестве» тиснул!». В свою очередь и Толстой возмутился, когда тот же журнал обрушился со столь же несправедливой статьёй на Тургенева. Е.Я. Калбасин писал Тургеневу по поводу этой статьи о нём в «Отечественных записках»: «Из литераторов больше всех почувствовал эту философски рассчитанную ложь ... кто бы вы думали? Толстой. К моему крайнему изумлению, он был возмущён страшно, а остальные литераторы только помалчивали».

Ещё один пример объективности великих писателей в оценке творчества друг друга, несмотря на возможные шероховатости в личных взаимоотношениях, – оценка Тургеневым повести Толстого «Утро помещика». «Главное нравственное впечатление этого рассказа (в русском литературоведении XX века за этим произведением закрепилось жанровое определение повести. – *А.Н.*), – писал Тургенев Дружинину в январе 1857 года относительно «Утра помещика», – (не говорю о художественном) – состоит в том, что пока будет существовать крепостное состояние, нет возможности сближения и понимания обеих сторон, несмотря на самую бескорыстную и честную готовность сближения – «это впечатление хорошо и верно». Какое точное определение замысла автора и авторской позиции в повести «Утро помещика»! Правда, далее Тургенев – неизвестно на каком основании – делает оговорку, что рядом с главным впечатлением от рассказа «бежит другое, побочное, пристыжное, – а именно то, что вообще просвещать мужика, улучшать его быт ни к чему не ведёт – и это впечатление неприятно». Повидимому, Тургенев так субъективно и пессимистично истолковал авторскую позицию финала повести, где главный герой Нехлюдов пребывает в растерянности от неудавшегося «гуманитарного» эксперимента; но опускать руки он не намерен, и именно просвещением крестьян думает заняться, – как это осуществит на деле сам автор повести Л.Н. Толстой, создав в конце 50-х годов в Ясной Поляне школу для кре-

стьянских детей и разработав специальную для этого методику (ныне именуемую «Школой Л.Н. Толстого»).

Но, как всегда чуткий к художественным достоинствам произведений Толстого, Тургенев заключает свой отзыв об «Утре помещика» словами: «Но мастерство языка, рассказа, характеристики великое».

Конец 1856 года обозначен влиянием Дружинина, ярого оппонента Чернышевского, на Толстого. Это общеизвестно в толстоведении. Об этом свидетельствуют и Анненков, и Колбасин, и брат Колбасина Елисей. Это касалось первой статьи Дружинина «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения», направленной против статьи Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы».

Вторая статья Дружинина (декабрь 1856 года) посвящена поэзии, и она не встретила сочувствия у Толстого. Это явилось первым поводом отторжения Толстого от теории «чистого искусства». Толстой, в отличие от Дружинина, не считал литературу средством доставления читателю только эстетического наслаждения, и этой стороны творчества Толстого Дружинин не учитывал, если не сказать – совершенно не понимал. В то время как для Тургенева «Севастополь в мае» был «страшной вещью», для Дружинина этот хватающий за душу рассказ был только изображением «поэзии военного быта», то есть, Дружинин в своих статьях о Толстом проявил полное непонимание основного движущего начала творчества Толстого.

Но следует сказать и о том, что члены «эстетического триумvirата» (Боткин – Анненков – Дружинин) высоко ценили в Толстом его моральные качества. Они видели также (особенно Анненков и Боткин), что интересы Толстого не ограничиваются одной сферой искусства, что в нём идёт напряжённая внутренняя работа и никогда не прекращается борьба с самим собою. Своими впечатлениями от личности Толстого и бесед с ним все члены «триумvirата» делились с их общим другом Тургеневым, находившимся в то время за границей.

Ещё до приезда Толстого в Петербург Дружинин писал Тургеневу в октябре 1856 года: «Я не понимаю, отчего вы всегда не ладили с Толстым. Чем больше узнаю я и его, и его талант, тем более я к нему привязываюсь. Вот настоящая юная и сильная натура, русская, светлая, привлекательная и в капризах, и в ребячестве».

Боткин писал Тургеневу в январе 1857 года: «Толстой всё это время здесь – ты бы не узнал его, если бы увидел. Это во всех отношениях редкая натура; много сил и необыкновенное внутреннее стремление».

В январе 1857 года, уже по отъезде Толстого из Петербурга, Анненков писал Тургеневу: «В последнее время я пришёл к такому убеждению, что между нами нет лица более *нравственного* (курсив Анненкова – А.Н.), чем Толстой. Он способен к героизму внутренней честности или по крайней мере «понимает её в героических размерах».

Но и Боткин, и Анненков (не говоря уже о Дружинине) были способны только на то, чтобы «любоваться» той внутренней работой, которая происходила в Толстом. Поэтому и дружба его с «триумvirатом», чуждым тех моральных исканий, к которым постоянно непреодолимо тяготел Толстой, не могла быть прочной и через некоторое время сошла на нет.

Постоянным корреспондентом Толстого в последние месяцы 1856-го и в январе 1857 года был Тургенев.

В письме от 1 декабря 1856 года Толстой хвалил повесть Тургенева «Фауст» и выражал ему своё дружеское расположение.

Тургенев вполне оценил и то, и другое. «Ваше сочувствие меня искренно и глубоко обрадовало», – писал он в ответе от 8 декабря по поводу отзыва Толстого о его «Фаусте». На выражение Толстого своего дружеского чувства к нему Тургенев в том же письме отозвался так: «Мне остаётся протянуть Вам руку через овраг, который уже давно превратился в едва заметную щель, да и о ней упоминать не будем – она этого не стоит».

Делился Толстой с Тургеневым и своим сожалением о том, что вступил в «коалицию», то есть заключил «обязательное соглашение» с редакцией «Современника» о печатании своих новых произведений исключительно в этом журнале, «коалиция» эта, по мнению Толстого, не заключала в себе ничего «величественного». И в этом Тургенев соглашался с Толстым.

Получение этого письма Тургенева Толстой ответил в своём дневнике под 20 декабря словами: «Получил милое письмо от Тургенева».

В следующем письме от 16 декабря Тургенев отвечал на письмо Толстого, написанное в начале декабря. Толстой в этом письме опять выражал своё недовольство редакцией «Современника» и заключённым с нею «союзом». Особенно он нападал на Чернышевского за его «Очерки гоголевского периода русской литературы», в которых он, повторяя Дружинина, видел «фетишизм» в отношении автора к Белинскому и даже упрекал Чернышевского в том, что он преподносит своим читателям «тухлые яйца» вместо здоровой пищи.

В своём ответном письме Тургенев не спорил с тем, что «обязательное соглашение» с редакцией «Современника» имеет некоторые «неудобства», «но отступить теперь, – писал он, – было бы и нечестно, и неловко – даже смешно». Но Тургенев горячо встал на защиту статьи Чернышевского о Белинском и самого Белинского. Белинский, – писал Тургенев, – был человек, «который и радовался, и страдал, и жил в силу своих убеждений»; «в него за высказывание тех самых мыслей, которые стали теперь общими местами, со всех сторон бросали грязью, камнями, эпиграммами, доносами»; «он смертью избежал судьбы, может быть, очень горькой». Говоря о нападках Дружинина на Белинского за его резкую статью о Марлинском, Тургенев говорит что вопрос здесь шёл не о Марлинском: «дело шло о ниспровержении целого направления, ложного и пустого, дело шло об разрушении авторитета мнимой силы и величавости». И только благодаря

статьям Белинского о Марлинском, Бенедиктове и других ложных авторитетах «мы пошли вперёд», – заключает Тургенев. Боясь, что это письмо раздражит Толстого, Тургенев в конце сделал оговорку, что письмо его «вышло как-то очень полемично».

Но опасения Тургенева не оправдались: Толстому, напротив, понравилась искренность и горячность этого письма. «Получил сухое, но милое письмо от Тургенева, – записал он в дневнике 1 января 1857 года («сухое», надо полагать, – в отношении к нему, Толстому).

Наконец, в последнем письме к Толстому перед его отъездом за границу (3 января 1857 года) Тургенев писал, что письма Толстого его «утешают», что в Толстом, «очевидно, происходит перемена – весьма хорошая». «Вы утихаете, светлеете и – главное, становитесь свободны от собственных воззрений и предрассудков, – писал Тургенев. И заканчивал письмо словами: «Ну, прощайте, милый Толстой. – Разрастайтесь в ширину, как вы до сих пор в глубину росли, – а мы со временем будем сидеть под Вашей тенью – да похваливать её красоту и прохладу».

Последнее письмо Тургеневу перед отъездом в Москву было написано Толстым 4 января 1857 года, – в тот самый день, когда он с восторгом читал статьи Белинского о Пушкине. На это письмо Тургенев уже не успел ответить из-за отъезда Толстого за границу.

Расположение Тургенева к Толстому как к автору и как к человеку доходило в то время до того, что в письме к Панаеву он поручал Толстому держать корректуру предназначавшейся для «Современника» и ранее не пропущенной цензурой его пьесы «Нахлебник», причём, давал Толстому право делать «поправки и сокращения». Но это поручение Тургенева не могло быть исполнено, так как его письмо уже не застало Толстого в Петербурге.

Постепенно отношение Толстого к «бесценному триумvirату» (так он называл «тройственный союз» Боткина, Анненкова, Дружинина) начинает колебаться. 2 января 1857 года Толстой писал брату Сергею Николаевичу: «Хотя я душевно люблю этих литературных друзей: Боткина, Анненкова и Дружинина, но все *умные* (курсив Толстого – *А.Н.*) разговоры уже становятся скучны мне, хотя и были истинно полезны для меня». Что же касается главы «триумvirата» А.В. Дружинина (оппонента Чернышевского), то Толстой неожиданно для самого себя чувствует в это время не только охлаждение к нему, но даже отчуждение от него («удивительно, что мне с ним тяжело с глазу на глаз» – запись Толстого 8 января).

Таким образом, предвидение Тургенева сбылось: Толстой «объелся» Дружининым, вероятно, даже раньше, чем этого ожидал Тургенев...

...Первое заграничное путешествие Толстого (1857 год). Из Варшавы Толстой отправил телеграмму в Париж Тургеневу, прося ответить, долго ли он пробудет в Париже. Тургенев сейчас же ответил, что пробудет долго и что вместе с ним в Париже находится Некрасов. Получив это известие, Толстой срочно почти без остановки доехал по железной дороге до Пари-

жа (9 февраля 1857 года). В первый же день по приезде Толстой поспешил увидеться с Тургеневым и Некрасовым, но, вопреки его ожиданиям, встреча была нерадостна. «Они оба блуждают в каком-то мраке, грустят, жалуются на жизнь», – писал Толстой на другой день Боткину.

Мрачное состояние Тургенева и Некрасова вызывалось как их болезненным состоянием, так и осложнениями в их личной жизни. Некрасов на другой же день уехал в Рим, а с Тургеневым Толстой виделся почти ежедневно во всё время своего пребывания в Париже.

Тургенев, приехавший в Париж раньше Толстого, писал ему в конце ноября 1856 года: «Французская фраза мне так же противна, как и Вам, и никогда Париж не казался столь прозаически плоским. – Довольство не идёт ему; я видел его в другие мгновенья – и он мне тогда больше нравился». (Тургенев был в Париже в 1848 году во время революции). Именно эта сторона парижской жизни – шум и блеск парижских развлечений – прежде всех других бросились и в глаза Толстому.

Живя в Париже, Толстой большую часть времени проводил в том, что со свойственной ему ненасытной любознательностью всматривался в новые для него условия жизни, поражавшие его своим разнообразием и отличием от условий русской жизни того времени. «Толстой здесь и глядит на всё, помалчивая и расширяя глаза», – писал Тургенев Боткину 1 марта 1857 года. Иногда Толстой просто скитался по парижским улицам и бульварам, всматриваясь и вслушиваясь в шумную уличную жизнь Французской столицы.

Толстой не усмотрел проявлений собственного поэтического творчества у французских поэтов и прозаиков того времени. Вместе с Тургеневым он приходил к заключению, что французы – народ не поэтический. «Правду писал Тургенев, – писал Толстой Боткину 5 апреля, – что поэзии в этом народе *il n'y a pas*» (не существует). Недостатком французской литературы того времени Толстой считал её несамостоятельность, слишком большое приспособление ко вкусам читателей.

Краткость списка литературных знакомств Толстого в Париже объясняется тем, что хотя Тургенев и был знаком со многими французскими писателями того времени, в том числе с А. Дюма и Мериме, Тургенев сам не испытывал чувства удовлетворения от общения с ними.

В одном из парижских салонов, куда Толстой зашёл вместе с Тургеневым, он познакомился с некоторыми французскими академиками, имена которых им не названы, но академики эти произвели на него невыгодное впечатление (как и на Тургенева), которое он выразил в дневнике словами: «мелко, пошло, глупо».

Что касается дружеских отношений, то друзьями Толстого во время его пребывания в Париже можно считать Боткина и, конечно, Тургенева.

Отношения с Тургеневым продолжали оставаться, как и раньше, очень изменчивыми, несмотря на их постоянные усилия сойтись как мож-

но ближе. Записи парижского дневника Толстого о встречах и разговорах с Тургеневым очень многочисленны и часто противоречивы. Для нас ценны такие: «За обедом сказал ему (Тургеневу. – *А.Н.*), чего он не думал, что я считаю его выше себя»; «Заехал к Тургеневу. Оба раза, прощаясь с ним, я, уйдя от него, плакал о чём-то. Я его очень люблю. Он сделал из меня дру-гого человека». Эта прочувствованная запись, говорящая об истинно дру-жеских отношениях Толстого к Тургеневу, завершает собою записи о Тур-геневе в парижском дневнике Толстого.

Что касается Тургенева, то о своих впечатлениях от Толстого и об отношениях к нему он писал из Парижа многим из общих знакомых. Вот самые существенные характеристики: «С тех пор, как я писал вам (Аннен-кову. – *А.Н.*), много произошло нового... Толстой приехал. Действительно, он изменился во многом и к лучшему...»; «Толстой здесь. В нём произош-ла перемена к лучшему весьма значительная. Этот человек пойдёт далеко и оставит за собой глубокий след»; «Толстой... поумнел очень... Я радуюсь, глядя на него: это, говоря по совести, единственная надежда нашей лите-ратуры»; «Я вижусь с ним ежедневно и нахожу, что он изменился к луч-шему во многом. – Он работает прилежно, и должно думать, что из него выйдет большой человек»; «Из него выйдет человек замечательный – и я первый буду любоваться и рукоплескать – издали». И, наконец, последнее упоминание о Толстом в парижских письмах Тургенева находим в его письме к Боткину от 4 апреля 1857 года: «Толстой начинает приучаться к терпимости и спокойствию; перебродит это вино – и сделается напитком, достойным богов».

Общий смысл всех высказываний Тургенева о Толстом в его париж-ских письмах сводится к тому, что, при всех колебаниях в личных отноше-ниях, Тургенев нисколько не сомневается в блестящей литературной бу-дущности, которая, по его мнению, предстоит Толстому.

24 января Толстой принялся за начатый им ещё в Петербурге рассказ «Пропавший» (будущий «Альберт»), но написал только один листок. И так – 26, 27 февраля. В условиях рассеянной парижской жизни работа не шла; между тем Толстому хотелось поскорей закончить рассказ, чтобы он мог поспеть к апрельской книжке «Современника».

Когда Тургенев в начале марта собрался ехать для лечения в город Дижон, Толстой решил поехать вместе с ним, чтобы там в тишине и уеди-нении докончить начатый рассказ.

Началась интенсивная работа. 10 марта Тургенев сообщал Анненко-ву: «Вообразите себе, что я здесь не один. Со мной поехал Толстой, кото-рый обрадовался случаю уединиться, чтобы привести к окончанию нача-тую большую повесть. Несмотря на жесточайший холод, царствующий в комнате гостиницы, холод, заставляющий нас сидеть не близ камина, но в самом камине, на самом пылу огня, – он работает усердно, и страницы ис-писываются за страницами. Я радуюсь, глядя на его деятельность».

13 марта Толстой прочёл «Пропавшего» Тургеневу, но тот «остался холоден». Однако в своих письмах Тургенев отзывался об этом рассказе с большой похвалой. Так, Анненкову он писал 17 марта: «Толстой в Дижоне окончил вещь, которую он читал мне. Её надо будет несколько переделать и обчистить – и тогда выйдет отличнейшая штука. Вы увидите».

Париж, в конце концов, «не пришёлся в лад духовному строю» (слова Тургенева) Толстого, и он внезапно уехал в Женеву. Тургенев в письме к Анненкову от 15 апреля даёт следующую общую характеристику личности Толстого, какой представлялась она ему в то время: «Станный он человек, я таких не встречал и не совсем его понимаю. Смесь поэта, кальвиниста, фанатика, барича – что-то напоминающее Руссо, но честнее Руссо – высоко нравственное и в то же время несимпатичное».

Осенью 1857 года была напечатана повесть Толстого «Люцерн». Либеральные писатели и критики все без исключения отнесли к «Люцерну» отрицательно – не за выраженные в ней религиозно-философские мысли, которые прошли никем не замеченными, кроме Тургенева, но за его критику западноевропейских нравов и буржуазных общественно-политических порядков (Панаев, Боткин, Анненков).

Разумеется, совершенно не одобрил «Люцерн» и Тургенев, который читал эту повесть ещё в рукописи в Баден-Бадене, получив её из рук автора. «Я прочёл небольшую его (Толстого. – А.Н.) вещь, написанную в Швейцарии, – писал Тургенев Боткину 4 августа. – Не понравилась она мне: смешение Руссо, Теккеря и краткого православного катехизиса». Самому Толстому Тургенев писал 25 ноября 1857 года: «Идите своей дорогой – и пишите, – только, разумеется, не люцернскую морально-политическую проповедь».

1858 год. Интерес к социально-общественным, актуальным вопросам современности стал в это время преобладающим в литературе. Вызван он был переменами в самой жизни, обстановкой общественного возбуждения, предшествовавшей революционной ситуации 1859-1861 годов. Толстой ещё в 1857 году замечал усилившееся тяготение массы читателей к обличительному направлению в литературе. Теперь это тяготение ещё больше усилилось и определилось. Он считал, что художественные произведения, не связанные непосредственно с текущей жизнью («наша литература»), доступны и интересны только незначительному меньшинству. В этих словах Толстого – зародыш того отрицательного отношения к искусству «образованных классов» (в противоположность народному творчеству), которое через пять лет Толстой выскажет в своих педагогических статьях. Он доволен тем, что не послушал Тургенева, который доказывал ему, что «литератор должен быть только литератор»: «Это было не в моей натуре», – резюмировал Толстой.

Тургенев забеспокоился. «Я не хочу верить, – писал он Толстому из Рима 25 ноября 1858 года, – чтобы нынешнее юридическое направление

литературы Вас сбило с толку; идите своей дорогой – и пишите...». Здесь Тургенев явно обеспокоен тем, как бы вечно ищущий и мечущийся Толстой, у которого, по образному выражению Тургенева, всегда «гончие под черепом гоняли до изнеможения», не был бы захвачен новым («юридическим», как его называл Тургенев) направлением литературы, которому Тургенев не мог сочувствовать.

Интересна история с несостоявшимся проектом Толстого по изданию *чисто художественного журнала*.

Опасения Тургенева относительно склонности Толстого поддаться господствующему в 60-е годы течению либерально-обличительной, а тем более революционно-демократической беллетристики были напрасны, ибо сам Толстой решил «дерзнуть» – вступить с этим течением в борьбу. А средством борьбы Толстому представилось издание нового, совершенно чуждого общественно-политическим вопросам, журнала. Он советовался с Тургеневым, Фетом, Боткиным, Дружининым. Идею такого журнала встретили одобрительно Гончаров, Писемский, Анненков, Майков, поэт Михайлов и многие другие.

Боткин и Тургенев отказались участвовать в этом предприятии – и тем не менее Толстой упорно думал о таком независимом от злобы дня журнале. Причина этого «рвения» в общем отношении Толстого той поры к обличительной литературе 60-х годов. По его мнению, назначение литературы – во всестороннем отражении *внутренней* жизни человека. И потому он опасался, что господство обличительного направления сделает литературу односторонне-тенденциозной. Другая причина состояла в том, что большинство произведений либерально-обличительного (не революционно-демократического – Чернышевский, Решетников, Г. Успенский) направления было очень слабо в художественном отношении.

Д.И. Писарев, как бы стоявший над устаревшими уже плоскими спорами о «гоголевском» и «пушкинском» направлениях, по-базаровски реалистичного мыслящий критик (см. его статью «Мыслящий пролетариат») в своей статье «Цветы невинного юмора» (1864 год), утверждал, что «беллетристика и искусство вообще» теперь оттеснены на задний план. «В последнее пятилетие, – писал Писарев, – не было решительно ни одного чисто литературного успеха... Вот вам пример: «Подводный камень» (роман М.В. Авдеева. – *А.Н.*), роман, стоящий по своему литературному достоинству ниже всякой критики, имеет огромный успех, а «Детство, отрочество и юность» графа Л. Толстого – вещь замечательно хорошая по тонкости и верности психологического анализа, читается холодно и проходит почти незамеченной».

В общем, содержание обличительных повестей и рассказов того времени было довольно однообразно. Это были обличенья помещичьего деспотизма в прошлом и настоящем, мошеннических проделок на дворянских

выборах, взяточничества судейских чиновников и полицейских властей, пустоты армейского офицерства.

Н.А. Добролюбов в 1859 году в статье «Литературные мелочи прошлого года» тоже обратил внимание на эту сторону литературного процесса: «Явится статейка, доказывающая, что не следует заставлять людей совершенно даром на нас работать, а нужно только стараться нанять их как можно дешевле: все в восхищении и кричат, что общечеловеческие начала у нас превосходно выработались... Смотреть на подобных господ серьёзно – значит оскорблять собственный здравый смысл... Один из видов гласности составляла обличительная литература (в 1858 году. – А.Н.). В этой отрасли, кроме безыменности, обращает на себя внимание ещё мелкота страшная...».

Для Толстого, который в своём «Люцерне», по справедливому замечанию историка «Современника» В. Евгеньева-Максимова, «шёл уже к осуждению самих основ современного ему социального порядка» [18], идея «чисто художественного журнала» устарела сама по себе, под влиянием времени. Можно сказать, Толстой «обогнал сам себя», выйдя на дорогу предельной строгости к художественной литературе и в отношении жизненной содержательности, и касательно художественной формы.

Между тем повсеместно ощущалось приближение политических перемен. «Верхи», опасаясь нежелательных (стихийных) действий «снизу», готовили свою крестьянскую реформу, пытались феодально-крепостническую Россию перевести на капиталистические рельсы.

Либерально настроенная часть дворянства и интеллигенции отнеслась восторженно к первым признакам будущей крестьянской реформы. Сам Тургенев писал Толстому из Рима 17 января 1858 года: «Давно ожидаемое сбывается – и я счастлив, что дожил до этого времени».

Как отреагировал Толстой на Манифест 1861 года, мы коснёмся ниже. Сейчас же отметим: шаткость приводимых Толстым аргументов в пользу отказа от общественно-политической деятельности заставляет думать, что основной причиной этого отказа были для Толстого в то время не принципиальные соображения, а то отрицательное впечатление, которое производили на него те, кто занимался открыто общественно-политической деятельностью. Но через три года Толстой принял самое деятельное участие в такой общественной деятельности (посредничество), которая не находилась в противоречии с его моральными требованиями и приносила действительную пользу народу.

Отношения между Толстым и Тургеневым в течении 1858-1859 годов резко изменились к худшему. После своего посещения Тургенева в Спасском в августе 1858 года Толстой записал 4 сентября в дневнике: «Ездил к Тургеневу... Тяжёл невыносимо». Тургенев в письмах к знакомым также сообщал об ухудшении своих отношений с Толстым. Гончарову он писал 7 апреля 1859 года: «...думает же Толстой, что я и чихаю, и пью, и сплю – ради фразы». Через пять дней Тургенев сообщал Боткину: «Я с

Толстым покончил все свои счёты: как человек он для меня более не существует. Дай бог ему и его таланту всего хорошего – но мне, сказавши ему: здравствуйте – неотразимо хочется сказать: прощайте – и без свиданья. Мы созданы противоположными полюсами...».

На ухудшение отношений между Толстым и Тургеневым оказали влияние отношения Тургенева к его сестре Марии Николаевне. К замужней женщине Тургенев проявил интерес, и нешуточный. А когда Мария Николаевна осталась одна и тоже увлеклась Тургеневым, он повёл себя, как «русский человек на rendez – vous», то есть, вдруг охладил к ней. Конечно, вся эта история представила Тургенева Толстому в весьма неприглядном свете.

Но это – сфера личностных, даже интимных отношений. Литературные же пути этих двух талантов обречены были на пересечаемость. Так произошло и с новой повестью (романом, может быть) «Семейное счастье» (1859), которую (который) большинство критиков встретило благожелательно. Идея «Семейного счастья» – переход отношений влюблённых супругов в любовь к детям – была несомненно сочувственна Толстому (он одно время хотел даже жениться без любви ради семейной жизни). Однако идея эта в то время воспринималась Толстым только рассудком и не переходила в область чувства; от этого и в воплощении этой идеи в художественном произведении чувствовалась рассудочность. Отсюда некоторая холодность повести, справедливо подмеченная Боткиным («всё исполнено какого-то холодного блеска»).

Причиной недовольства Толстого «Семейным счастьем» могло служить также и то, что произведение это написано не в стиле Толстого, а скорее в чуждом для него стиле Тургенева. Но это было неизбежно. Если бы светская женщина того времени стала писать записки о своей любви в манере Толстого и его языком, получилась бы нестерпимая фальшь, которую прежде всех, конечно, осудил бы сам автор.

Но, несмотря на суровый приговор автора («постыдная мерзость»), «Семейное счастье» остаётся замечательным произведением, в котором во всей силе проявилось изумительное мастерство Толстого в раскрытии «диалектики души» обоих главных героев. И Толстой неизменно включал это произведение во все собрания сочинений, издававшихся при его участии (в 1866, 1873 и 1880 годах).

Литературное творчество Толстого и Тургенева, несмотря на неровные личные отношения, развивалось своими путями. Тургенев опубликовал свой роман «Накануне». Толстой откликнулся на это событие в письме к Фету 23 февраля 1860 года. Роман Тургенева ему не нравится. Он находит, что в романе хороши отрицательные типы – художника (Шубина) и отца героини; «другие же не только не типы, но даже замысел их, положение их не типическое или уж они совсем пошлы». «Девушка – из рук вон плоха», – говорит Толстой про героиню повести Елену.

Толстой осуждает Тургенева за то, что у него «нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жа-

леет (через систему «авторского начала». – *А.Н.*)). И это больно жюрирует (то есть, не сходится) «с тоном и смыслом либерализма всего остального». Такой приём в обрисовке действующих лиц Толстой называет банальным и считает, что приём этот напоминает Гоголя. Толстой, однако, тут же оговаривается, что вообще возможно резко критическое отношение к изображаемым лицам, но тогда – «ежели не жалеть своих самых ничтожных лиц, надо их уж ругать так, чтобы небу жарко было, или смеяться над ними так, чтобы животики подвело». Но ни на то, ни на другое не способен, по мнению Толстого, Тургенев, «одержимый хандрою и диспепсией».

И всё-таки, несмотря на все недостатки романа Тургенева, Толстой считает его выдающимся литературным явлением. Он утверждает, что «никому не написать теперь такой повести, несмотря на то, что она успеха иметь не будет».

Глубокое проникновение в человеческие характеры – это «приоритет» Толстого-художника. Наверное, этим объясняется его придирчивое отношение к новому произведению Тургенева. Подтверждение данному соображению находим в очень интересном ответе Толстого на вопрос, его немецкого биографа Л. Левенфельда в 1898 году о впечатлениях от посещения Рима во время второго заграничного путешествия (1861): «Должен сознаться, что античное искусство не произвело на меня того необычайного впечатления, которому, по-видимому, подчинялись все вокруг меня. Я тогда много говорил по этому поводу с Тургеневым, я был убеждён в том, что классическое искусство слишком уж высоко ценят... Для меня вообще наибольший интерес представлял ч е л о в е к (разрядка наша. – *А.Н.*). В том, что вы писали обо мне, я прочёл вчера замечание, которое мне показалось удачным. Вы говорите, что меня повсюду интересует только ч е л о в е к (разрядка наша. – *А.Н.*); насколько это верно, свидетельствует моё пребывание в Риме (в 1861 году. – *А.Н.*). Когда я мысленно возвращаюсь к тому времени, в моей памяти пробуждается только одно маленькое происшествие. Я предпринял с своим товарищем небольшую прогулку в Монте Пинчио. Внизу у подошвы горы стоял восхитительный ребёнок с большими чёрными глазами. Это был настоящий тип итальянского ребёнка из народа (разрядка наша. – *А.Н.*). Теперь ещё слышу его крик: «Date mi un valosso» [«Дайте мне игрушку»]. Всё прочее почти исчезло из моей памяти. И произошло это потому, что н а р о д о м (разрядка наша. – *А.Н.*) я интересовался больше, чем прекрасной природой, которая меня окружала, и произведениями искусства».

Во время второго заграничного путешествия (1860-1861 годы) Толстой посетил в Париже Тургенева. В дневнике в апреле 1861 года он записал, что произошло его «сближение с Тургеневым». Тургенев спустя две недели писал Анненкову: «На днях приехал сюда из Италии Толстой, – не без чудачества, но умиротворённый и смягчённый. Смерть его брата (Николая Николаевича. – *А.Н.*) сильно на него подействовала. Он мне читал кое-какие отрывки из своих новых литературных трудов, по которым мож-

но заключить, что талант его далеко не выдохся и что у него есть ещё большая будущность». Как писал Толстой Герцену в марте 1861 года, он читал Тургеневу написанное им задолго до этого начало романа о декабристе, и Тургеневу «понравились первые главы». Чуткий к поэзии Тургенев, вопреки распространённому в то время в литературной среде толкам о падении таланта Л.Н. Толстого, вызванным его последними произведениями («Альберт», «Люцерн», «Три смерти». – *А.Н.*), по прослушанным им главам определил, что Толстой, как писатель далеко ещё не сказал своего последнего слова и что ему предстоит великая будущность.

Следует отметить, что расхождения между Толстым и Тургеневым отходили на задний план и в вопросах индивидуального литературного творчества, и когда дело касалось крупных литературных личностей. Так, Тургенев много сделал, чтобы во время второго заграничного путешествия познакомить Толстого с Герценом (в марте 1861 года).

Отношения двух «Т» снова потеплели. Тургенев в ответ на письмо Толстого из Брюсселя 22 марта выражает радость по поводу того, что в письме Толстого он увидел «окончание тех, если не неприязненных, то по крайней мере холодных отношений», которые существовали между ними. «Наша последняя встреча в Париже уже указывала на это, – писал Тургенев, – ...прошедшим недоразумениям конец. Я уверен, что мы встретимся в России хорошими приятелями и останемся таковыми, покуда бог продлит жизни».

Когда-то Тургенев огорчился тем, что Толстой недооценивал, если не сказать больше, «Фауста» Гёте, Шекспира. Теперь же в письме к Тургеневу Толстой даёт высокую оценку «Фауста», чему Тургенев, разумеется, очень обрадовался. «Вот Вы и «Фауста» полюбили, и Гомера; авось дойдёт очередь до Шекспира», – писал Тургенев Толстому в своём ответном письме от 26 марта. Ещё больше обрадовался Тургенев тому, что Толстой писал ему о своём возвращении к искусству (после сильного увлечения педагогической деятельностью). «Специальность, – писал Тургенев, – есть признак всякого живого организма, – а Ваша специальность всё-таки искусство».

Летом 1861 года произошла ссора между Тургеневым и Толстым в имении А.А. Фета, чуть не приведшая к дуэли. Повод был, вроде бы, пустяшный. Тургенев, придававший в это время важность воспитанию своей дочери, стал расхваливать английскую гувернантку за её педагогические методы. Во-первых, как её добродетель Тургенев считал её просьбу к нему определить сумму, которой его дочь может располагать для благотворительных целей. Во-вторых, с одобрением сообщил Тургенев друзьям о требовании англичанки, чтобы его дочь забирала у бедняков худую одежду и, собственноручно починив её, возвращала по принадлежности.

« – И это вы считаете хорошим? – спросил Толстой.

– Конечно; это сближает благотворительницу с насущною нуждой.

– А я считаю, что разряженная девушка, держащая на коленях грязные и зловонные лохмотья, играет неискреннюю, театральную сцену.

– Я вас прошу этого не говорить! – воскликнул Тургенев с раздувающимися ноздрями.

– Отчего же мне не говорить того, в чём я убеждён, – отвечал Толстой.

Не успел Фет крикнуть Тургеневу: «перестаньте!», как бледный от злобы он сказал:

– Так я вас заставлю молчать оскорблением». (Сцена в пересказе Фета).

Фет приложил много усилий, чтобы разладить наметившуюся дуэль между двумя великими писателями.

Причины этой драматической размолвки лежат не в поводе к ней, далеко не принципиальном *по существу*. По признанию самого Тургенева, ссора была предопределена «противоположными натурами» его и Толстого, «раздражением, вызванным крайним и постоянным антагонизмом» их воззрений.

Итак, конкретный повод к ссоре между Толстым и Тургеневым – спор о методах воспитания дочери Тургенева и о благотворительной деятельности – кажется сначала слишком не значительным для того, чтобы привести к полному разрыву. Но горячность, проявленная Толстым в этом споре, имеет своё объяснение. В словах Тургенева он увидел ту склонность к либеральной «фразе», которую он и ранее замечал в нём. «Разряженная девушка», держащая на коленях «грязные лохмотья» бедняков, – вся фальшь и неискренность этой сцены были ему особенно очевидны и неприятны тогда, когда он находился в близком общении с народом, в жизни которого не было никакой фальши и неискренности [19].

...Жизнь продолжалась, и порой сами жизненные обстоятельства сближали, а не разводили Толстого и Тургенева.

В конце 50-х – начале 60-х годов Толстой увлечённо занимается педагогической деятельностью как практически (создание яснополянской школы для крестьянских детей), так и теоретически (серия статей по педагогике – «Воспитание и образование», «Прогресс и определение образования», «Кому у кого учиться писать – крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» и др.).

Статья Толстого «Об общественной деятельности на поприще народного образования» посвящена критике возникшего в 1861 году Петербургского Комитета грамотности. В состав Комитета вошли наиболее известные в то время педагоги-теоретики и практики. В 1862 году в число членов Комитета были выбраны также Толстой и Тургенев...

Пришло время и литературной критике того времени выделить этих двух писателей на «Т», сопоставив их художественное творчество.

В августе 1864 года в Петербурге в издательстве Ф. Стелловского вышло в свет первое издание собрания сочинений Толстого в двух томах. В него вошли все написанные им к тому времени повести, рассказы и очерки, и только пять педагогических статей. Это первое издание сочинений Толстого вызвало в печати несколько критических статей.

Первой появилась замечательная по своей общей оценке творчества Толстого статья Д.И. Писарева под заглавием «Промахи незрелой мысли». Упрёк в незрелости мысли, которая привела к промахам, был направлен критиком не против какого-либо другого критика, а против самого себя.

Писарев вспомнил свою статью «Цветы невинного юмора», напечатанную в том же году, в которой он, «мельком упоминал о литературной деятельности графа Толстого», объяснял равнодушие читающей публики к Толстому «тем обстоятельством, что в произведениях графа Толстого нет ничего, кроме чистой художественности». Теперь Писарев находит, что это объяснение «никуда не годится». Он сообщает, что в собрании сочинений Толстого он прочёл «Детство», «Отрочество», «Юность», «Утро помещика» и «Люцерн», и его «изумили обилие, глубина, сила и свежесть мыслей» в этих произведениях. Теперь Писарев видит ясно, что «критика наша молчала о Толстом или, ещё того хуже, говорила о нём ласкательные пустяки единственно по своему признанному бессилию и скудоумию». Толстой, по словам Писарева, остаётся в тени. «Его читают, его любят, его знают как тонкого психолога и грациозного художника, его уважают как почтенного работника в яснополянской школе; но до сих пор никто не подхватил, не разработал и не подвергнул тщательному анализу то сокровище наблюдений и мыслей, которое заключается в превосходных повестях этого писателя».

В этом отношении Писарев противопоставляет Толстому Тургенева. «О каждом романе Тургенева, – говорит критик, – кричат и спорят по крайней мере до полугоду. Толстого прочитают, задумаются, ни до чего не додумаются, да так и покончат дело благоразумным молчанием». Писарев решается «нарушить» это молчание.

Газета «Петербургские ведомости» в одной и той же заметке сообщила читателям о выходе пятого тома сочинений Тургенева и второго тома сочинений Толстого. Критик противопоставлял этих двух писателей: в то время, как у Тургенева в его последнем этюде «Довольно» сказались «грусть и разочарование», в Толстом чувствуется «кипучая сила созревающего, крепнущего таланта, полного сознания своей силы, даже несколько самоуверенного и потому иногда исключительного и склонного к эксцентричности».

В трудах литературных среди их ценителей для Толстого всегда оставался И.С. Тургенев. Так, когда в 1865 году появилась первая часть «Войны и мира» под заглавием «Тысяча восемьсот пятый год», Толстому хотелось узнать суждение о ней тех лиц, мнением которых он особенно дорожит. К числу таких лиц он относит Фета, к которому обращается с такими словами: «Ваше мнение, да ещё мнение человека, которого я не люблю тем более, чем более я вырастаю большой, мне дорого, – Тургенева». И ещё. Когда в 1866 году появилась вторая часть его романа, озаглавленная «Война», Толстой вновь просит Фета высказать своё мнение о его романе, но теперь уже с такой характерной оговоркой: «Я очень дорожу вашим мнением, но, как вам говорил, я столько положил труда, времени и того

безумного усилия (которое вы знаете), так люблю своё писание, особенно будущее – 1812 год, которым теперь занят, что не боюсь осуждения даже тех, кем дорожу, а рад осуждению. Например, мнение Тургенева о том, что нельзя на десяти страницах описывать, как NN положила руку, мне очень помогло, и я надеюсь избежать этого греха в будущем».

А что же Толстой о Тургеневе в это время (когда создавался роман-эпопея «Война и мир»)? Из его писем к Фету мы узнаём, что Толстой следил за новыми произведениями Тургенева, но относился к ним отрицательно. Так, 7 октября 1865 года Толстой писал Фету: «Довольно» (рассказ Тургенева. – А.Н.) мне не понравилось. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тут субъективность, полная безжизненности страдания». Также не понравился Толстому и «Дым», о котором он высказался в письме к Фету от 28 июня 1867 года, служащем ответом на письмо Фета от 15 июня того же года, в котором Фет дал резко отрицательную оценку роману Тургенева «Дым».

Толстой отвечал Фету: «Я про «Дым» думаю то, что сила поэзии лежит в любви – направление этой силы зависит от характера. – Без силы любви нет поэзии; ложно направленная сила – неприятный, слабый характер поэта – претит. В «Дыме» нет ни к чему почти любви и нет почти поэзии. Есть любовь только к прелюбодеянию лёгкому и игривому, и потому поэзия этой повести противна. Вы видите, это то же, что вы пишете».

Судя по «Дыму», Толстому казалось даже, что Тургенев «кончил» свою литературную деятельность. Относительно себя Толстой уверен, что его «черёд» перестать быть писателем «никогда не придёт».

Ни один писатель, ни один критик не уделил «Войне и миру» столько внимания, как друг-недруг Толстого И.С. Тургенев. Отзывы Тургенева о «Войне и мире» в письмах и в печати очень многочисленны, иногда странны и противоречивы, но постепенно противоречия сглаживались, и у Тургенева установилась одна совершенно определённая точка зрения на произведение Толстого.

Вот он пишет И.П. Борису 16 марта 1865 года: «К истинному своему огорчению, я должен признаться, что роман этот мне кажется положительно плох, скучен и неудачен. Толстой зашёл не в свой монастырь – и все его недостатки так и выпятились наружу. Все эти маленькие штучки, хитро подмеченные и вычурно высказанные, мелкие психологические замечания, которые он под предлогом «правды» выковыривает из подмышек и других тёмных мест своих героев – как это всё мизерно на широком полотне исторического романа! И он ставит этот несчастный продукт выше «Казаков»! Тем хуже для него, если это он говорит искренно. И как это всё холодно, сухо – как чувствуется недостаток воображения и наивности в авторе, – как утомительно работает перед читателем одна память, мелкого, случайного, ненужного. И что это за барышни! Все какие-то золотушные кривляки. Нет, эдак нельзя; так пропадёшь даже с его талантом. Мне это очень больно, и я желал бы обмануться».

Трудно понять причины столь несправедливого приговора. Как мог Тургенев утверждать, что вся та обширная галерея действующих лиц, с которой Толстой знакомит читателя в первой части своего романа, создана не творческим воображением, а исключительно «памятью мелкого, случайного»? Почему Тургенев не заметил того, что сложный психологический анализ даётся Толстым только относительно тех героев, психология которых действительно отличается сложностью, а такие типы, как всё семейство Ростовых (Наташа ещё девочка), князь Василий, княгиня Друбецкая, Анна Павловна Шерер и посетители её салона наделены весьма простой и несложной психикой? Отчего Тургенев, обратив внимание на изображённых Толстым «барышень» (что всегда его особенно интересовало в художественных произведениях), всех их – и резвую черноглазую Наташу, и Сою с её «девически страстным обожанием» Николая, и княжну Марью с её «прекрасными лучистыми глазами», зачислил в разряд «золотушных кривляк», на которых они нисколько не похожи?

Объяснение, повидимому, кроме некоторой предубеждённости против автора, с которым Тургенев находился в ссоре, следует искать в том, что та совершенно новая и оригинальная манера, в которой написана «Война и мир», совершенно не свойственная Тургеневу, не сразу была им воспринята и оценка по достоинству.

Вторая часть «1805 года» получила со стороны Тургенева не менее резкую оценку. 25 марта 1866 года он писал Фету: «Вторая часть 1805 года тоже слаба: как это всё мелко и хитро, и неужели не надоели Толстому эти вечные рассуждения о том, – трус, мол, я или нет? – Вся эта патология сражения? Где тут черты эпохи? Где краски исторические? Фигура Денисова бойко начерчена; но она была бы хороша как узор на фоне, – а фона-то и нет».

Каких именно «исторических красок», «черт эпохи» 1805 года не находил Тургенев в романе Толстого, – трудно сказать. Что же касается неудовольствия Тургенева по поводу того, что герои Толстого занимаются рассуждениями о том, «трус, мол, я или нет», то здесь Тургенев разумел, конечно, восьмую главу второй части первого тома «Войны и мира», где Николай Ростов, в первый раз участвующий в сражении, против ожидания испытывает особенное желание жить и боязнь смерти и по окончании сражения думает: «Всё кончилось; но я трус, да, я трус». Но Тургенев не обратил внимания на то, что всего несколькими строками ниже Толстой писал: «Каждому было знакомо то чувство, которое испытал в первый раз необстрелянный юнкер». Толстой, следовательно, в переживаниях Ростова имел в виду описать общее, по его наблюдениям, состояние всех, в первый раз идущих в сражение. Впоследствии Ростов избавился от этого страха. Через 7 лет, в 1812 году, отправляясь в дело, Ростов «не испытывал ни малейшего чувства страха». Он «выучился управлять своею душою перед опасностью» – приучил себя, идя в дело, думать о посторонних предметах.

В следующем письме к Фету от 27 июня Тургенев писал: «Роман Толстого плох не потому, что он также заразился «рассудительством»: этой беды ему бояться нечего; он плох потому, что автор ничего не изучил, ничего не знает и под именем Кутузова и Багратиона выводит нам каких-то рабски списанных современных генеральчиков». Это изумительное по своей несправедливости суждение об образах Кутузова и Багратиона в «Войне и мире» можно объяснить только тем, что Тургенев, так же, как и Вяземский, не отрешился ещё вполне от представления о том, что исторических личностей нельзя, как это делал Толстой, изображать как простых людей, со всеми их достоинствами и недостатками, в простой, будничной обстановке, а следует изображать как «олимпийцев». По мнению военного критика М.И. Драгомирова, Багратион изображён у Толстого «идеально хорошо». Кутузов списан Толстым с какого-то «современного генеральчика» – это замечание, конечно, не нуждается в опровержении.

Итак, как в художественном, так и в историческом отношении новый роман Толстого, по мнению Тургенева, ниже всякой критики. Вскоре, однако, обнаружилось, что это не совсем так, – в сплошном мраке появился некоторый просвет.

28 октября 1867 года Тургенев пишет И.П. Борисову: «Прочёл я в последнее время всего Л.Н. Толстого: экой сильный и свежий талант – но не в «Семейном счастье», не в педагогических статьях – и должен прибавить, за исключением некоторых удивительных сцен – не в 1805 году!».

Тургенев, разумеется, сейчас же прочёл появившиеся в 1867 году три тома «Войны и мира». О своём впечатлении он написал своим друзьям одно за другим три письма, довольно близкие по оценке произведения Толстого.

Своё письмо к Анненкову от 14 февраля 1868 года Тургенев начинает с похвалы его статьи о «Войне и мире»: «Вы ничего умнее и дельнее не писали; вся статья свидетельствует о верном и тонком критическом чувстве автора, и только в двух-трёх заметна неясность и как бы спутанность выражений». Перейдя затем к роману Толстого, Тургенев начинает свою критику с восторженной похвалы: «Сам роман возбудил во мне весьма живой интерес: есть целые десятки страниц сплошь удивительных, первоклассных – всё бытовое, описательное (охота, катанье ночью и т.д.)». Но дальше Тургенев в весьма резких выражениях отзывается о недостатках романа. Таких недостатков Тургенев устанавливает три. По-прежнему он недоволен исторической стороной романа: «Историческая прибавка, от которой читатели в восторге, кукольная комедия и шарлатанство... Толстой поражает читателя носком сапога Александра, смехом Сперанского, заставляя думать, что он всё об этом знает, коли даже до этих мелочей дошёл, а он и знает только что эти мелочи». Во-вторых, Тургенев относится скептически к «так называемой психологии» Толстого. Он находит, что в «Войне и мире» «настоящего развития нет ни в одном характере, и есть старая замашка представить колебания, вибрации одного и того же чувст-

ва, положения, то, что он столь беспощадно вкладывает в уста и в сознание каждого из своих героев: люблю, мол, я, а в сущности ненавижу и т.д. и т.д. ...Другой психологии Толстой словно не знает или с намерением её игнорирует». И в-третьих, Тургенев находит «мучительными» «эти преднамеренные, упорные повторения одного и того же штриха, – усики на верхней губе княгини Балконской и т.д.». Указав все эти кажущиеся ему недостатки, Тургенев заканчивает свой отзыв восторженной похвалой: «Со всем тем, есть в этом романе вещи, которые, кроме Толстого, никому в целой Европе не написать и некоторые возбудили во мне озноб и жар восторга».

Отзыв Тургенева о «Войне и мире» в письме к И.П. Борису от 27 февраля 1868 года почти совпадает с отзывом в письме к Анненкову. Тургенев опять начинает письмо с восторженной похвалы «Войне и миру»: «Я с великим наслаждением прочёл роман Толстого, хотя многим не совсем остался доволен. Вся бытовая сторона (и военная) удивительна: есть тут вещи, которые не умрут, пока будет существовать русская речь». Далее идёт перечисление тех же недостатков, как и в письме к Анненкову. Такое же восторженное и общее заключение: «но со всем тем – в этом романе столько красот первоклассных, такая жизненность, и правда, и свежесть, что нельзя не сознаться, что с появления «Войны и мира» Толстой стал на первое место между всеми нашими современными писателями. С нетерпением ожидаю четвёртого тома».

6 марта 1868 года в письме к Я.П. Полонскому Тургенев дал следующее краткое резюме своих подробных отзывов о трёх первых томах «Войны и мира» в письмах к Анненкову и Борису: «Роман Толстого – вещь удивительная; но самое слабое в нём – именно то, чему восторгается публика: историческая сторона – и психология. История его – фокус, битые тонкими мелочами по глазам; психология – капризно-однообразная возня в одних и тех же ощущениях. – Всё бытовое, описательное, военное – это первый сорт, и подобного Толстому мастера у нас не имеется».

Вскоре Тургенев прочитал и четвёртый том «Войны и мира». 12 апреля Тургенев пишет Фету: «Я только что кончил 4-й том «Войны и мира». Есть вещи невыносимые, и есть вещи удивительные; и удивительные эти вещи, которые в сущности преобладают, так великолепно хороши, что ничего лучшего у нас никогда не было написано никем; да вряд ли было написано что-нибудь столь хорошее. 4-й и 1-й том слабее 2-го и особенно 3-го; 3-й том почти весь *chef-d'oeuvre*».

На другой день 13 апреля, Анненкову: «Доставили мне 4-й том Толстого... Много там прекрасного, но и уродства не оберёшься! Беда, коли автодидакт, да ещё во вкусе Толстого, возьмётся философствовать: непременно оседлает какую-нибудь калечку, придумает какую-нибудь одну систему, которая, по-видимому, всё разрешает очень просто, как, например, исторический фатализм, да и пошёл писать! Там, где он касается земли, он, как Антон, снова получает все свои силы: смерть старого князя, Алпатыч,

бунт в деревне, всё это – удивительно. Наташа однако, выходит что-то слабо и сбивается на столь любимый Толстым тип нерях».

Нельзя не обратить внимание на то, что в этих отзывах о четвёртом томе «Войны и мира» мы не находим ни одного отрицательного суждения о художественной стороне романа, за исключением мнения на образе Наташи. Однако, в четвёртом томе первого издания «Войны и мира», соответствующим первым двум частям третьего тома позднейших изданий, Наташе посвящено только несколько глав, описывающих её болезнь после увлечения Анатодем, её религиозное настроение (как Лизы у Тургенева) и затем патриотический подъём при известии о начале войны. Ни одна из этих глав не могла дать Тургеневу материала для его пренебрежительной характеристики любимой героини Толстого.

Перечитав первый том, Тургенев находит его слабее второго и третьего томов, но не повторяет сурового приговора, высказанного ранее в письме к Фету. Не говорит уже Тургенев и того, что Кутузов, действующий под Бородином, похож на «современных генеральчиков».

Тургенев высказывает недовольство признанием исторического фатализма, которое он нашёл в «Войне и мире», называя при этом Толстого автодидактом (то есть, самоучкой). Нельзя, впрочем, не заметить, что Тургенев в своих произведениях и письмах сам нередко предстаёт сторонником фатализма, хотя и выраженного в смутной и неопределённой форме и по большей части с пессимистической окраской в духе философии Шопенгауэра. Особенно это сказалось в его «Стихотворениях в прозе», но те же мысли находим и в некоторых более ранних произведениях Тургенева, как «Накануне» и «Довольно». Толстой в «Войне и мире» проводит мысль, что исторические деятели обычно не могут предвидеть последствий своей деятельности; Тургенев в речи «Гамлет и Дон-Кихот», произнесённой в 1860 году, высказывает соображения, очень близкие к этому мнению Толстого: «Нам кажется, – говорит Тургенев, – что главное дело в искренности и силе самого убеждения... а результат – в руке судеб. Они одни могут показать нам, с призраками ли мы боролись, с действительными ли врагами, и каким оружием покрыли мы наши головы... Наше дело вооружиться и бороться».

С нетерпением ожидал Тургенев выхода пятого тома «Войны и мира». 16 ноября 1868 года он писал Борисову: «Вы мне ничего не пишете о 5-м томе «Войны и мира» – неужели он ещё не вышел? И что делает автор?».

Читая «Обрыв» Гончарова, Тургенев вспоминает Толстого. «В первом номере «Вестника Европы», – писал он Борисову 12 января 1869 года, – прочёл я начало нового романа Гончарова – и остался им весьма недоволен: многословие невыносимое, старческое – и ужасно много условной рутины, резонерства, риторики. Должно признаться, что после *правды* (курсив Тургенева. – А.Н.) Л.Н. Толстого – вся эта старенькая чиновничья литература очень отдаёт фальшиво, да какой-то кислой неприятной фальшью».

Тургенев – Борисову (12 февраля 1869 года): «Очень радуюсь известию о скором выходе 5-го тома «Войны и мира»; при всех своих слабостях и чудачествах, при всём даже своём вранье – Толстой настоящий гигант между остальной литературной братьей – производит на меня впечатление слона в зверинце: нескладно, даже нелепо – но огромно – и как умно! Дай бог написать ему ещё 20 томов!».

В том же 1869 году Тургенев впервые высказался о Толстом в печати. В «Воспоминаниях о Белинском», перечисляя лучшие художественные произведения, появившиеся после смерти Белинского, Тургенев прежде всего упомянул о Толстом: «Как бы порадовался Белинский поэтическому дару Л.Н. Толстого, силе Островского, юмору Писемского, сатире Салтыкова, трезвой правде Решетникова!».

Однако в опубликованной одновременно с «Воспоминаниями о Белинском» статье по поводу «Отцов и детей» Тургенев повторил своё двойственное отношение к «Войне и миру». Здесь он писал: «Самый печальный пример отсутствия истинной свободы, проистекающего из отсутствия истинного знания, представляет нам последнее произведение графа Л.Н. Толстого («Война и мир». – *А.Н.*), которое в то же время по силе творческого поэтического дара стоит едва ли не во главе всего, что являлось в европейской литературе с 1840 года. Нет! без образования, без свободы в обширнейшем смысле – в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории, – немыслим истинный художник».

Как видно из контекста, под «отсутствием истинного знания», в чём он обвинял Толстого, Тургенев разумел не что иное, как недостаток систематического, в данном случае философского образования, а под «отсутствием истинной свободы» – философско-исторические воззрения Толстого.

Свидетельств о реакции Тургенева на 5-й том «Войны и мира» не сохранилось, но есть его мнение, составленное на основании газетных статей об этом томе. 12 марта 1869 года Тургенев пишет Борисову: «...судя по доходящим отзывам, наш гениальный чудак совсем закусил удила. Можно ли, из вражды к философии и фразам, втемяшиться в такую философию и фразу! То, что всякому мужику понятно, как польза хлеба, – а именно польза человеческого ума, рассудка – то-то и нужно искоренить!! То-то и есть чепуха! И нужно же, чтобы эдакая ерунда залезла в голову *самого даровитого* (курсив Тургенева. – *А.Н.*) писателя во всей современной европейской литературе. Но я заранее умиляюсь перед теми прелестями, которыми непременно изобилует этот 5-й том».

В марте 1870 года Тургенев получил, наконец, шестой том «Войны и мира». По-видимому, он остался удовлетворён художественной стороной самого романа, так как все его замечания в письме к Борисову от 15 марта направлены только против эпилога. Тургенев писал: «Прочёл я 6-й том «Войны и мира»; конечно, есть вещи первоклассные; но не говоря уже о

детской философии – мне неприятно было видеть отражение *системы* (курсив Тургенева. – *А.Н.*) даже на образах, рисуемых Толстым».

Тургенев перечисляет те случаи «отражения системы» в эпилоге «Войны и мира», которыми он остался недоволен. «Отчего это, – недоумевает Тургенев, – у него непременно все хорошие женщины не только самки – даже дуры?». Эти недостатки Тургенев склонен объяснять влиянием на Толстого славянофильства, «к которому он, кажется, попал в руки».

Трудно согласиться с этими замечаниями Тургенева. Наташа и княжна Марья, конечно, не дуры, а княжна Марья, кроме того, и не самка. Да и Наташа не только самка (хотя автор и называет её этим именем). Она с уважением относится к умственным занятиям своего мужа и защищает перед братом его взгляды. Уверений в обязательной лживости всякой «умной и развитой» женщины в «Войне и мире» нет. Элен Безухова только представляется умной и развитой, а на самом деле, как это знает Пьер, она не только не умна и не развита, а просто глупа.

«Как это, – писал далее Тургенев, – он упустил из вида весь *декабристский* (курсив Тургенева. – *А.Н.*) элемент, который такую роль играл в 20-х годах?». Но Толстой вовсе не «упустил из вида» декабристский элемент. Пьер Безухов в эпилоге – типичный представитель идей и настроений будущих декабристов в 1820 году. Это понимал Достоевский, это понимал критик Буренин, который в молодости в эпоху своего радикализма знал вернувшихся из ссылки декабристов – Батенкова, Бобрищина-Пушкина; это понимал критик газеты «Голос», который писал, что в перспективе, открывающейся в эпилоге, «возможность, новых бурь и волнений: Пьер недоволен реакционным направлением 20-х годов, громко осуждает правительство и говорит о необходимости образования обществ для противодействия злу; юный Николенька Болконский жадно впитывается в речи Пьера». Тургенев, вероятно, в то время имел не вполне ясное представление об эволюции социально-политических воззрений декабристов и считал, что уже в 1820 году декабристы были настроены революционно.

Окончательное суждение о «Войне и мире» и о Толстом вообще, сложившееся у него к тому времени, Тургенев высказал в двух письмах к Фету – от 2 июля и от 16 августа 1871 года. В первом, написанном в ответ на письмо Фета о болезни Толстого, Тургенев называет Толстого преемником Пушкина, Лермонтова и Гоголя и признаёт его «единственной надеждой нашей осиротевшей литературы». Во втором письме Тургенев беспокоится: «Это очень плохо, что о Толстом нет вестей. Вы не можете иметь о нём более высокого мнения, чем я». И далее Тургенев называет «Войну и мир» «поистине великим романом», хотя так же отрицательно высказывается об изложенных в романе философско-исторических воззрениях автора.

«Война и мир» становится любимой книгой Тургенева, которую он перечитывает неоднократно. Об этом читаем в письме самому Толстому от 28 декабря 1879 года. Извещая о том, что вышел французский перевод

«Войны и мира» и что он раздал экземпляры его влиятельным французским критикам, Тургенев прибавлял: «Должно надеяться, что они поймут всю силу и красоту Вашей эпопеи... Я на днях в пятый и шестой раз с новым наслаждением перечёл Ваше поистине великое произведение».

Превосходную характеристику «Войны и мира» дал Тургенев в двух заметках, написанных для французских читателей.

В предисловии к французскому переводу «Двух гусаров», напечатанном в Париже в 1875 году, Тургенев, после краткого очерка литературной деятельности Толстого, определяет тот жанр, к которому следует отнести «Войну и мир». Тургенев характеризует Толстого как «самого замечательного» представителя «новой русской литературной школы», ведущей своё начало от Пушкина и Гоголя. «Война и мир» – это «произведение оригинальное и многостороннее, заключающее в себе вместе эпопею, исторический роман и очерк нравов». После появления «Войны и мира», писал Тургенев, Толстой «решительно занимает первое место в расположении публики».

Вторая заметка написана в форме письма к редактору газеты «Le XIX-e Siècle» Эдиону Абу, которому Тургенев послал французский перевод «Войны и мира». Письмо помечено 20 января 1880 года. Здесь Тургенев даёт такую характеристику произведению Толстого: «Лев Толстой – наиболее популярный из современных русских писателей, а «Война и мир», смело можно сказать, – одна из замечательнейших книг нашего времени. Дух эпоса веет в этом обширном произведении, где мастерски обрисован общественный и частный быт России в первые годы нашего века. Целая эпоха, богатая великими событиями и крупными фигурами (рассказ начинается незадолго до Аустерлицкого сражения и доходит до сражения под Москвой), целый мир, множество типов, схваченных живьём, из всех кругов общества, развёртываются перед читателем. Способ, каким граф Толстой обрабатывает свой предмет, столь же своеобразен, как и нов; это – не метод Вальтер Скотта и, само собою разумеется, также не метод Александра Дюма. Граф Толстой – русский писатель до мозга костей; и те из французских читателей, кого не оттолкнули немногие длинноты и причудливость некоторых оценок (имеются в виду, очевидно, характеристики Наполеона и его маршалов. – А.Н.), будут вправе сказать себе, что «Война и мир» дала им более непосредственное и верное представление о характере и темпераменте русского народа, вообще о русской жизни, чем если бы они прочитали сотни сочинений по этнографии и истории. Здесь есть целые главы, в которых никогда не придётся ничего изменить; здесь есть исторические лица (как Кутузов, Растопчин и др.), чьи черты установлены навеки; это – непреходящее. Как видите, я смел в выражениях; и однако, мои слова ещё далеко не передают моей мысли... Это – великое произведение великого писателя, и это – подлинная Россия».

Этой замечательной характеристикой Тургенев погасил все свои предыдущие нападки на художественную сторону «Войны и мира», при-

знав и высокое мастерство Толстого в изображении типических характеров, и своеобразие его художественного метода, и полноту и историческую достоверность картин эпохи, и точность портретов исторических лиц, введенных в эпопею, и верность представлений о характере русского народа и о русской жизни, данных в «Войне и мире». Оправдалось, таким образом, предвидение Толстого, высказанное им ещё в 1865 году в письме Фету, что Тургенев поймёт и по достоинству оценит его замечательное произведение [20].

Наступило время создания третьего романа Толстого «Анна Каренина» (первые два – «Семейное счастье» и «Война и мир»). Неожиданно и тут пересеклись творческие линии Толстого и Тургенева – правда, в рассуждении третьего лица. Критик Н.Н. Страхов всячески побуждал Толстого не прекращать работу над романом «Анна Каренина» (летом 1874 года он охладел к своей новой работе). В письме от 23 июля Страхов, в частности, писал Толстому: «Всё взято у Вас (в «Анне Карениной». – А.Н.) с очень высокой точки зрения – это чувствуется в каждом слове, в каждой подробности, и этого Вы, вероятно, не цените, как должно, а, может быть, не замечаете. Ужасно противно читать у Тургенева подобные светские истории, например, в «Дыме». Так и чувствуешь, что у него нет точки опоры, что он осуждает что-то второстепенное, а не главное... Вы в полном смысле слова *обязаны* (курсив Страхова. – А.Н.) напечатать Ваш роман, чтобы разом истребить всю эту и подобную фальшь...».

А работа над романом «Анна Каренина» шла трудно. 6 апреля 1876 года жена Толстого Софья Андреевна писала своему дяде В.А. Иславину, что «роман «Анна Каренина», кажется, стал». 9 апреля Толстой пишет Страхову, что не может приняться за чтение корректур своего романа, предназначенных для апрельской книжки «Русского вестника». Причины такого творческого спада были личные: две смерти близких людей (любимой воспитательницы Толстого Т.А. Ергольской и тётушки, родной сестры его отца, П.И. Юшковой) да ещё частые раздумья о смысле жизни, угрызения совести по поводу социально и религиозно несправедливого существования, причиной чего была также мысль о самоубийстве (ср. об этом же страницы романа «Анна Каренина», где подобные муки переживает один из главных героев – Константин Левин).

В вышеозначенном письме к Страхову Толстой, в частности, просит своего друга и известного критика, почитателя его таланта «показать искреннюю дружбу»: или ничего не писать про роман, или написать «только всё, что в нём есть дурно»; и если правда то, что он слабеет, то так и написать ему. «И не стесняйтесь мыслью, – писал далее Толстой, – что вы строгим суждением можете помешать деятельности человека, имевшего талант. Гораздо лучше остановиться на «Войне и мире», чем писать «Часы» или т.п.», – прибавлял Толстой, имея в виду только что появившуюся тогда повесть Тургенева.

Но тем не менее уговоры друзей и близких вселили в Толстого уверенность, и работа над «Анной Карениной» была продолжена. По мере опубликования глав романа, страсти вокруг него разгорались. Казалось, и «Война и мир» отошли на второй план в сознании читателей.

16 января 1877 года Страхов ещё раз писал Толстому о своём впечатлении от последних глав «Анны Карениной»: «Что касается до «Анны Карениной», то должен сообщить Вам, что здесь – общий восторг. Я всё раздумывал, не подкуплен ли я своим хорошим расположением духа и любовью к Вам; но слышу со всех сторон, что моё впечатление – необычайной свежести и силы этого отрывка – повторяется у всех. Стасов говорит, что не одобряет содержания романа, но тут сила изображения, *скульптурность* (курсив Страхова. – А.Н.), как он выражается, такова, что Тургенев в подмётки не годится... Даже *передовые* (курсив Страхова. – А.Н.) педагоги находят, что в изображении Серёжи заключаются важные указания для теории воспитания и обучения.

Наоборот, «Новь» (роман Тургенева, напечатанный в то же время. – А.Н.) шлёпнулась самым жестоким образом».

Давний спор, чуть не приведший их к дуэли, неожиданно нашёл отражение в новом романе Толстого.

В черновой редакции описания вечера у Щербацких Левин спорит с гостями относительно благотворительной деятельности светских женщин. Выражая мысль автора, для которого вопрос о светской благотворительности когда-то был поводом ссоры с Тургеневым, Левин говорит: «...Я потому только не верю в добродетельность светских дам, что они, раздавая фуфайки по двадцать копеек людям, умирающим от холода, сами носят четырёхтысячирублёвые собольи шубы».

В «Анне Карениной» Толстой изобразил светское общество в гораздо более чёрных красках, чем это было сделано им в «Войне и мире». Становится понятным то, что писал Толстому Страхов 7 мая 1877 года: «...Только прочитавши Вас (имеется в виду роман «Анна Каренина». – А.Н.), можно понять, что это за мир (светское общество. – А.Н.); Вы не рассказываете никаких ужасов, а всё невинные и даже смешные вещи, но, конечно, *обличаете* (курсив Страхова. – А.Н.) больше, чем Тургенев, Некрасов и Салтыков, напрягающиеся для этого изо всех сил» [21].

Приветствовал появление романа Толстого также и анонимный критик либеральной газеты «Новости», который писал: «Новый роман гр. Толстого «Анна Каренина» отличается теми же достоинствами, как и прежние его произведения; герои проходят перед вами совершенно живыми... При этом граф Толстой так соразмерно во всех частях ведёт свой рассказ, что не утомит вас ужасным и мелочным психическим анализом, как г. Достоевский, ни беспрестанными, иногда безбожно скучными описаниями природы, как г. Тургенев, ни длинной, характерной, может быть, в этнографическом смысле, но чуть идущей к делу болтовнёй, как г. Гончаров...».

«Астраханский справочный листок» писал: «Анна Каренина» ... есть такое талантливое произведение, на котором отрадно остановиться и которое приятно читать... Тургенев, Гончаров, Писемский, Островский, не говоря уже о более мелкой литературной братии, в своих позднейших произведениях не заявили и десятой части того таланта, какой присутствует в новом романе графа Л. Толстого».

В газете «Голос» было напечатано четыре восторженных статьи критика под псевдонимом «IV». В первой статье автор подробно рассказывает содержание опубликованных глав. Остановившись на личности Каренина, он сравнивает его с Сипягиным Тургенева в романе «Новь» и в художественном отношении отдаёт предпочтение Каренину, «этому доведённому до полнейшей оконченности образу *человека-чиновника* (курсив автора статьи. – А.Н.)».

Ряд писем с отзывами об «Анне Карениной» находим в переписке Тургенева.

В феврале 1875 года – Анненкову: «Что роман Толстого неудовлетворителен – это горестно... Я нашёл «Анну Каренину» (её начало) манерной, мелкой и неинтересной. Может быть, дальше пойдёт лучше. – Будем ждать. Кропотливо и вяло – вот общее впечатление; есть места хорошие, но немного».

В марте – А.В. Топорову: «Мне давали читать «Анну Каренину». Не могу сказать, что я остался ею доволен – хотя сильный талант Толстого проявляется иногда в полном блеске».

По поводу второй части романа Тургенев в апреле 1875 года писал из Парижа А.С. Суворину: «Талант из ряду вон, но в «Анне Карениной» он а fait fausse route (сделал ложный шаг): влияние Москвы, славянофильского дворянства, старых православных дев, собственного уединения и отсутствие настоящей художественной свободы. Вторая часть просто скучна и мелка, вот что горе!».

Почти через год – 10 марта 1876 года Тургенев – Ю.П. Вревской (той самой, которой посвящено его стихотворение в прозе «Памяти Ю.П. Вревской»): «Как ни велик талант Л. Толстого, а не выдраться ему из московского болота, куда он влез. Православие, дворянство, славянофильство, сплетни, Арбат, Катков, Антонина Блудова, невежество, самомнение, барские привычки, офицерство, вражда ко всему чужому, кислые щи и отсутствие мыла – хаос одним словом. И в этом хаосе должен погибать такой одарённый человек! Так на Руси всегда бывает».

Н.Я. Стечкин в своих воспоминаниях 1903 года о Тургеневе записал следующее его мнение об «Анне Карениной», высказанное в 1878 году: «Ну, возьмите графа Льва Толстого. Он теперь первый писатель не только в России, но и во всём мире. Некоторые его страницы, например, свидание Анны Карениной с сыном, – какое совершенство! Когда я прочитал эту сцену, у меня книга из рук выпала. Да неужели, говорил я мысленно, мож-

но *так* (курсив автора воспоминаний. – *А.Н.*) хорошо писать? А что же! Ни «Война и мир», ни «Анна Каренина» при всём гении Толстого не оставляют цельного впечатления о целой вещи».

Наконец, 12 января 1880 года Тургенев, отвечая Флоберу на его мнение о философии «Войны и мира», писал: «Да, это мощный человек, и всё-таки вы попали в его больное место. Он создал себе философскую систему, – мистическую, детскую и дерзкую в одно и то же время, и она чёрт знает как испортила его второй роман, написанный после «Войны и мира», в котором тоже есть вещи, совершенно из ряда вон выходящие».

Характерно, что при всём своём недовольстве «Анной Карениной» Тургенев не переставал считать Толстого, как он говорил Стечкину, «первым писателем не только в России, но и во всём мире».

Последнее упоминание в переписке Тургенева об «Анне Карениной» находим в его письме от 26 июля 1881 года. Письмо написано после того, как Тургенев, примирившись с Толстым, дважды побывал в Ясной Поляне и Толстой прислал ему в Спасское собрание своих сочинений. И вот Тургенев пишет жене Толстого: «Я получил сочинения Льва Николаевича, которые он мне прислал, и теперь с особенным вниманием перечитываю «Анну Каренину».

Тургенев, очевидно, хотел проверить своё первое впечатление от «Анны Карениной» и потому решил перечитать роман...

Как бы между прочим, а на самом деле неотступно Толстого преследовала мысль о каком-то воскресении души, и связал он это беспокойство с историей их взаимоотношений с Тургеневым. 6 апреля 1878 года на вопрос его постоянного корреспондента профессора биологии С.А. Рачинского о его «планах» (подразумевается – художественных работ) Толстой отвечает: «Планы есть, но для забавы – любоваться ими, но, кажется, уже нет сил, ни времени приводить их в исполнение. Планы одни личные, душевные – спасти душу».

«Спасти душу» означало – исполнять в жизни христианское учение любви. По христианскому учению требовалось, прежде чем приступить к молитве, «примириться с братом», то есть, уничтожить все неприязненные отношения с кем бы то ни было. Такой человек, с которым у Толстого были неприязненные отношения, был только один – Тургенев. И Толстой решает написать Тургеневу примирительное письмо 6 апреля 1878 года. В нём он писал:

«Иван Сергеевич!

В последнее время, вспоминая о моих с вами отношениях, я, к удивлению своему и радости, почувствовал, что я к вам никакой вражды не имею. Дай бог, чтобы в вас было то же самое. По правде сказать, зная, как вы добры, я почти уверен, что ваше враждебное чувство ко мне прошло ещё прежде моего.

Если так, то, пожалуйста, совсем до конца простите мне всё, чем я был виноват перед вами.

Мне так естественно помнить о вас только одно хорошее, потому что этого хорошего было так много в отношении меня. Я помню, что вам я обязан своей литературной известностью и помню, как вы любили и моё писанье, и меня. Может быть, и вы найдёте такие же воспоминания обо мне, потому что было время, когда я искренно любил вас.

Искренно, если вы можете простить меня, предлагаю вам ту дружбу, на которую я способен. В наши года есть одно только благо – любовные отношения с людьми. И я буду очень рад, если между нами они установятся. Гр. Л. Толстой. Адрес: Тула».

8 мая 1878 года Тургенев ответил следующим письмом:

«Любезный Лев Николаевич!

Я только сегодня получил Ваше письмо... Оно меня очень обрадовало и тронуло. С величайшей охотой готов возобновить нашу прежнюю дружбу и крепко жму протянутую мне руку. Вы совершенно правы, не предполагая во мне враждебных чувств к Вам: если они и были, то давным – давно исчезли – и осталось одно воспоминание о Вас как о человеке, к которому я был искренно привязан, и о писателе, первые шаги которого мне пришлось приветствовать раньше других, каждое новое произведение которого всегда возбуждало во мне живейший интерес. – Душевно радуюсь прекращению возникших между нами недоразумений.

Я надеюсь нынешним летом попасть в Орловскую губернию, – и тогда мы, конечно, увидимся. А до тех пор желаю Вам всего хорошего – и ещё раз дружески жму вам руку. Иван Тургенев».

В начале августа 1878 года Тургенев известил Толстого, что вскоре приедет в Тулу по делам и желал бы повидаться с ним. Он прибыл в Ясную Поляну 8 августа и провёл там два дня. Лев Николаевич держал себя с Тургеневым слегка почтительно и очень любезно. «Встреча Тургенева с отцом, – писала Т.Л. Сухотина-Толстая, – была сердечна и радостна. Между отцом и Тургеневым восстановились самые дружеские и даже нежные отношения, но ни о чём серьёзном они не говорили, как будто стараясь касаться только тех предметов, на которых не могло произойти между ними разногласий».

Сын Толстого Сергей Львович слышал, как между его отцом и Тургеневым происходил разговор о литературе, в частности, о стихотворении Пушкина «Пир Петра Великого» и о «Евгении Онегине». Тургенев говорил, что в стихах «И Нева пальбой тяжёлой Далеко потрясена» слышится «гром пушек». Толстой соглашался, что стихотворение «прекрасно по форме, но не по содержанию».

За общей беседой Тургенев задал присутствующим вопрос: «Какой стих в пушкинской «Туче» нехорош?». Толстой тотчас же указал на стих: «И молния грозно тебя обвивала». – «Конечно, – согласился Тургенев. – И как это Пушкин мог написать такой стих? Молния не обвивает. Это не даёт картины».

Тургенев прочёл вслух свой рассказ «Собака», но на слушателей он не произвёл впечатления. На прощанье Тургенев сказал Софье Андреевне: «До свиданья, мне было очень приятно у Вас».

Из Ясной Поляны он поехал к себе в Спасское-Лутовиново, откуда 14 августа писал Толстому: «Любезнейший Лев Николаевич, я благополучно прибыл сюда в прошлый четверг, – и не могу не повторить Вам ещё раз, какое приятное и хорошее впечатление оставило во мне моё посещение Ясной Поляны, и как я рад тому, что возникшие между нами недоразумения исчезли так бесследно, как будто их никогда и не было. Я почувствовал очень ясно, что жизнь, состарившая нас, прошла для нас даром – и что и Вы, и я, мы оба стали лучше, чем 16 лет назад; и мне было приятно это почувствовать. Нечего и говорить, что на обратном пути я снова – непременно – заверну к Вам».

Толстой ответил в том же дружеском духе. И Тургенев 25 августа откликнулся: «Мне очень приятно узнать, что все в Ясной Поляне взглянули на меня дружелюбным оком. А что между нами существует та связь, о которой вы говорите, – это несомненно, – и я очень этому радуюсь...».

Однако при всём дружелюбном отношении Толстого к Тургеневу, при всём желании Толстого совершенно изгладить из памяти Тургенева все бывшие между ними недоразумения, различие во взглядах на основные вопросы жизни между обоими писателями мешало непринуждённому обмену мнениями, чувствовалась настороженность и нарочитость в выборе тем для разговора. Об этом свидетельствуют письма Толстого к Фету и Страхову. «Тургенев, – писал Толстой Фету 5 сентября, – на обратном пути был у нас... Он всё такой же, и мы знаем ту степень сближения, которая между нами возможна». Страхову в тот же день Толстой писал более откровенно: «Тургенев был опять, и был так же мил и блестящ, но – пожалуйста, между нами – немножко как фонтан из привозной воды. Всё боюсь, что скоро выйдет, и кончено». Но Тургенев продолжал быть доволен своим пребыванием у Толстых. 30 сентября он писал Фету: «Мне было очень весело снова сойтись с Толстым, и я провёл у него три приятных дня; всё семейство его очень симпатично; а жена его – прелесть. Он сам очень утих и вырос. Его имя начинает приобретать европейскую известность; нам, русским, давно известно, что у него соперника нет».

Переписка Толстого с Тургеневым в октябре и ноябре и его отзывы о Тургеневе в письмах за то же время показывают, что, несмотря на все его усилия, у него не устанавливались дружеские отношения с Тургеневым. 27 октября в ответ на резкий отзыв Страхова о Тургеневе в письме от 28 сентября (Страхов не любил Тургенева как человека) Толстой писал ему: «Зачем вы сердитесь на Тургенева? Он играет в жизнь, и с ним надо играть. И игра его невинная и не неприятная, если в малых дозах».

1 октября Тургенев извещал Толстого, что «Казак» вышел в двух английских переводах (в Лондоне и в Америке) и, по слухам, пользуются

большим успехом; что английский литератор В. Рольстон взялся написать большую статью о «Войне и мире»; что он послал этому литератору «небольшой перечень» известных ему фактов из литературной и общественной жизни Льва Николаевича; что «Казаки» печатаются во французском переводе..., и что он предлагает своё посредничество для отдельного издания этого перевода в Париже. «Мне будет очень приятно содействовать ознакомлению французской публики с лучшей повестью, написанной на нашем языке», – прибавлял Тургенев.

Все эти сведения и хвала «Казаков» не вызвали в Толстом ни тщеславия, ни радостного чувства. По получении этого письма Тургенева он и написал Страхову, что Тургенев «играет в жизнь». Толстой в то же время чувствовал глубокую неудовлетворённость своими прежними художественными произведениями. Он ответил Тургеневу 27 октября: «Пожалуйста, не думайте, что я гримасничаю, но ей-богу, перечитывание хоть мельком и упоминание о моих писаниях производит во мне очень неприятное сложное чувство, в котором главная доля есть стыд и страх, что надо мной смеются...

Как я ни люблю вас и верю, что вы хорошо расположены ко мне, мне кажется, что и вы надо мной смеётесь. Поэтому не будем говорить о моих писаниях». В конце письма Толстой прибавлял: «Не могу не желать вам всё-таки того же, что и для меня составляет главное счастье жизни, – труда, с уверенностью в его важности и совершенстве».

Естественно, что это письмо вызвало в Тургеневе недоумение. В бытность его в Ясной Поляне, по-видимому, не возникал разговор об отношении Толстого к его прежним художественным произведениям, и отрицательное суждение о них явилось для Тургенева полной неожиданностью. Он помнил Толстого писателем, центром жизни которого было художественное творчество. Ему была неизвестна та душевная работа, которая привела Толстого к перемене взгляда на свои прежние художественные произведения, *и он принял на свой счёт* всё, что Толстой писал по этому поводу. 15 ноября он отвечал Толстому: «Хоть Вы и просите не говорить о Ваших писаниях – однако не могу не заметить, что мне никогда не приходилось «даже немножко» смеяться над Вами; иные Ваши вещи мне нравились очень, другие очень не нравились [22]; иные, как например «Казаки», доставляли мне большое удовольствие и возбуждали во мне удивление. Но с какой стати смеяться? Я полагал, что Вы от подобных «возвратных» ощущений давно отделались».

Письмо Тургенева не понравилось Толстому (?). Он увидел, что Тургенев, как и прежде, недостаточно чутко относится к его душевному состоянию, и 22 ноября он написал Фету: «Вчера получил от Тургенева письмо. И, знаете, решил лучше подальше от него и от греха. Какой-то задир неприятный».

Думается, здесь Толстого подвела излишняя мнительность.

На это письмо Тургенева Толстой, по-видимому, не ответил.

В декабре 1879 года Толстой написал Тургеневу письмо, остающееся для нас неизвестным, как и большинство писем Толстого к Тургеневу (последние годы Тургенев жил в Париже, и его архив остался там). Из ответного письма Тургенева от 28 декабря 1879 года узнаём, что Толстой просил Тургенева передать какую-то сумму денег известному революционеру-семидесятнику («народнику») Н.В. Чайковскому. Далее Тургенев сообщал, что в Париже вышел французский перевод «Войны и мира», прибавляя: «Я на днях в 5-й и 6-й раз с новым наслаждением перечёл Ваше поистине великое произведение».

Толстой при его напряжённых занятиях и появившемся уже в то время отрицательном отношении к своим прежним художественным произведениям едва ли обратил большое внимание на это сообщение Тургенева. Но, несомненно, он был доволен тем, что Тургенева «очень тронуло сочувствие», выраженное ему Толстым по поводу оскорбительной заметки про Тургенева в «Московских ведомостях». В ней официальный беллетрист Б.М. Маркевич «исхлестал» либерала Тургенева за его сочувственное предисловие к воспоминаниям эмигранта И.Я. Павловского «В одиночном заключении. Воспоминания нигилиста». Тургенев, в частности, писал в своём предисловии: «Эти нигилисты, о которых говорят в последнее время, и не так черны, и не так ожесточены, как их обыкновенно изображают». Маркевич в своей заметке обвинял Тургенева в «кувыркании перед молодёжью» и назвал его «адвокатом русских нигилистов».

4 мая 1880 года Тургенев навестил в Ясной Поляне Л.Н. Толстого. Цель поездки была убедить Толстого приехать в Москву на открытие памятника Пушкину. Но попытка эта не удалась.

Этот приезд Тургенева и свой отказ поехать на пушкинский праздник Толстой вспомнил почти через 30 лет – в 1908 году, когда готовилось торжественное чествование его восьмидесятилетия. В письме от 25 марта в редакцию «Русских ведомостей» Толстой так объяснил причину своего отказа: «Как ни дорог и мил мне был тогда Тургенев, как я ни дорожил и высоко ценил (и ценю) гений Пушкина, я отказался..., потому что и тогда уже такого рода чествования мне представлялись чем-то неестественным и не скажу – ложным, но не отвечающим моим душевным требованиям».

Разговор Толстого со старым другом касался не только литературных вопросов (один из них – беседа о талантливом молодом писателе В.М. Гаршине, прошедшая в полном единодушии). В письме к Страхову 4 мая 1880 года Толстой писал: «С Тургеневым много было разговоров интересных. До сих пор, простите за самонадеянность, всё, слава богу, случается со мною так: «Что это Толстой какими-то глупостями занимается. Надо ему сказать и показать, чтобы он этих глупостей не делал». И всякий раз случается так, что советчикам станет стыдно и страшно за себя. Так, мне кажется, было и с Тургеневым. Мне было с ним и тяжело, и утеши-

тельно. И мы расстались дружелюбно». Из этого письма видно, что Толстому, по его мнению, кое в чём удалось убедить Тургенева.

В октябре 1880 года у Толстого побывал В.В. Стасов. Шёл разговор о русской литературе, о Тургеневе, Достоевском, но Стасов, не зная мнения Толстого об этих писателях, из предосторожности не высказывал своего отношения к ним – «не ровен час, пожалуй, опять напорешься на историю».

Стасов передал Толстому рассказы Тургенева, с которым он виделся в Париже, о пушкинском празднике в Москве. Тургенев, только что вернувшийся из Москвы, говорил Стасову «с досадой и злобой и даже криком, как все тогда словно с ума сошли, придя в восхищение от нелепостей и безобразий, наговоренных Достоевским в речи, как все точно пьяные или наевшиеся дурмана чуть не на стену лезли от открытых Достоевским русского «всечеловека» Алеко и русской «всеженщины» Татьяны и плакали, и рыдали, и обнимались, словно в Пасху или радостное какое-то торжество... Вот это всё я тут с досадой рассказывал Толстому – он крепко морщился».

Отношения Толстого и Тургенева, возобновившиеся после их примирения в 1878 году, продолжали оставаться самыми дружелюбными.

В мае 1881 года Тургенев говорил о Толстом литератору С.Н. Кривенко: «Такого художника, такого первоклассного таланта у нас никогда ещё не было и нет. Меня, например, считают художником, но куда же я гожусь сравнительно с ним! Ему в теперешней европейской литературе нет равного. Ведь он за что бы ни взялся, всё оживает под его пером. И широка область его творчества – прямо удивительно! Будет ли это целая историческая эпоха, как в «Войне и мире», будет ли это отдельный современный человек с высшими духовными интересами и стремлениями, или просто крестьянин с его чисто русскою душою – везде он остаётся мастером. И барыня высшего круга выходит у него, как живая, и полудикарь-черкес; даже животных, вы посмотрите, как он изображает.

И в то же время одинаково ему доступны и психическая сторона высокообразованного человека, высшая философская мысль. Но что вы с ним поделаете? Весь с головою ушёл в другую область – окружил себя библиями, евангелием чуть ли не на всех языках, исписал целую кучу бумаги. Целый сундук у него с этой мистической моралью и разными кривотолкованиями. Читал мне кое-что, – просто не понимаю его... Говорил ему, что это не его дело, а он отвечает: Это-то и есть самое дело».

Из писем Тургенева Толстому от 21 июня и Толстого Тургеневу от 27 июня видно, что во время визита Тургенева в Ясную Поляну 6 июня Толстой говорил ему о своём предполагаемом путешествии в Оптину пустынь и по возвращении обещал съездить к Тургеневу в Спасское, а Тургенев просил Толстого привезти ему новое издание его сочинений, вышедшее в свет в 1880 году.

Толстой пробыл у Тургенева в Спасском 9 и 10 июля. Там он встретился с поэтом Я.П. Полонским, который уже после смерти Тургенева написал

воспоминания об этой встрече трёх русских писателей в Спасском. Встреча была содержательной и сердечной. Толстой интересно и любопытно рассказывал о своём пешем путешествии в Оптину пустынь Калужской губернии в простом крестьянском одеянии и обуви. Много рассказывал Толстой также о сектантах «воздыханцах», которых преследовало правительство.

«Что касается до положения нашего крестьянства, – пишет Полонский, – граф полагает, что крепостное право было школой, которая приучила его к терпению. Но что если всё пойдёт по-старому, через 25 лет 9/10 народа не будут знать, чем кормить своих детей».

Отмечал Полонский и такую перемену в Толстом, как его мягкость, внимательность, доброту и даже уступчивость. В Спасском Толстой не склонен был спорить по какому-то вопросу, не навязывал свой образ мыслей и спокойно выслушивал возражения Тургенева.

Возвратившись от Тургенева, Толстой записал в дневнике: «9, 10 июля. У Тургенева. Милый Полонский, спокойно занятый живописью и писанием, не осуждающий и – бедный – спокойный Тургенев – боится имени бога, а признаёт его. Но тоже наивно спокойный, в роскоши и праздности жизни».

Сделанная Толстым в этих строках характеристика Тургенева: «боится имени бога, а признаёт его», принимая во внимание то значение, которое Толстой придавал понятию «бог», может быть понята только в том смысле, что Тургенев, отрицая религиозное понимание жизни, в то же время признаёт любовь основой жизни, в чём Толстой и видел сущность христианского учения.

В августе 1881 года в Ясную Поляну приехал Тургенев. О его пребывании сам Толстой рассказывает в предисловии к русскому переводу сочинений Ги де Мопассана 1894 года. Тургенев познакомил Толстого с повестью Мопассана «Дом Телье» и охарактеризовал молодого писателя как «прекрасного сына, прекрасного друга и надёжного человека». Кроме того, подчеркнул Тургенев (для Толстого это имело значение), Мопассан «имеет сношения с рабочими, руководит ими, помогает им». Далее Толстой пишет: «Время это, 1881 год, было для меня самым горячим временем внутренней перестройки всего моего мирозерцания, и в перестройке этой та деятельность, которая называется художественной и которой я прежде отдавал все свои силы, не только потеряла для меня прежде приписываемую ей важность, но стала прямо неприятна мне по тому несвойственному месту, которое она занимала в моей жизни и занимает вообще в понятиях людей богатых классов».

Тургенев много рассказывал о современных французских писателях: Флобере, Золя, Доде, бр. Гонкурах, Мопассане и др. Когда разговор зашёл о Шекспире, Тургенев, как он делал это много раз прежде, старался внушить Толстому всё величие Шекспира, указывая «на истинно драматические положения, в которые Шекспир ставит своих героев». Оригинальное мнение об «обратном общем месте» высказал Тургенев о Достоевском.

Несомненно, что Толстой принимал деятельное участие во всех этих беседах, но его суждения не были записаны.

Вечером молодёжь затеяла танцы – кадрили. Кто-то спросил у Тургенева, продолжают ли во Франции танцевать старую кадрили или она совершенно вытеснена непристойным канканом. Тургенев отвечал, что старый канкан – совсем не тот непристойный танец, который танцуют в кафешантанах; это – приличный и грациозный танец. И Тургенев пригласил за даму двенадцатилетнюю Машу Кузминскую... Все хохотали.

А Толстой, находившийся в те дни в особенно серьёзном настроении, записал в дневнике: «Тургенев – сапан. Грустно». Это единственная запись в дневнике Толстого о его последней встрече с Тургеневым...

Очень отрадны были Толстому в те годы осветившиеся новым светом его дружеские отношения с Тургеневым.

В начале мая 1882 года Толстой писал Тургеневу в Париж, обеспокоенный известиями о его болезни. «Я почувствовал, – писал Толстой, – как я вас люблю... Обнимаю вас, старый, милый и очень дорогой мне человек и друг. Ваш Толстой».

Письмо это глубоко тронуло Тургенева. Оно всколыхнуло в нём забытые воспоминания о его хотя и неровной, но крепкой в своей основе дружбе с молодым Толстым. «Милый Толстой, – писал Тургенев в ответном письме 14 мая, – не могу сказать, как меня тронуло Ваше письмо. Обнимаю Вас за каждое в нём слово». Рассказав далее о своей болезни, Тургенев далее писал: «Что же касается до моей жизни – так я, вероятно, ещё долго проживу, хотя моя песенка уже спета: – вот Вам надо ещё долго жить – и не только для того, что жизнь всё-таки дело хорошее, а для того, чтобы окончить то дело, к которому Вы призваны и на которое, кроме Вас, у нас мастера нет. Вспоминаю Ваши прошлогодние полуобещания и не хочу думать, что бы Вы их не исполнили! Не могу много писать – но Вы меня понимаете».

Здесь Тургенев, очевидно, намекал на свои встречи с Толстым в Спасском и Ясной Поляне в 1881 году, когда он убеждал Толстого вернуться к художественной работе, на что Толстой ответил «полуобещаниями».

На настойчивые уговоры Тургенева вновь приняться за художественную работу Толстой отвечал, что прежде всего нужно жить «как следует».

Получив и прочитав «Исповедь», Тургенев убедился, что философские основы мировоззрения Толстого очень далеки от основ его мировоззрения. Решив не высказывать автору своего мнения относительно его новой работы, Тургенев выразил своё отношение к «Исповеди» в письме к Д.В. Григоровичу от 31 октября 1882 года. «Прочёл её с великим интересом, – писал Тургенев, – вещь замечательная по искренности, правдивости и силе убеждения. Но построена она вся на неверных посылах – и в конце концов приводит к самому мрачному отрицанию всякой живой человеческой жизни... Это тоже своего рода нигилизм». Закончил же Тургенев свой

отзыв об «Исповеди» словами: «И всё-таки Толстой едва ли не самый замечательный человек современной России!».

В одном из писем Тургеневу Толстой хвалил некоторые из только что появившихся тогда «Стихотворений в прозе» Тургенева («Голуби», «Что я буду думать?», «Русский язык», «Морское плавание»). «Морское плавание», так же как и другое стихотворение в прозе Тургенева – «Воробей», Толстой в 1904 году поместил в свой «Круг чтения».

После письма от 15 декабря 1882 года Тургенев послал Толстому ещё написанное под диктовку письмо от 8 января 1883 года с описанием перенесённой им операции. И на этом его переписка с Толстым вследствие всё усиливавшейся мучительной болезни прекратилась впредь до его последнего, предсмертного письма...

В воспоминаниях Г.А. Русанова под заглавием «Поездка в Ясную Поляну 24-25 августа 1883 года» приводятся интересные и характерные суждения Толстого о русских писателях.

Вот, например: «Тургенев – литератор, Пушкин был тоже им, Гончаров – ещё больше литератор, чем Тургенев. Лермонтов и я не литераторы» [23].

У Тургенева, как сказал Толстой Русанову, ему нравятся только «Записки охотника», «хотя теперь, – прибавил он, – уж нельзя изображать народ, как он там изображается». «Всё остальное у Тургенева, – продолжал Толстой, – я не очень ценю, и мне кажется, что слава его сочинений не переживёт его». «Песнь торжествующей любви» Толстой назвал «отвратительной». На замечание Русанова, что у Тургенева прекрасные описания природы, Толстой ответил: «Да. Несравненные».

В беседе с Г.А. Русановым 24 августа 1883 года Толстой спросил его, что слышно о болезни Тургенева. Он не знал, что за 2 дня до этого, 22 августа, Тургенев скончался.

В конце июня 1883 года Тургенев написал Толстому последнее, ставшее знаменитым, письмо, которое имело целью излить просившиеся наружу более чем дружеские чувства, какие питал умирающий Тургенев к Толстому, и умолить его вернуться к художественной работе.

«Милый и дорогой Лев Николаевич! – писал Тургенев. – Долго Вам не писал, ибо был и *есмы* (курсив Тургенева. – А.Н.), говоря прямо, на смертном одре. Выздороветь я не могу – и думать об этом нечего. Пишу же я Вам, собственно, чтобы сказать Вам, как я был рад быть Вашим современником, – и чтобы сказать Вам мою последнюю искреннюю просьбу. Друг мой, вернитесь к литературной деятельности! Ведь этот дар Вам отсюда же, откуда всё другое. – Ах, как я был бы счастлив, если б мог подумать, что просьба моя так на Вас подействует!! Я же человек конченный – доктора даже не знают, как назвать мой недуг. Ни ходить, ни есть, ни спать, – да что! Скучно даже повторять всё это! – Друг мой, великий писатель Русской земли – внемлите моей просьбе! Дайте мне знать, если Вы

получите эту бумажку, и позвольте ещё раз крепко, крепко обнять Вас, Вашу жену, всех Ваших не могу больше устал» (так в тексте).

Поражает необычайная деликатность, проявленная Тургеневым в этом письме по отношению к религиозному мирозерцанию Толстого. Тургенев знал, что добиться своей цели – побудить Толстого вернуться к художественной работе – он мог бы наиболее успешно, употребив аргументы религиозного характера; но он был атеист и не хотел кривить душой. И он находит такую формулировку своего мнения, которая и для Толстого была бесспорна: «Ведь этот дар Вам оттуда же, откуда всё другое»...

Письмо Тургенева тронуло Толстого. Однако он не ответил. Чем это можно объяснить? Толстой мог бы ответить Тургеневу так, что ответ его более или менее удовлетворил бы знаменитого романиста. На вопрос Русанова, сделанный тогда же, будет ли он писать художественные произведения, Толстой ответил: «Конечно, буду. Если умеешь писать, нельзя не писать, так же как если умеешь говорить, то нельзя не говорить».

Можно подумать, что Толстой не ответил на письмо Тургенева потому, что из его письма увидел, что он уже близок к смерти. И, смотря на смерть как на «высочайший момент в жизни», он счёл неуместным писать умирающему другу о своих будущих литературных занятиях.

Смерть Тургенева всколыхнула в Толстом всю полноту дружеского чувства к тому писателю, в котором он при первом знакомстве почувствовал «прелесть, привязывающую с первого раза». «Смерть Тургенева я ожидал, – писал Толстой Н.Н. Страхову 2 сентября, – а всё-таки очень часто думаю о нём теперь». И он интенсивно читает и перечитывает Тургенева, даже иногда меняя отрицательные оценки на положительные (как, например, вышло с рассказом «Довольно»).

В октябре 1883 года Обществом любителей российской словесности было постановлено устроить специальное торжественное заседание в память И.С. Тургенева. Конечно, были приглашены ближайшие друзья покойного, в том числе и Толстой. Он охотно согласился на просьбу Общества и стал готовить выступление, которое всячески попытались заблокировать (начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов – когда-то друг Тургенева и член кружка Грановского, а теперь крайний реакционер; министр внутренних дел граф Д.А. Толстой, четвероюродный брат Л.Н. Толстого; и, конечно, обер-прокурор К.П. Победоносцев).

Но Толстой изложил свои мысли предполагаемого выступления историку литературы А.Н. Пыпину. «Я и всегда любил его, – так начал Толстой свою характеристику Тургенева, – но после его смерти оценил его как следует».

Переходя далее к характеристике Тургенева, Толстой писал: «Тургенев прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда то, *самое* (курсив Толстого. – А.Н.) то, что думает и чувствует. Редко сходятся так благоприятно эти три фактора [24], и больше нельзя требовать от человека, и потому воздей-

стве Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Он жил, искал и в произведениях своих высказывал то, что он нашёл – всё, что нашёл. Он не употреблял свой талант (умение хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю её выворотить наружу».

Толстой видит три фазиса в жизни и произведениях Тургенева: «1) вера в красоту (женскую любовь – искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всём. И это выражено и трогательно, и прелестно в «Довольно»; и 3) не формулированная, как будто нарочно, из боязни захватить её (он сам говорит где-то, что сильно и действительно в нём только бессознательное), не формулированная, двигавшая им и в жизни, и в описаниях вера в добро – любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче и прелестнее всего в «Дон-Кихоте» (Толстой имеет в виду речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», написанную в 1860 году. – А.Н.), где парадоксальность и особенность формы освобождала его от его стыдливости перед ролью проповедника добра».

Характеристику Тургенева, эволюции его творчества и мирозерцания, сделанную Толстым в письме к А.Н. Пыпину, следует считать наиболее полным выражением его общего отношения к Тургеневу.

В переписке со Страховым Толстой уже после смерти Тургенева использовал его имя как аргумент против Достоевского, а точнее против его творчества. 5 декабря 1883 года Толстой писал Страхову: «Мне кажется, вы были жертвою ложного, фальшивого отношения к Достоевскому, не вами, но всеми преувеличения его значения... – возведения в пророка и святого, человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомства нельзя человека, *который весь борьба* (курсив Толстого. – А.Н.)... Чем больше живу, тем больше ценю людей без заминки. Вы говорите, что помирились с Тургеневым. А я очень любил. А главное, за то, что он был без заминки и свезёт, а то рысак, да никуда на нём не уедешь, если ещё не завезёт в канаву. И Pressensé (Пресенсе – протестантский богослов, автор сочинений по истории христианства. – А.Н.), и Достоевский оба с заминкой. И у одного вся учёность, у другого ум и сердце пропали за ничто. Ведь Тургенев переживёт Достоевского, и не за художественность, а за то, что без заминки...» [25].

Спустя много лет после смерти Тургенева Толстой высказывался о его произведениях в беседах с разными людьми. Эти отзывы носят частный характер. Конечно, они субъективны и не могут влиять на общую концепцию отношения Толстого к творчеству Тургенева, «вычерченную» нами в этой главе. Но учитывать их необходимо, так как любое мнение великого писателя о своём знаменитом собрате-современнике имеет интерес исторический.

Так, например, В.Ф. Лазурский записал летом 1894 года отзывы Толстого о Тургеневе: «Я помню, – говорил Толстой, – Тургенев произвёл на меня сильное впечатление «Записками охотника». Потом я слушал «Рудина»: он читал у Некрасова... Я был удивлён, как это – Тургенев, и мог написать такую фальшивую, придуманную вещь». Выше всех, – пишет далее Лазурский, – он ставит «Довольно» и статью «Гамлет и Дон-Кихот»... Высоко ставит «Живые мощи»... «Новь» мне, представьте, – говорит Толстой, – понравилась; «Пунин и Бабурин», «Колосов» – это бог знает что такое; «Вешние воды» – это к тому же разряду: «всё выдуманное, хотя хорошо выдуманное».

Тогда же Толстой читал вслух изданные письма Тургенева к Аксаковым и «радовался блестящему изложению, восхищался его критическими замечаниями», повторяя: «Удивительно хорошо!» (дневник В.Ф. Лазурского).

Там же, летом 1894 года, о братьях Аксаковых: «Православие их, которое стояло в связи с славянофильской системой, было напоказ. Тургенев был гораздо искреннее... За это он был всегда ближе мне... Чтобы понять Тургенева, нужно читать последовательно: «Фауст», «Довольно» и «Гамлет и Дон-Кихот». Тут видно, как сомнение сменяется у него мыслью о том, где истина».

Летом 1896 года Толстой слушает чтение повести Тургенева «Первая любовь». Заметил, что «конец сделан классически».

В мае 1898 года в письме к Я.П. Полонскому Толстой пишет, что, проезжая по делам помощи голодающим через Спасское, он «проехал через сад, посмотрел на кособокий милый дом... и очень живо вспомнил Тургенева и пожалел, что его нет». «Очень приятно было узнать, что крестьяне в имении нашего друга были так хорошо наделены землёю, в собственности, в сравнении с окружающими, что нужды там нет».

В апреле 1900 года А.М. Сухотин прочитал «Старые портреты» Тургенева. Лев Николаевич не помнил этой вещи и после чтения очень ею восхищался.

В июле того же года о Тургеневе: «Это был типичный представитель людей пятидесятых годов, либеральный в лучшем смысле этого слова. Замечательна его борьба против крепостничества, и потом его любовь к тому, что он описывает... его чуткость к красоте природы» (А.Б. Гольденвейзер).

Август 1901 года: «Я любил Тургенева как человека. Как писателю, ему и Гончарову я не придаю особенно большого значения. Их сюжеты – обилие обыкновенных любовных эпизодов – и типы имеют слишком переходящее значение» (А.Б. Гольденвейзер).

Июль 1902 года: «Лев Николаевич говорил, что у Баратынского отношение к смерти правильное и христианское, а у Фета, Тургенева и Василия Боткина – эпикурейское» (С.А. Толстая).

В воспоминаниях Х.Н. Абrikосова читаем (за апрель 1903 года): «Про Достоевского Лев Николаевич сказал, что одна его строчка стоит це-

лой повести Тургенева, хотя язык Тургенева нельзя сравнить с языком Достоевского. У Тургенева самое лучшее – это «Довольно», «Гамлет Шигровского уезда», «Фауст», недурно «Затишье».

Запись в дневнике 30 сентября 1906 года: «Читаю Гёте и вижу всё вредное влияние этого даровитого человека на то поколение, которое я застал – в особенности бедного Тургенева с его восхищением перед «Фаустом» (совсем плохое произведение) и Шекспиром...».

В записной книжке Толстого от 21 марта 1907 года: «Чтение в английском переводе стихотворения в прозе «Порог» Тургенева – «ужасно» (неясно, к чему относится его оценка – к произведению Тургенева или к его переводу).

Запись в дневнике личного врача Д. П. Маковицкого 7 сентября 1907 года: «А.Б. Гольденвейзер спросил Льва Николаевича о ссоре, которая была между ним и Тургеневым. Л.Н. не отвечал, ему как будто не хотелось вспоминать об этом. Потом сказал: «Тургенева с любовью вспоминаю».

Тогда же: На слова С.А. Толстой, что Тургенев очень любил Льва Николаевича, Толстой возразил: «Нет, наоборот. Он скорее любил меня как писателя. А как человек я не встречал в нём настоящей теплоты и сердечности. Да он и никого так не любил, кроме женщин, в которых бывал влюблён. У него не было никого друзей» (А.Б. Гольденвейзер).

Запись в дневнике Д.П. Маковицкого 12 июня 1908 года: «Тургенев – я его всегда любил – был человек добрый, но он не был самобытный...».

Запись в дневнике Д.П. Маковицкого 6 апреля 1909 года: «В разговоре о Жорж Санд Толстой вспоминает о своём отношении к ней в молодости: «Я в своё время кроме отвращения ничего к ней не чувствовал, в то время как Тургенев восхищался ею»...

* *
*

Творческие и личные отношения Толстого и Тургенева, двух величайших художников слова, представляют собой одно из редких явлений в истории не только русской, но и мировой литературы. В их взаимоотношениях ощущается тесная преемственная связь в развитии национальной литературы, для возвышения славы которой они так много сделали. И если дореволюционные исследователи творчества Толстого и Тургенева стремились не к объективному рассмотрению творчества двух «Т», а к противопоставлению одного из них другому, то тем самым они только обедняли их творческий диапазон и искажали в целом историко-литературный процесс. Совершенно оригинальные по методу и стилю и во многом по своему мировоззрению, они сходились в главном – в понимании роли литературы как «дела жизни» (Толстой), как «сосредоточенного отражения» её (Турге-

нев). Своим пониманием литературы они способствовали духовному обогащению и пробуждению общественного сознания у народа.

Это общее у Тургенева и Толстого отнюдь не делает их безликими. Напротив, в сравнительном сопоставлении каждый из них ещё рельефнее выделяется своим видением мира и его отражением: каждый из них имел свой творческий голос, своё открытие мира прекрасного.

В личных отношениях Толстого и Тургенева со всей ясностью отразилось столкновение «предрассудков вековых», старых отживавших нравственных принципов, привитых воспитанием, феодально-самодержавным строем, с нарождавшимся новым понятием о морали, в основе которой лежала сила разума, осознание своих действий и поступков. Оба они в минуту острых конфликтных столкновений могли впасть в безрассудство, увлечься минутной вспышкой гнева. Но по «размышлении здравом» Толстой и Тургенев сумели трезво, критически оценить свои поступки и силой разума победить «горечи бед и обид». Они с честью вышли из жестокой ссоры, которая никак не помешала их творчеству. Например, даже тогда, когда между ними возникали «овраги» и «щели», эти писатели внимательно продолжали следить за новыми сочинениями друг друга, что способствовало развитию их таланта и возвеличению русской литературы. В творчестве Толстого она достигла недосягаемых высот; Тургенев с гордостью писал, что в Европе нет равного Толстому – художнику.

ПРИМЕЧАНИЯ

К Главе I

1. Объяснение синхронности этих двух разножанровых и разностилевых замыслов Толстого мы находим в кн.: *Борис Эйхенбаум. Лев Толстой. Семидесятые годы.* Л., 1974.

2. Если в ранний период творчества Толстого (до «Войны и мира») сатира мало увлекала писателя, то в последующие два периода (особенно в третий – с конца 1870-х – начала 1880-х годов) сатира как пафос художественного творчества и средство выражения авторской позиции использовалась писателем в достаточно сильной мере. (См. по этому вопросу кн.: *Марк Щеглов. Сатира Льва Толстого.* М., 1953).

К Главе II

3. Анализ пересказов басен И. А. Крылова маленьким Толстым заимствован здесь из кн.: *Н.Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год.* Изд-во Академии Наук СССР. М., 1954. С. 138-140.

4. О неоднозначном отношении Толстого к своему первому редактору как к поэту посвящена специальная глава в части I данной монографии (Витебск, 2001. С. 47-65).

5. О родстве и разнице творческих позиций Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина мы касались в Части I данной монографии в общем историко-литературном обзоре «Л.Н. Толстой в размышлениях о русской литературе» (Витебск, 2001. С. 10–13). Здесь же более развёрнуто и в хронологическом порядке прослеживаются этапы интереса Толстого к творчеству его великого предшественника.

6. Эта мысль Толстого явно перекликается с самооценкой Ф.М. Достоевского, когда он рассуждает о «реализме в высшем смысле».

7. В октябре 1857 года, уже написав три варианта «Повреждённого», Толстой всё ещё отделяет повесть. Отличие третьей редакции от предыдущих прежде всего в том, что эпиграф из Пушкина вычёркивается (поэтические строки слишком прямолинейно формулировали бы психологически сложную коллизию повести); исключается картина петербургской зимней ночи (ненужная красивость), и действие начинается прямо с появления музыканта у Анны Ивановны; музыкант уже не Вольфганг, а Альберт (не нужна параллель с Моцартом); покровитель Альберта – Делесов.

8. Эти наблюдения приводятся в кн.: *Н.Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год.* Изд-во Академии Наук СССР. М., 1957. С. 742

9. Впоследствии, однако, М.П. Погодин высказал критическое замечание в адрес автора «Войны и мира» (в своей газетке «Русский»), связанное

с неточной, по его мнению, подачей Толстым в романе образов Багратиона, Сперанского, Растопчина, Ермолова.

10. *Б.Эйхенбаум*. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1960. С.83-85.

11. Сравнение приведено *Н.Н. Гусевым* в его кн.: «Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год». М., 1954. С. 348.

12. Сравнение использовано из кн.: *Н.Н. Гусевым*.: «Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год». М., 1970. С. 405.

13. См. об этом: *Л. Д. Опульская*. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979. С. 63, 70.

14. На самом деле в то время Толстому было девятнадцать лет.

К Главе III

15. *Н.Н. Гусев*. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957. С. 622.

16. *А.А.Нестеренко*. Лев Толстой и русская литература: Пособие к историко-литературному спецкурсу «Творчество Л.Н. Толстого в контексте русской и мировой литературы». Часть I. Витебск, 2001. С. 47-65, 76-85.

17. Здесь А.В. Дружинин имеет в виду то, что Некрасов и Чернышевский как продолжатели дела Белинского последовательно отстаивали революционно – демократические идеи русской литературы конца 50-х 60-х годов. Дружинин же, критик «эстетического» направления, тоже вроде бы поклоняясь демократу Белинскому (велик авторитет «неистового Виссариона»!) лихорадочно пытался отторгнуть Чернышевского от наследия Белинского («дети», мол, не в силах сравняться со своими «отцами»). И предчувствуя, что если Толстой возьмётся за вышеозначенный «проект» Дружинина, то натолкнётся в «Современнике» на стойкую защиту Чернышевского как бесспорного последователя Белинского, а потому-де, дорогой Толстой, «спешите изучить теории Белинского», чтобы во всеоружии дезавуировать авторитет Чернышевского как верного ученика и преемника Белинского. План – сродни разработке военного сражения! Но заметим при этом, что, не рассчитывая на свой невеликий авторитет, Дружинин действует при помощи недостойного средства – подталкивает к разрушению изнутри выпестованной Некрасовым и Чернышевским революционно-демократической идеи «Современника»... «руками» более авторитетного и маститого Толстого...

Это похоже на провокацию.

18. *В. Евгеньев – Максимов*. «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936. С. 164.

19. Более подробно об этой странице взаимоотношений Тургенева и Толстого см.: *Н.Н. Гусев*. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957. С. 437-445.

20. Дневниковые и эпистолярные материалы, касающиеся оценок И.С. Тургеневым романа «Война и мир», а также некоторые комментарии почерпнуты из кн.: *Н.Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957. С. 863-876.*

21. Очевидно, что это мнение Н.Н. Страхова носит субъективный характер. Сопоставление «обличительства» в произведениях Толстого, с одной стороны, и Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, с другой, некорректно, потому что законы литературы (Некрасов здесь один поэт среди трёх прозаиков) и её жанров (социально-психологический реализм Толстого, политико-лирико-психологический реализм Тургенева и остро критический реализм Салтыкова-Щедрина) требовали разных изобразительно-выразительных средств, качественно-различного идейного пафоса в каждом случае, и поэтому определить степень «обличительства» с научной точки зрения в каждом из этих художественных миров можно лишь условно, приблизительно.

22. Не нравился Тургеневу из произведений Толстого только роман «Анна Каренина». Его скептические отзывы о «Войне и мире» при появлении романа сменились в 1870-е годы восторженными похвалами в письмах и в статьях, появлявшихся во французской печати.

23. Трудно сказать, каков был критерий у Толстого при определении писательского «статуса»: «литератор» – «не литератор». Смеем предположить, что в основу здесь положен принцип «литературности» слога писателей, его стилистической обработанности. С точки зрения Толстого, такая тщательная литературная обработка меньше других занимала Лермонтова (в прозе) и его самого. Но это придавало, наверное, по мнению Толстого, большую степень искренности в повествовании (см. его статью «Кому у кого учиться писать – крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?»).

24. «В каждом произведении словесном, – писал Толстой в этом же письме А.Н. Пыпину, – включая и художественные, есть три фактора:

1) кто и какой человек говорит ? 2) как ? – хорошо или дурно он говорит и 3) говорит ли он то, что думает, и совершенно то, что думает и чувствует».

25. Толстовское понятие «заминка» (у Достоевского) означает незавершённость собственного, авторского взгляда на изображаемые события и характеры, выносимые на страницы произведений. Достоевский был для Толстого человеком ищущим, мятущимся, находившимся в процессе внутренней борьбы, напряжённо работавшим над выяснением для самого себя основных вопросов нравственности. Это хорошо, но только для человека обыкновенного – честного, порядочного, гражданина. Для писателя же это плохо, ибо процесс внутренних борений не должен фиксироваться в художественном творчестве («заминка»), авторская позиция должна быть ясной и убедительной, без «заминки».

БИБЛИОГРАФИЯ

Автобиографические, биографические и мемуарные источники, касающиеся литературных и эстетических взглядов и оценок Л.Н. Толстого, использованные в данном пособии

I.

Толстой Л.Н. Пол. собр. соч. (Юбилейное): В 90 т. М., 1928-1958: серия II – «Дневники». Т. 47-59: 1951-1954; серия III – «Письма». Т. 60-89: 1949-1957.

Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями: В 2 т. М., 1978.

II.

Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828-1890. М., 1958.

Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1891-1910. М., 1960.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. Кн.1 (1828-1855). М., 1954.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. Кн.2 (1855-1869). М., 1957.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. Кн.3 (1870-1881). М., 1963.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. Кн.4 (1881-1885). М., 1970.

Опунская Л.Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. Кн.5 (1886-1892). М., 1979.

Опунская Л.Д. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. Кн. 6 (1892-1899). Издание не завершено. М., 1998.

III.

Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки. В 4т. М., 1979.

IV.

Булгаков В.Ф. Лев Толстой в последний год его жизни. М., 1989.

Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959.

Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. М., 1973.

Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. М., 1989.

Кузьминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986; Киев, 1987.

Сергеенко А.П. Рассказы о Л.Н. Толстом: Из воспоминаний П.А. Сергеенко. М., 1978.

Сухотина-Толстая Т.Н. Воспоминания. М., 1981.

Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1960, 1978.

Фет А.А. Воспоминания: В 3 т. М., 1992.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюшков Ф. Ричардсон, Пушкин и Л. Толстой: К эволюции семейного романа... // Журнал Мин. нар. просв., 1917, № 9.
2. Брейтбург С.М. Л.Н. Толстой: О письме Белинского к Гоголю // Литературное наследство. Т.57. М., 1951.
3. Гервольская Е.А. А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой: этико-художественная преемственность / Материалы XXV Международных Толстовских чтений. Тула, 1999.
4. Гусев Н.Н. Толстой о Пушкине: По неопубликованным материалам // Октябрь, 1937, № 1.
5. Кондратьев А.С. Проблема духовного возрождения человека в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» / Материалы XXV Международных Толстовских чтений. Тула, 1999.
6. Лазурский В.Ф. Л.Н. Толстой и Н.Н. Страхов // В.Ф. Лазурский. Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., 1911.
7. Маймин Е.А. Протопоп Аввакум в творчестве Л.Н. Толстого // Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русск.лит. АН СССР. М.-Л., 1957. Т. XIII.
8. Мендельсон Н.М. Герцен-Прудон-Толстой // Литературное наследство. Т. 15. М., 1934.
9. Модзалевский Б.Л. Стасов и Толстой // Л.Н. Толстой. Юбилейный сб. / Составит. и ред. Н.Н. Гусев. М.-Л., 1928.
10. Нестеренко А.А. Пушкин и Л.Толстой: родство и разница творческих позиций // Материалы науч. конф. Чимкентского пед. ин-та (Казахстан). Чимкент, 1972.
11. Николаева Е.В. Пушкин и Лев Толстой. (Размышления о характере сравнительного изучения) / Материалы XXV Международных Толстовских чтений. Тула, 1999.
12. Путеев А.С. Типология национального характера в прозе А.С. Пушкина и «Войне и мире» Л.Н. Толстого / Материалы XXV Международных Толстовских чтений. Тула, 1999.
13. Ремизов В.Б. Толстой и Пушкин о «просвещённом народе» и «чистоте нравов» // Л.Н. Толстой и А.С. Пушкин: Сопричастность идей, образов, судеб / Материалы XXV Международных Толстовских чтений. Тула, 1999.
14. Семёнов Л.П. Лермонтов и Л. Толстой. М., 1914.
15. Успенский И.Н. Письмо Белинского к Гоголю и Л.Н. Толстой // Белинский – историк и теоретик литературы. М.-Л., 1949.
16. Чуковский К.И. Толстой и Дружинин в шестидесятых годах: По неизданным материалам // К.И. Чуковский. Люди и книги. М., 1960.
17. Эйхенбаум Б.М. Пушкин и Толстой // Литературный современник, 1937, № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА	3
ГЛАВА II. ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА (1-я половина)	8
1. До Пушкина	8
2. Пушкин и Толстой	11
3. Лермонтов и Толстой	18
4. Гоголь и Толстой	22
5. Белинский и Толстой	35
ГЛАВА III. ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА (2-я половина)	45
1. Толстой и писатели-демократы 60-х годов	45
2. Толстой и Тургенев	52
ПРИМЕЧАНИЯ	104
БИБЛИОГРАФИЯ	107
ЛИТЕРАТУРА	108

А.А. Нестеренко

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЧАСТЬ II

А.А. Нестеренко

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЧАСТЬ II

